

УБИЙСТВО НА ДАЛЕКОМ АСТЕРОИДЕ

Евгений Павлов

Евгений Павлов

Убийство на далеком астероиде

«Автор»

2026

Павлов Е.

Убийство на далеком астероиде / Е. Павлов — «Автор», 2026

Шериф Джон просыпается под привычный гул гравитационной станции колонии «Little World» и варит себе кофе. Всё обычно, пока его не вызывают на место смерти техника Тома, который пропал после того, как нашёл что-то в накладных. Улики на месте преступления указывают на самого Джона. Теперь его цель — не просто найти убийцу, но и доказать свою невиновность. С помощью бариста Лин, ироничного ИИ-помощника и нескольких неожиданных союзников он распутывает клубок интриг, который выводит его на самый верх. «Убийство на далёком астероиде» — это уютный ироничный детектив о поиске правды в мире, где кофе — это валюта, а честность — главное оружие.

© Павлов Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чёрный как космос	5
Глава 2. Три факта на полу	23
Глава 3. Жучок	40
Глава 4. Грузовой сектор	51
Глава 5. Диспетчерская	63
Глава 6. Тени совета	76
Глава 7. Лицом к лицу	88
Глава 8. На острие	105
Глава 9. Тихая ночь перед бурей	133
Глава 10. Точка невозврата	147
Г	162
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Убийство на далеком астероиде

Глава 1. Чёрный как космос

Пробуждение

Просыпаться на астероиде — это особый талант. Гравитационное поле в колонии «Little World» держалось на честном слове и атомно-водородной станции, которая, по слухам, была собрана из деталей, списанных ещё с марсианских грузовиков. Каждое утро она издавала низкий, утробный гул, от которого у меня слегка вибрировали зубы. Гул нарастал, проходил через стены, через подушку, через череп, и где-то на пике этой вибрации я открывал глаза.

За окном, конечно, ничего не было. То есть было, но не окно, а иллюминатор, и не пейзаж, а чернота с редкими огоньками буровых вышек на соседних участках. Я смотрел в эту черноту каждое утро и думал, что когда-нибудь она мне ответит. Пока молчала.

В отсеке пахло перегретым пластиком — кондиционер опять барахлил, и тёплый воздух гнал по углам пыль, скопившуюся за неделю. Я сел на кровати, поскрёб щёку, уже подумывая, не пора ли снова отрастить бороду, и глянул на часы. Шесть тридцать по стандартному времени колонии. Это значило, что через час я должен быть в участке, через полтора — на патруле, а прямо сейчас — у плиты, потому что кофе сам себя не сварит.

В старых фильмах, которые я смотрел мальчишкой на Земле, шерифы просыпались иначе. Им звонил взволнованный мэр, или в окно влетала пуля, или, на худой конец, бармен из салуна сообщал, что в город приехал опасный тип в чёрной шляпе. Мэра у нас не было — был совет директоров. Пули в окно не влетали — иллюминаторы были рассчитаны на микрометеориты. А опасные типы в чёрных шляпах носили корпоративные костюмы и прилетали не на лошадях, а на кораблях с марсианской пропиской. Так что просыпался я под гул гравитационной установки и под собственный внутренний монолог, который с годами становился всё ворчливее.

Я прошлёпал босиком к кухонному углу. Плита, раковина, полка с единственной чашкой — моей, с трещиной по ободку, которую я не выбрасывал по причинам сугубо сентиментальным. Никакой кофемашины. Лин, конечно, смеялась надо мной: «Шериф, ты живёшь в будущем, а кофе варишь как ковбой». Но я не доверял автоматам. Кофемашины ломались, требовали обновления прошивки, жаловались на жёсткость воды и в самый неподходящий момент выдавали ошибку «E07 — помол недоступен». Я предпочитал ручной способ: турка, вода, огонь, две ложки молотого порошка, который Лин молола для меня лично из каких-то особых зёрен, выращенных в гидропонике под розовым спектром.

Я поставил турку на конфорку и стал ждать.

Это было лучшее время суток. Тишина, в которой гул станции становился почти музыкой. Медленно поднимающаяся пенка. Запах — сначала горький, потом глубокий, с оттенком шоколада и чего-то ещё, чему Лин придумывала названия вроде «ноты лунной пылицы» или «послевкусие одиночества». Я смотрел, как кофе поднимается к краю, и ни о чём не думал. Это была единственная минута в сутках, когда я действительно ни о чём не думал. Не о колонии,

не о патруле, не о потерянном значке (которого я пока ещё не потерял, но это случится через несколько часов). Только я и кофе. И чёрное небо в иллюминаторе.

Когда кофе был готов, я перелил его в чашку, сел за стол и сделал первый глоток. Он обжёг язык, но это было приятно. Горячо — значит, жив. Я крутил чашку в руках, чувствуя пальцами трещину на ободке, и думал о том, что сегодня, наверное, будет спокойный день. Помидоры в гидропонике, ссора соседей, может, пьяный пилот в портовом баре. Рутинa. Я любил рутину. В рутине было больше смысла, чем в подвигах.

Я допил кофе, оделся, проверил бластер, привычным жестом поправил значок шерифа на груди и вышел в коридор.

Гул гравитационной станции провожал меня, как старый друг. И, как старый друг, он не говорил мне, что этот день будет совсем не спокойным. Что технику Тому осталось жить меньше суток, и что последний кофе в его жизни будет не из моей турки, а из чужих рук.

Но это я узнаю позже. А пока — патруль. И Лин. И её фирменный «Чёрный как космос», который она варит лучше всех в колонии, хотя и смеётся над моим ковбойским способом.

Дорога через колонию

Коридор жилого сектора встретил меня привычным запахом — смесью рециркулированного воздуха, старой проводки и чего-то отдалённо напоминающего хлорку. Запах, который на Земле называли бы «вокзальным», а здесь, на астероиде, называли просто «дом». Я миновал три одинаковые двери, кивнул соседу — пожилому гидропоннику, который каждое утро выходил в коридор ровно в шесть сорок пять, чтобы вытряхнуть коврик, хотя коврика у него не было, — и спустился в гаражный отсек.

Мой транспорт стоял в углу, под мигающей лампой, и выглядел ровно так, как выглядит патрульная машина, которую собирали из трёх списанных и одной украденной. «Койот-4» — модель старая, но надёжная, как молоток. Колёс у него не было, только магнитные захваты для передвижения по металлическим палубам и два слабых гравитационных движка для прыжков через открытые пространства между секторами. Кабина была тесной, сиденье продавленным, а на приборной панели кто-то до меня прилепил выцветшую наклейку с надписью «Не психуй — мы все тут в космосе». Я не стал её отдирать. Она была права.

Я завёл двигатель. Он чихнул, кашлянул и загудел — ровно, низко, успокаивающе. Я положил руки на штурвал и выехал из гаража в главный транспортный коридор.

Колония «Little World» просыпалась.

Первыми, как всегда, зажигались лампы в гидропонных ярусах — длинные фиолетовые полосы, под которыми зрели помидоры, огурцы, салат и та самая кофейная рассада, которую Лин называла «нашим зелёным золотом». Свет отражался в металлических панелях потолка и создавал странный, почти подводный эффект: казалось, колония не висит в космосе, а плавает в неглубоком море. Я проехал мимо открытой платформы, где уже возились агротехники — двое парней в синих комбинезонах, лениво переругивающихся из-за графика полива.

— Шериф! — крикнул один из них, поднимая руку. — Когда вы уже запретите Лин продавать её «Лунный экспресс»? У меня после него сердце колотится как после допроса!

— Это не кофе, это характер, — ответил я, не сбавляя скорости. — Меньше пей.

Парень засмеялся. Я поехал дальше.

Транспортный коридор повернул направо, и передо мной открылся главный проспект колонии — улица, которую официально называли «Центральным бульваром», а неофициально — «Кишкой». Длинная, узкая, с низким потолком и бесконечными рядами дверей: лавки, мастерские, бары, кафе. Здесь пахло жареным маслом, машинной смазкой и той особенной смесью человеческого пота и дешёвого дезодоранта, которая говорит о том, что цивилизация жива, хоть и слегка помята.

Я проехал мимо портового бара «Шлюз». Дверь была приоткрыта, и оттуда доносился хриплый смех — пилоты с ночного рейса ещё праздновали посадку. У входа дремал старый робот-уборщик, которому кто-то пририсовал усы маркером. Дальше — мастерская часовщика, который не чинил часы (кому они нужны в космосе?), а паял микросхемы для систем жизнеобеспечения. Ещё дальше — лавка тканей, где хозяйка-вьетнамка торговала синтетическим шёлком, выращенным, по слухам, из грибного мицелия.

Я знал здесь каждого. Не по именам — имён в колонии было двенадцать тысяч, и запомнить их все не смог бы даже ИИ, — а по повадкам. Вот этот лавочник всегда завышает цены в пятницу. Вот эта девушка-пилот пьёт только матчу и никогда не смотрит в глаза. Вот этот старик-механик когда-то летал на марсианских грузовиках, а теперь чинит кофемашины и никому не рассказывает о прошлом. Я знал их привычки, их страхи, их маленькие тайны. Это и было моей работой — не стрелять, не допрашивать, а просто знать. И иногда — делать вид, что не знаешь.

Кишка закончилась, и я выехал на небольшую площадь перед коммерческим сектором. Здесь, под самым куполом, висела старая голографическая вывеска, которую не меняли с момента основания колонии: «Little World — ваш дом в поясе». Буква «W» мигала — питание барахлило. Под вывеской, у фонтана, который никогда не работал (вода была слишком дорогой для декораций), сидела пара подростков и о чём-то спорила. Увидев мою машину, они замолчали и сделали вид, что просто гуляют. Я сделал вид, что поверил.

И вот, наконец, слева показалась та самая вывеска — кривая, но старательно раскрашенная от руки, с кофейной чашкой, из которой поднимался пар, и надписью:

«СВЕЖЕВЫЖАТЫЙ КОФЕ»

Каждый раз, глядя на неё, я вспоминал историю о том, как Лин регистрировала бизнес, а компьютер что-то перепутал и выдал это название. Она клялась, что всё так и было. Я подозревал, что она врёт, но доказательств у меня не было — а у Лин и её кофемашины было алиби.

Я припарковался у входа, вышел из кабины и потянулся, чувствуя, как хрустят позвонки. Утренний гул станции стал тише — здесь, в коммерческом секторе, гравитация была стабильнее. Из-за двери кофейни пахло ванилью, корицей и чем-то ещё, чему Лин придумывала поэтические названия, а я называл просто «вкусно».

Свежевыжатый кофе

Я толкнул дверь. Звякнул колокольчик, и я шагнул в тепло, в мягкий жёлтый свет гирлянды, которая никогда не гасла. После стерильного гула транспортного коридора кофейня казалась почти вызывающе живой — как будто у неё было собственное сердцебиение, отдельное от гравитационной станции.

Лин стояла за стойкой и полировала кофемашину. На ней был тот самый передник с вышитой чашкой, волосы собраны в идеальный пучок, ни одна прядь не выбивалась. Она подняла на меня глаза и улыбнулась той самой улыбкой, от которой даже в холодном космосе становилось теплее.

— Шериф. Как обычно — «Чёрный как космос»?

— Как обычно, — сказал я. — Только добавь в него надежды. День будет долгим.

— День всегда долгий, — Лин взяла чашку, — когда ты пьёшь не тот кофе.

Она повернулась к кофемашине, а я сел за свой любимый столик у стены, откуда было видно и вход, и стойку, и окно в гидропонный сад. Старые полицейские привычки не умирают. Особенно если их подкармливать хорошим кофе.

В кофейне было почти пусто. Старый Маркус, отставной агротехник, сидел у окна и читал что-то с планшета, шевеля губами. У стойки переминалась с ноги на ногу молодая вахтовичка в комбинезоне с нашивкой «Грузовой сектор». Лин как раз протянула ей дымящийся стакан.

— Ваш «Лунный экспресс». Двойной кофеин, без сахара. Пить осторожно: после него хочется работать. Проверено.

Вахтовичка благодарно кивнула и ушла. Я подвинул стул и сел поудобнее, привычно положив руки на стол.

Лин не оборачивалась, но я знал: она уже всё про меня поняла. По звуку шагов. По тому, как я отодвинул стул. По количеству секунд, которые я потратил, чтобы устроиться.

— Хронический недосып, лёгкая ворчливость, возможно, обезвоживание, — произнесла она, не поворачиваясь, и взялась за турку. — Кофе сейчас будет.

— Я уже заказывал.

— Ты заказывал полчаса назад в дверях. Это был аванс. — Она наконец обернулась, и я увидел знакомую улыбку — ту самую, от которой даже в холодном космосе становилось чуть теплее. — А сейчас — продолжение. Надежду ты, кажется, уже истратил.

— Частично.

— Тогда добавлю ещё. У меня сегодня щедрое настроение.

Я смотрел, как она работает. Руки двигались с той точностью, которую не купишь за деньги и не получишь в наследство — только с опытом. Лин была бариста уже... сколько? Десять лет, кажется. Или пятнадцать. В колонии время шло странно — без смены сезонов, без восходов и закатов, только смена вахт и расписание грузовиков. Но по утрам, когда она варила кофе, время возвращало себе смысл.

Кофемашина номер три, стоявшая в углу, молчала. Обычно к этому часу она уже гудела, перемалывая зёрна для первых посетителей, но сегодня её дисплей тускло мерцал, а крышка помольного отсека была приоткрыта.

— Опять капризничает? — спросил я, кивнув в её сторону.

— Помол плавает, давление скачет. Вчера выдала раф с комками. Клиент был вежлив, но я видела разочарование в его глазах. Это невыносимо.

— Том обещал зайти?

— Обещал. Вчера вечером. Не пришёл.

Я помолчал, вспоминая вчерашний вечер в этой же кофейне. Том вошёл мрачный, с порога бросил что-то резкое Лин — я даже не запомнил дословно, тон был важнее. Вскочил раньше, чем сообразил. Мы обменялись парой фраз на повышенных тонах, он вылетел, хлопнув дверью. Лин тогда сказала: «Не бери в голову, у него трудный день». Но я взял.

— Может, он всё ещё дуется, — сказал я. — После вчерашнего.

Лин поморщилась, не переставая протирать кофемашину.

— Это было... странно. Он никогда не позволял себе такого тона. Ни с кем.

— Тем более с тобой.

— Тем более со мной, — согласилась она. — Я уж подумала, не случилось ли чего. А потом ты заступился, и он сразу ушёл. Как будто только этого и ждал.

Я пожал плечами:

— Я тоже не сдержался. Прости, если перегнул.

— Ты перегнул, — Лин впервые за утро улыбнулась, но улыбка вышла бледной. — Но я тебе благодарна. Просто... Том не тот человек, который срывается на других. Вот я и волнуюсь.

— Зайду к нему, — сказал я. — По пути. У меня патруль.

— Спасибо. — Она на секунду задержала на мне взгляд. — Ему, наверное, просто запчасти задержали. Опять. Или он застрял в административном — у них там кофемашина сдохла ещё во вторник, а без кофе чиновники становятся особенно бессмысленными.

— А с кофе?

— С кофе они становятся бессмысленными, но быстрее.

Мы обменялись улыбками — тем особым, заговорщическим обменом, который бывает только у людей, слишком давно живущих в одном замкнутом пространстве.

Через минуту передо мной опустилась чашка. Фарфор, тонкостенный, из особого сервиза, который Лин берегла для постоянных посетителей. Рядом она поставила тарелку с фисташковым капкейком — зелёная глазурь, сахарная пудра, одинокая кофейная капля на боку, застывшая как тёмная родинка.

— «Чёрный как космос», — объявила она. — Свежесмолотый, сваренный под давлением семь атмосфер, с добавлением угольной крошки, если верить твоим вкусовым рецепторам.

— Угольной крошки?

— Метафора, Джон. Метафора.

Я взял чашку и сделал глоток. Кофе был горьким, плотным, с долгим послевкусием, которое Лин называла «послевкусием одиночества». Я называл его просто «хороший кофе». Споры о терминологии были нашим любимым видом спорта.

— А капкейк? — спросил я, отламывая край. — С какой метафорой на этот раз?

— Никакой. Просто капкейк. Иногда выпечка — это просто выпечка.

— Ты никогда раньше так не говорила.

— Я никогда раньше не пекла эту партию. — Она вытерла руки о передник и присела на соседний стул. — Крем расслоился, тесто вышло суше, чем я хотела. Том сказал, что сухие капкейки лучше впитывают кофе. Буду макать, говорит.

— Мудрый человек.

— Мудрый. И очень занятой в последнее время. — Она помолчала. — Знаешь, он вчера заходил в диспетчерскую, к Каю. Кофемашину им чинил. А потом, говорят, ещё часа два сидел за терминалом, что-то смотрел. Кай думал, фильмы качает.

— А что на самом деле?

— Не знаю. Но Том не смотрит фильмы. Он вообще ничего не смотрит, кроме схем и инструкций. Может, влюбился.

Я хмыкнул и откусил ещё капкейка. Крем действительно был чуть суховат, но фисташковый вкус всё равно пробивался, тёплый и настоящий. Лин смотрела на меня с тем выражением, которое я знал слишком хорошо: она хотела что-то сказать, но ещё не решила, стоит ли.

— Ты что-то недоговариваешь.

— Я? — Она удивилась. — Я просто думаю, что Том слишком много работает. И слишком мало говорит о том, что его беспокоит. Это всё.

— Ты тоже так делаешь.

— Я учусь у мастеров.

В кофейню вошли двое — те самые вахтовики, которых я видел в портовом баре. Они уже успели сменить лётные куртки на гражданские комбинезоны и теперь озирались с видом людей, которые только что проснулись и ещё не уверены, на какой планете находятся.

— Шериф, — кивнул один из них, заметив меня. — Утренний обход?

— Утренний кофе, — поправил я.

— А нам бы чего покрепче, — сказал второй. — После вчерашнего башка гудит как марсианский бур.

Лин уже стояла наготове.

— Два «Реаниматора». Двойной эспresso, сироп от головной боли, капля кайенского перца. Вернёт вас к жизни быстрее, чем вы хотите.

— Это угроза? — спросил первый, но уже улыбался.

— Это гарантия.

Пока она колдовала, я допил кофе, поднялся и вытер пальцы салфеткой. Вахтовики уселись за соседний столик и заговорили вполголоса о чём-то своём. Я невольно прислушался — опять же, профессиональная привычка.

— Груз с Марса задерживают, — сказал тот, что постарше. — Уже на двое суток. Говорят, контракт пересматривают.

— Какой контракт?

— На воду. Тот самый, большой. Если не продлят — нам тут всем придётся затянуть пояса.

— Или улететь отсюда к чёртовой матери.

— Ага. Только билетов нет. И не будет.

Я мысленно сделал пометку. Вода. Опять вода. В последнее время это слово звучало чаще обычного — и не в контексте «как хорошо, что она у нас есть», а в контексте «что-то идёт не так». Я не любил такие совпадения.

Лин перехватила мой взгляд и чуть повела бровью: «Ты тоже это слышал?» Я кивнул.

— Спасибо за завтрак, — сказал я, доставая из кармана пару монет. Лин отмахнулась.

— За счёт заведения. Ты сегодня патрулируешь, а патруль на голодный желудок — это нарушение техники безопасности.

— Я не знал, что у тебя есть техника безопасности.

— У меня всё есть. Просто я не кричу об этом на каждом шагу. — Она сунула мне в руку бумажный пакет. — Круассан. С маслом. Ты опять не завтракал, я знаю. Ковбои, конечно, питаются виски и справедливостью, но мы с тобой в космосе, а не в вестерне.

— В вестерне у меня была бы лошадь, — проворчал я.

— У тебя есть «Койот-4». Он ест меньше сена.

Я убрал круассан в карман куртки, машинально проверил значок на груди — он был на месте, — кивнул вахтовикам и направился к выходу. Уже у двери меня догнал голос Лин:

— Джон.

Я обернулся.

— Если увидишь Тома раньше меня, — она на секунду замялась, — скажи, что машина номер три умрёт без него. Я тоже, но позже.

— Передам.

Колокольчик звякнул за моей спиной, отсекая тепло и запах кофе. Утренний свет в колонии разгорался. Патруль звал. И где-то там, в техническом секторе, Том, возможно, уже ждал меня. Я поудобнее перехватил пакет с круассаном и пошёл к «Койоту». День обещал быть долгим, но пока кофе ещё грел изнутри, а значок тяжело и привычно оттягивал карман, я мог обманывать себя мыслью, что всё идёт как обычно.

Первый вызов

«Койот-4» загудел, выезжая с парковки у «Свежевыжатого», и я направил его в сторону жилых секторов. Круассан Лин лежал в кармане куртки и грел не столько живот, сколько душу. Я думал о том, что если бы рай существовал, он пах бы именно так: маслом, кофе и чуть-чуть ванилью. Но рая не было. Был патруль, и диспетчерская уже пицала в наушнике.

— Шериф, вызов в секторе С, квартира сорок два. Соседи не поделили доступ к гидропонному модулю. Жалоба от обеих сторон. Требуется ваше присутствие.

— Принято, — буркнул я в микрофон. — Еду.

Гидропонный модуль. Соседи. Я вздохнул и повернул штурвал. День действительно будет долгим.

Жилой сектор С был одним из старейших в колонии. Его строили ещё в первую волну заселения, и с тех пор он слегка осел, как старый дом на Земле, только вместо фундамента у него были компенсаторы гравитации, которые иногда подтекали. Стены здесь были тоньше, двери — уже, а запахи — гуще. Пахло разогретыми пайками, детскими голосами (удивительно, как у запаха может быть возраст) и той особой смесью бытовой химии с гидропонным субстратом, которая говорила: здесь живут люди, и они пытаются сделать это место уютным.

Я припарковался у входа в модуль, кивнул подростку, который сидел на корточках у стены и что-то читал с планшета (школа? игра? неважно), и вошёл.

Квартира сорок два находилась на втором ярусе. Я поднялся по лестнице — лифт не работал уже вторую неделю, и механики, как водится, обещали починить его «в ближайшее время», что на колониальном диалекте означало «никогда». На площадке меня уже ждали. Двое.

Первый — мужчина лет пятидесяти, лысоватый, в растянутом свитере и с лицом человека, который когда-то обещал себе не нервничать, но забыл, когда именно. Второй — женщина примерно того же возраста, худая, с острыми плечами и причёской, которая не менялась, кажется, со времён первой марсианской экспедиции. Они стояли по разные стороны двери, ведущей в общий гидропонный отсек, и смотрели друг на друга с той степенью ненависти, на которую способны только соседи.

— Шериф! — воскликнули они почти одновременно.

— Так, — сказал я, поднимая руку. — По одному. И желательно не одновременно.

— Он залил мои помидоры! — выпалила женщина. — У меня там «Черри-Экстра», гибрид, я их три месяца растила! А он включил полив на полную мощность, потому что ему, видите ли, «показалось, что грунт сухой»!

— Он был сухой! — взвился мужчина. — Я агротехник, между прочим! У меня диплом! Я знаю, как должен выглядеть грунт!

— У вас диплом по картофелю, — процедила женщина. — А это помидоры. Нежная культура. Им нужен режим.

— Режим?! — мужчина всплеснул руками. — Да вы бы видели, что у неё там с режимом! Она их поливает не по графику, а по настроению! Во вторник — два литра, в среду — ни капли, а в четверг — литр с половиной и зачем-то жидкий компост!

— Это специальный компост! — женщина повернулась ко мне. — Шериф, он просто завидует. У меня в прошлом сезоне было двадцать три килограмма с куста.

— С трёх кустов, — уточнил мужчина. — И не двадцать три, а девятнадцать. Я считал.

Я закрыл глаза и сосчитал до трёх. Потом открыл и посмотрел на них обоих.

— Как вас зовут? — спросил я женщину.

— Миссис Грин.

— Мистер Грин? — повернулся я к мужчине.

— Петросян, — буркнул он. — Мы не родственники. Просто соседи.

— Прекрасно. Миссис Грин, мистер Петросян. Давайте зайдём в гидропонный модуль, и вы покажете мне, что случилось.

Гидропонный модуль был маленьким — три на четыре метра, с низким потолком и яркими фиолетовыми лампами, от которых у меня всегда начинали болеть глаза. На стеллажах росли помидоры, огурцы, пучки салата и что-то ещё, чему я не знал названия. Пахло влажной землёй, хотя земли здесь не было — только питательный раствор и губчатый субстрат.

Помидоры миссис Грин выглядели... неплохо. Слегка поникшие, но живые. Почва под ними была влажной, но не мокрой. Я, честно говоря, не видел в этом ничего криминального.

— Вот, — миссис Грин ткнула пальцем в грядку. — Видите? Переувлажнение. Корни могут загнить.

— А вот, — мистер Петросян ткнул в другую грядку. — Видите? Абсолютно сухой верхний слой. Я просто включил автополив на десять минут.

— На пятнадцать!

— На десять!

— На пятнадцать, я засекала!

Я подошёл к пульту управления поливом. Старый, исцарапанный, с выцветшими кнопками. На дисплее горела история команд. Последняя — включение полива на двенадцать минут. Я показал дисплей обоим.

— Двенадцать, — сказал я. — Ни десять, ни пятнадцать. Двенадцать. Компромисс, который устроил автоматику, но не устроил вас.

Они замолчали. Миссис Грин поджала губы. Мистер Петросян отвёл взгляд.

— А теперь слушайте, — я прислонился спиной к стеллажу и скрестил руки на груди. — Мы живём в космосе. На астероиде. За стеной — вакуум, радиация и температура минус двести. Здесь, внутри, у нас есть вода, свет, еда и возможность выращивать помидоры. Помидоры. В космосе. Вы понимаете, как это удивительно?

Они молчали.

— Вы не враги, — продолжал я. — Вы — два человека, которые любят свои растения. Это нормально. Но если вы будете тратить энергию на ссоры, у вас не останется сил на то, чтобы заботиться о них. А растения, между прочим, чувствуют. Почитайте научные статьи, я не шучу.

— Они правда чувствуют? — тихо спросила миссис Грин.

— Правда, — сказал я, не будучи уверенным ни на йоту. — У меня есть знакомая бариста, которая с ними разговаривает. И они растут лучше, чем у всех остальных.

Миссис Грин и мистер Петросян переглянулись.

— Может, составить график? — неохотно предложил он.

— Может, и составить, — так же неохотно отозвалась она.

— Вот и отлично, — я выпрямился. — График — это скучно, но это работает. Если будут разногласия — вызывайте меня. Но в следующий раз принесу круассаны, и будем решать вопрос за чаем. А пока — перемирие?

— Перемирие, — буркнула миссис Грин.

— Перемирие, — кивнул мистер Петросян.

Я вышел из гидропонного модуля с чувством выполненного долга. В наушнике снова пискнуло.

— Шериф? Это диспетчерская. В грузовом отсеке Г-7 сработал датчик нарушения тишины. Возможно, ложный, но лучше проверить.

— Принято. Еду в Г-7.

Я сел в «Койот», завёл двигатель и выехал из жилого сектора. Гидропонные лампы мигали в зеркале заднего вида, как уходящий сон. Я думал о миссис Грин и мистере Петросяне, о помидорах, о том, как странно устроены люди: мы можем жить в железной банке посреди космоса и всё равно находить поводы для ссор из-за двенадцати минут полива. Но так же мы находим поводы мириться, сажать цветы, печь круассаны и варить кофе. И это, наверное, и есть цивилизация. Не купола, не гравитационные установки, не корабли. А просто люди, которые не хотят, чтобы корни загнили.

Я ехал в грузовой отсек Г-7. Круассан всё ещё грел карман. День продолжался.

И я ещё не знал, что мой значок уже не на груди. И что грузовой отсек Г-7 — это не ложный вызов, а начало конца. Но пока — «Койот» гудел, в наушнике молчала диспетчерская, и где-то впереди, в техническом секторе, Том, возможно, уже ждал меня со своей неизменной отвёрткой с синей ручкой. А может, и нет.

Об этом я думал меньше всего. И зря.

Технический модуль Тома

Технический сектор колонии располагался в нижнем ярусе, там, где гул гравитационной станции ощущался уже не звуком, а скорее давлением в ушах. Здесь пахло машинным мас-

лом, озоном от старой проводки и той особенной сухой пылью, которая скапливается только в помещениях, где люди работают, а не живут. Я оставил «Койот» у входа в сектор, кивнул механику, который возился с распределительным щитком, и пошёл пешком. В техническом секторе транспорт был бесполезен: коридоры здесь были узкими, заставленными ящиками с запчастями и свёрнутыми кабелями.

Модуль Тома находился в тупике коридора «Д», рядом со старой вентиляционной шахтой, которую заварили ещё в прошлом году после аварии. Дверь была приоткрыта.

Это было первое, что меня насторожило.

Том никогда не оставлял дверь открытой. Не из паранойи, а из профессиональной привычки: кофемашины — техника тонкая, пыль и влага их убивают, а коридорный сквозняк нёс и то, и другое. Я помнил, как однажды Лин жаловалась, что Том прочитал ей целую лекцию о микроклимате, когда она забыла закрыть дверь в подсобку.

— Том? — позвал я, подходя ближе. — Ты здесь?

Тишина.

Я толкнул дверь и вошёл.

Мастерская Тома была странным местом. Не складом, не офисом, не жилым отсеком, а скорее чем-то средним, с лёгким налётом безумия. Вдоль стен стояли стеллажи, уставленные разобранными кофемашинами. Модели «Кухня-Плюс», старые «Бариста-3000», списанные с марсианских кораблей агрегаты, которые кто-то когда-то пытался приспособить под местную гравитацию. У каждой из них была бирка с номером и пометкой, сделанной мелким, убористым почерком Тома. Я присмотрелся: «Ждёт помпу», «Грелка под вопросом», «Пациент скорее жив, чем мёртв», «Этому только молитва». Том относился к кофемашинам как к живым существам. Может, поэтому они его слушались.

Самого Тома не было. На верстаке, в круге света от лампы, лежала раскрытая папка с инструкцией к кофемашине — той самой, номер три из «Свежевыжатого». Страницы пестрели пометками: «Помол — проверить калибровку», «Давление — 9 бар, не выше, иначе пенка горчит», «Спросить Лин про шум на второй скорости». Рядом с папкой стояла кружка с недопитым кофе — уже холодным, с плёнкой на поверхности. И отвёртка.

Отвёртка с синей ручкой.

Я заметил её краем глаза — отвёртку с синей ручкой, одиноко лежащую на верстаке среди папок и кружки с холодным кофе. «Малышка». Том никогда с ней не расставался. Всегда носил в нагрудном кармане, шутил, что это единственная женщина, которая его не подводит. И вот она здесь — а его нет. И дверь открыта. И кофе не допит.

Странно. Не то чтобы в колонии не случалось странностей, но от Тома я такого не ожидал.

Я приклеил стикер к папке с инструкцией, написал несколько слов и уже собрался уходить, когда снова бросил взгляд на «Малышку». Может, просто забыл? Замотался с делами и

оставил? Успокоительная мысль, но она почему-то не успокаивала. Я слишком хорошо знал Тома, чтобы верить в такую забывчивость.

Лин бы точно не поверила. Она с утра уже заметила, что Том не пришёл чинить кофемашину, и это её встревожило. «Он никогда не опаздывает», — сказала она. А я ответил: «Заскочу проверю». Теперь я стоял в его мастерской и понимал, что проверка не сняла вопросов, а только добавила.

Я вышел в коридор, плотно прикрыл за собой дверь и кивнул механику, который по-прежнему возился с распределительным щитком. «Койот» завёлся с третьей попытки, и я выехал в транспортный коридор. В наушнике молчала диспетчерская. В кармане лежал круасан. Впереди был грузовой отсек Г-7, ложный вызов и долгий день, в котором почему-то не получалось отделаться от мысли о синей рукоятке на пустом верстаке.

Ложный сигнал

Грузовой сектор Г-7 находился на дальней окраине колонии, там, где жилые модули уступали место складам, а склады — пустоте. Я ехал туда по транспортному коридору, который с каждым поворотом становился всё темнее и тише. Лампы здесь горели через одну — экономия энергии, — и свет фар «Койота» выхватывал из темноты то облупившуюся маркировку на стене («Г-6 →», «Г-7 →», «Технический, посторонним не входить»), то забытый кем-то контейнер. Навигатор пискнул и сообщил, что я на месте.

Я заглушил двигатель и вышел. Тишина здесь была другой — не уютной, как в жилых секторах, а глубокой, вакуумной, нарушаемой только гулом генераторов за стеной. Пахло машинным маслом и металлической пылью. Я невольно поёжился — не от холода, а от какого-то смутного чувства, которое всегда возникало у меня в пустых грузовых отсеках. Может быть, это была профессиональная паранойя. А может — здравый смысл.

— Диспетчерская, — сказал я в микрофон, — я в Г-7. Что-то тихо.

— Подтверждаем, шериф. Датчик движения сработал в отсеке 7-Б. Возможно, ложный. Проверьте.

— Принято.

Я достал фонарь и пошёл вглубь отсека.

Грузовой сектор Г-7 был огромным — высотой в два яруса, с потолком, теряющимся в темноте. Вдоль стен громоздились контейнеры всех размеров: одни опечатанные, с маркировкой корпораций, другие открытые, с каким-то хламом. Здесь хранилось всё, что не нужно было прямо сейчас, но могло пригодиться потом: запасные панели для купола, бухты кабеля, старые скафандры, детали для ремонта шлюзов. Тусклый аварийный свет едва освещал пространство, и тени от контейнеров падали на пол длинными, кривыми полосами. Я медленно пошёл по центральному проходу, светя фонарём по сторонам.

— Есть кто? — спросил я в темноту. — Шериф колонии. Обход.

Тишина. Потом — шорох.

Я замер, положил руку на бластер и медленно повернулся. Луч фонаря скользнул по контейнерам, по стенам, по чему-то мелкому и тёмному, что метнулось в угол.

Крыса.

Обычная, живая, с блестящими глазками и длинным хвостом. Она замерла на секунду, глядя на меня с выражением полного недоумения («А ты что здесь делаешь?» — читалось в её глазах), а потом юркнула в щель между контейнерами и исчезла. Я выдохнул и убрал руку с бластера. Крысы в колонии были, хоть служба санитарного контроля и пыталась это отрицать. Они попадали с грузами, размножались в тёплых отсеках и, говорят, даже научились переживать кратковременную разгерметизацию. Лин как-то сказала, что если колония когда-нибудь погибнет, то последними, кто покинет её, будут крысы и запах кофе. Я тогда посмеялся, но сейчас, глядя на пустой отсек, подумал, что в этой шутке было больше правды, чем хотелось бы.

— Ложный вызов, — сказал я в микрофон. — Тут только крыса. Диспетчерская, зафиксируйте ложное срабатывание датчика в Г-7Б.

— Принято, шериф. Отбой вызова.

Я уже собирался развернуться и уйти, когда заметил кое-что ещё. В углу, за грудой пустых контейнеров, стоял груз. Отдельный, тщательно закреплённый, с яркой биркой, которая блестела даже в тусклом аварийном свете. Я подошёл ближе.

«ВОДА — МАРС. Партия № 44. Отправитель: Little World Logistics. Получатель: Mars Colonial Authority».

Контейнер был опечатан, но на пломбе виднелись царапины — свежие, металлические, не пыльные. Кто-то открывал его недавно. Я провёл пальцем по краю пломбы, не касаясь её, просто оценивая. Царапины были не от инструментов — такие остаются, когда пломбу снимают в спешке и ставят обратно, надеясь, что никто не заметит.

Я достал планшет и сфотографировал бирку, пломбу и царапины. Потом, повинувшись привычке, которую не выключить даже в пустом отсеке, сделал пометку: «Г-7, контейнер № 44, пломба повреждена, проверить логи доступа».

Я убрал планшет и задержался на секунду. «Вода — Марс. Партия № 44». Тысячи тонн в месяц, я видел эти цифры в ежемесячных сводках, которые приходили в участок. Колония жила водой, как Земля когда-то жила нефтью, а Марс — мечтами о терраформировании. Вода была нашей валютой, нашим смыслом существования, единственной причиной, по которой кто-то вообще вложил деньги в этот астероид. Интересно, сколько из того, что мы грузим, доходит до конечного получателя?

Я слышал, что при транспортировке списывают процентов пять на технологические потери. Испарение при погрузке. Микротрещины в контейнерах. Ошибки учёта. Корпоративная норма, утверждённая советом директоров и подписанная самим Вейлом. Пять процентов — это звучало разумно, когда читаешь отчёт за столом в участке. Но когда стоишь рядом с контейнером, который весит тысячи тонн, пять процентов — это целое озеро. Куда оно девается?

Я представил себе цепочку, о которой нам рассказывали на инструктаже: роботы-добытчики дробят ледяной реголит, везут на завод, там его плавят, фильтруют, дистиллируют — и вот из грязной космической породы получается прозрачная вода, которую можно пить, поливать помидоры миссис Грин или заливать в топливные баки. А потом её загружают в такие вот контейнеры и отправляют на Марс. И где-то по пути пять процентов исчезает.

Я тряхнул головой. Это не моя работа. Моя работа — следить за порядком, а не за водяным балансом колонии. Для этого есть логисты, бухгалтеры, администраторы. Пусть у них голова болит.

Я развернулся и пошёл к выходу.

И где-то по пути, между контейнером № 44 и дверью, я его потерял.

Значок.

Тот самый, что висел у меня на груди каждое утро, каждый день, каждый патруль уже девять лет. Я не почувствовал, как он отцепился. Возможно, зацепился креплением за выступ контейнера, пока я пробирался в узком проходе. Возможно, просто выпал, когда я наклонился, чтобы сфотографировать бирку. А возможно — и эта мысль придёт ко мне позже, уже ночью, когда я буду ворочаться в кровати, — кто-то хотел, чтобы я его потерял. Чтобы значок оказался там, где его найдут. Чтобы его нашли не просто в грузовом отсеке, а на месте преступления.

Но пока — я вышел из Г-7, сел в «Койот», завёл двигатель и поехал обратно, в жилые сектора. В наушнике молчала диспетчерская. В кармане лежал круассан, слегка помявшийся, но всё ещё тёплый. Я думал о контейнере с водой, о царапинах на пломбе и о том, что пять процентов от тысяч тонн — это и вправду целое озеро. И куда-то оно ведь девается.

День клонился к вечеру. Впереди была рутина: бумажная работа, отчёт о ложном вызове, вечерний обход. А потом — звонок от Лин, который заставит меня забыть и о контейнере, и о значке. Но пока я об этом не знал. Пока я просто вёл патрульную машину домой, а значок лежал на полу грузового отсека и ждал, когда его найдут чужие руки.

Я нажал на газ. «Койот» загудел и поехал быстрее, унося меня из тёмного грузового отсека обратно в свет, к людям, к работе. К жизни, которая пока ещё была нормальной.

Вечерняя смена

Участок располагался в центральном секторе колонии, в двух шагах от административного корпуса, с которым мы старались не пересекаться без крайней нужды. У них там были свои заботы: бюджет, контракты, отчёты перед Землёй. У нас — свои: драки, кражи, бытовые ссоры и иногда — настоящие преступления. За девять лет я привык, что администрация смотрит на нас как на некое подобие обслуживающего персонала: «полиция — это санитары общества», кажется, так выразился однажды Вейл. Я не спорил. Санитары так санитары. Лишь бы зарплату платили.

Я припарковал «Койот» у служебного входа, кивнул дежурному — сержанту Мире, которая сидела за пультом с выражением лица человека, слишком давно не пившего кофе, и прошёл к себе.

Мой кабинет был маленьким. Стол, два стула, терминал, сейф, голографическая карта колонии на стене и неизменная кружка с трещиной, которую я принёс сюда из дома. Я сел, включил терминал и начал разбирать накопившиеся за день отчёты.

Бумажная работа — это особая форма пытки. Я не знаю, кто её придумал, но подозреваю, что тот же человек, который спроектировал систему вентиляции в грузовом секторе. Каждый вызов, каждый инцидент, каждое движение нужно было зафиксировать. «Ложный вызов, сектор Г-7, датчик движения, крыса», — напечатал я. Помедлил и добавил примечание: «Осмотрен контейнер "Вода — Марс", пломба повреждена. Рекомендуется проверить». Потом подумал, стёр «рекомендуется проверить» и написал «проверил сам». Не потому, что не доверял логистам. Просто привык доводить дела до конца.

В дверь постучали. Не дожидаясь ответа, вошёл Мира — сержант с усталыми глазами и причёской, которую она поправляла раз в неделю, не чаще.

— Шериф, сводка за день, — она положила на стол планшет. — Драка в портовом баре (словесная, без травм), жалоба на шум в жилом секторе В (подростки, музыка, разогнали), заявка на пропажу инструментов со склада (скорее всего, переучёт). И ещё...

— Что?

— Пришёл запрос с Земли. Инспекция. Проверка работы правоохранительных органов колонии. Завтра прибывает инспектор.

Я оторвал взгляд от терминала и посмотрел на Миру. Инспекция. С Земли. Это было... необычно. Колония жила своей жизнью, и Земля редко вмешивалась в наши дела. Обычно всё ограничивалось годовыми отчётами и финансовыми проверками. Но инспектор — живой человек, специально прилетевший сюда? Что-то тут было не так.

— Имя инспектора?

— Господин Корвин. Из департамента корпоративного надзора. Прилетает завтра в восемь утра.

— Корвин, — повторил я. Имя ничего не говорило, но звучало так, как звучат все имена из департаментов: сухо, официально и слегка угрожающе. — Ладно. Готовьте документы.

Мира кивнула и вышла. Я откинулся на спинку стула и задумался. Инспектор — это всегда плохо. Инспектор — это проверка протоколов, допросы, бумажная волокита, в которой можно утонуть. Инспектор — это глаза и уши Земли. А Земля, как известно, смотрит на колонистов с той смесью жалости и подозрения, с какой большая планета смотрит на маленький астероид.

Я тряхнул головой. Ладно. Утро вечера мудренее.

Я вернулся к отчётам, дописывал сводку за день, когда рука машинально потянулась поправить значок на груди. Пальцы прошли по ткани — и не нашли его.

Я замер. Опустил взгляд. На груди, там, где всегда висел значок шерифа, теперь было пусто. Только ткань, слегка выцветшая под ним за годы. Я провёл рукой по карманам, по поясу, по столу. Ничего.

— Чёрт, — сказал я вслух.

Мира заглянула в дверь.

— Что случилось?

— Значок. Потерял.

— Может, дома?

— Может, — я уже знал, что не дома. Я помнил, как машинально проверял его утром, перед выходом, и он был на месте. Где я его потерял? В жилом секторе? В кофейне? В техническом модуле Тома? В грузовом отсеке? Чёрт. Чёрт, чёрт, чёрт.

— Если найдётся, сообщу, — сказал я Мире. — А пока — дубликат в сейфе.

— Бюрократия, — вздохнула она.

— Бюрократия, — согласился я.

Я открыл сейф, достал запасной значок — старый, с царапиной, оставшейся после одной давней потасовки, — и прицепил на грудь. Он был легче, чем оригинал, и сидел как-то не так. Но выбора не было. Я запер сейф, выключил терминал, надел куртку.

День закончился. Я устал. Хотелось домой, к турке и тишине.

Я вышел из участка, сел в «Койот» и поехал домой. Коридоры колонии постепенно пустели — вечерняя смена заканчивалась, ночная ещё не началась. Гул гравитационной станции стал ниже, глубже, как дыхание спящего зверя. Я думал о том, что завтра надо будет искать значок в грузовом отсеке. И ещё — зайти к Тому. И ещё — встретить инспектора. И ещё — обязательно выпить кофе.

В модуле было тихо. Я разделся, поставил турку на плиту, но кофе варить не стал — вдруг расхотелось. Просто сел за стол и смотрел в иллюминатор, где чернота мигала мне редкими огоньками. Я думал о значке, о царапинах на контейнере, о странном чувстве, которое не покидало меня весь вечер: что-то сгущается. Что-то, чему я пока не мог дать имени.

Звонок планшета вырвал меня из раздумий. Лин.

— Джон, — сказала она, и в голосе её была та нота, которую я редко слышал: тревога. — Том так и не пришёл. И на вызовы не отвечает.

— Вообще?

— Вообще. Я звонила ему трижды. Он всегда отвечает. Это не похоже на него.

Я помолчал. Отвёртка с синей ручкой. Открытая дверь. Холодный кофе в кружке.

— Я зайду к нему утром, — сказал я. — Первым делом. Обещаю.

— Хорошо, — она помолчала. — Ты только... будь осторожен. Ладно?

— Я всегда осторожен.

— Ты никогда не осторожен, — сказала она и повесила трубку.

Я положил планшет на стол и долго смотрел на чашку остывшего кофе. Завтра я зайду к Тому. Может, он просто заработался и забыл про всё на свете. Может, у него разрядился планшет. Может, он сидит у себя в мастерской, вертит в руках «Малышку» и ругает какую-нибудь прокладку, которая опять потекла.

Но почему-то от этих мыслей не становилось легче. Лин редко ошибается в людях, а сегодня она встревожилась по-настоящему. Я слишком давно её знал, чтобы списывать это на мнительность.

Я лёг спать. Ночь прошла тихо, как обычно — только гул станции да редкие огоньки за иллюминатором. Я ещё не знал, что завтрашний день начнётся не с кофе. Но уже чувствовал: что-то сгущается. Что-то, чему я пока не мог дать имени.

Глава 2. Три факта на полу

Утро. Короткий кофе

Гул гравитационной станции разбудил меня за минуту до будильника. Как всегда. Я лежал, глядя в потолок, и чувствовал, как вибрация проходит сквозь зубы, сквозь череп, сквозь вчерашнюю усталость, которая никуда не делась.

Ночь была плохой.

Я ворочался, прокручивал в голове обрывки: открытая дверь мастерской, отвёртка с синей ручкой на верстаке, голос Лин — «Том не отвечает». И ещё эта тревога — глупая, необъяснимая, от которой в груди саднило, будто я надышался рециркулированным воздухом старого шлюза.

Я сел на кровати, потёр лицо ладонями. Щетина за ночь пробила прилично — вчера не было сил бриться. За иллюминатором чернота мигала редкими огоньками буровых. Ни рассвета, ни заката. Просто смена вахт.

— Ты не умер, — сказал я себе вслух. — Вставай.

Голос прозвучал хрипло, как у человека, который слишком долго молчал.

Кухонный угол встретил меня запахом вчерашнего кофе — турка стояла немытая, на дне засохла коричневая корка. Я машинально сунул её под струю воды, потом понял, что времени нет, вытер насухо и поставил на конфорку.

Всё как обычно. Две ложки молотого порошка от Лин. Вода из фильтра. Огонь.

Но сегодня кофе пах иначе. Горько. С нотой чего-то пригоревшего, хотя я ещё ничего не успел сжечь.

Я смотрел на поднимающуюся пенку и ни о чём не думал. Это не помогало. Мысли лезли сами.

Том не отвечает. Лин не спала всю ночь. Открытая дверь.

Я потянулся к планшету. Одно сообщение, отправленное в пять утра:

«Я ещё не сплю. Том молчит. Ты говорил, что зайдёшь. Зайдёшь?»

Я набрал ответ, стёр, набрал снова:

«Утром зайду. Обещаю. Ты хоть поспи».

Ответ пришёл через десять секунд:

«Не могу. Кофе сварила уже три чашки. Все без вкуса. Будь осторожен».

Я отложил планшет, снял турку с огня и перелил кофе в кружку. Единственную — с трещиной по ободку, которую я не выбрасывал по причинам, о которых старался не думать. Керамика сегодня была холодной. Даже после кипятка. Я обхватил кружку ладонями, чувствуя, как тепло пытается пробраться сквозь кожу, и сделал глоток.

Горько. Плотно. Без послевкусия.

Лин была права — у плохого дня и кофе соответствующий.

Я допил быстро, не смакуя. Плеснул воды в турку, чтобы остывала. Оделся — куртка, ботинки. Затем потянулся к кобуре, которая висела на спинке стула.

Пусто.

Я замер. Провёл рукой по поясному ремню — нет. Заглянул под кровать, за тумбочку — нет. Бластер, который вчера вечером я снял и положил на прикроватную тумбочку (я помнил, как сделал это, потому что мешала кобура, когда я ложился), исчез.

Сердце ухнуло куда-то вниз.

— Чёрт, — сказал я вслух. Громче, чем планировал.

Я быстро обыскал квартиру: под подушкой, в ванной, на кухне, в шкафу. Ничего. Бластер пропал. Исчез, пока я спал.

А ведь дверь я запираю. Всегда запираю. Проверил замок — цел, не вскрыт. Замок электронный, без физического воздействия его не откроешь. Значит, либо у кого-то есть код доступа (что почти невозможно — я менял его месяц назад), либо...

Либо кто-то был здесь, пока я спал, и ушёл так, что я не проснулся.

От этой мысли стало по-настоящему холодно. Не от кондиционера — от осознания, что кто-то стоял над моей кроватью, пока я дышал носом в подушку.

Я сел на край кровати и заставил себя думать.

Значок потерял вчера в Г-7. Это могла быть случайность. Но сегодня — украден бластер. Две пропажи за два дня. И Том, который не отвечает на звонки.

В голове щёлкнуло. Не паника — профессиональная привычка оценивать угрозы.

Я взял планшет и набрал Миру:

«У меня пропал табельный бластер. Пропажу обнаружил утром. Последний раз видел вчера вечером, когда ложился спать. Проверь, нет ли запросов на оружие в системе».

Ответ пришёл через минуту:

«Принято. Проверю. Ты как?»

«Пока жив. Позже расскажу».

Я убрал планшет. Пистолета нет, значок — запасной, который я взял вчера в участке. В кобуре пусто, но я всё равно надел её — на пуговине болталась, напоминая о нелепости ситуации. Запасной значок пристегнул к груди. Металл непривычно давил, царапина на обратной стороне натирала ткань.

И тут я вспомнил: оригинальный значок я потерял в грузовом отсеке Г-7. Если бластер украли, возможно, и значок не просто выпал, а его кто-то забрал намеренно. Чтобы использовать. Против меня.

Ты параноик, — сказал я себе. — Бластер могли взять подростки ради забавы. Значок завалился за контейнер.

Но внутренний голос, тот самый, который спас мне жизнь пару раз в марсианских переделках, молчал. Не спорил, не соглашался. Просто ждал.

Я посмотрел на себя в зеркало. Щетина, мешки под глазами, взгляд усталый — и пустая кобура, которую все увидят.

Иди к Тому. Сначала Том. Потом разберёшься с остальным.

Я вышел в коридор.

Гул станции провожал меня, как вчера. Но сегодня в нём слышалось что-то ещё — не ровный рабочий ритм, а скорее напряжение, затаившаяся вибрация, которой я не мог дать имени.

Ты просто не выспался, — сказал я себе. — Сейчас зайдёшь к Тому, он будет ворчать, что его оторвали от дела, кофемашина починится, день пойдёт по накатанной.

Но внутренний голос, наконец, подал сигнал:

У тебя украли оружие. Это не совпадение.

Я почти поверил. Но остановиться уже не мог.

Дорога к жилому модулю Тома

«Койот-4» завёлся с третьей попытки. Сегодня даже техника капризничала.

Я выехал в транспортный коридор и взял курс на сектор «Б». Колония только просыпалась — гидропонные лампы зажглись минуту назад, фиолетовые полосы уходили вдаль, подсвечивая пустые проходы. Редкие вахтовики торопились на смену, жуя пайки на ходу. Один махнул мне, я кивнул — автоматически, не разглядев лица.

Мысли возвращались к вчерашнему.

Мастерская Тома. Я зашёл днём, когда он не пришёл в кофейню. Дверь была открыта. Том всегда запирал мастерскую — говорил, что инструменты не любят чужих рук. А тут — нараспашку.

Внутри — холодный кофе в кружке. И отвёртка с синей ручкой на верстаке. «Малышка». Том никогда с ней не расставался — носил в нагрудном кармане, шутил, что это единственная женщина, которая его не подводит. А она лежала там, без хозяина.

Я тогда подумал: замотался, отвлёкся. Оставил стикер и ушёл.

Теперь, перебирая в голове детали, я понимал: Том не просто отвлёкся. Он ушёл в спешке. Не допил кофе, не взял любимую отвёртку, не закрыл дверь. Что-то заставило его бросить всё и бежать.

Что?

И тут я вспомнил другой разговор. Том тогда хвастался самодельным датчиком на двери своего жилого модуля — маленькой коробочкой, которая при любом открытии без кода отправляла сигнал на планшет.

— На случай, если кто-то захочет стащить мои отвёртки, — усмехнулся он.

Я посмеялся. Только Том мог запарковать себе сигнализацию в колонии, где все друг друга знают.

Теперь я не был так уверен, что это паранойя.

Я взял планшет, набрал Миру.

— Слушай, у меня пропал бластер. Я уже говорил. Проверь, нет ли запросов на оружие в системе.

— Поняла, — ответила Мира. — Что-то ещё?

— Том. Он вчера вёл себя странно. Я заходил к нему в мастерскую — дверь открыта, отвёртка на месте, кофе недопитый. Он не вернулся. Сегодня не отвечает на звонки. Проверь, может, он в больницу попал или ещё куда.

— А ты куда сейчас?

— К нему домой. В сектор «Б». Если через час не выйду на связь — поднимай тревогу.

— Осторожнее, Джон.

Я отключил связь и свернул в старый жилой сектор. Лампы здесь горели через одну — экономия, стены сузились, потолок опустился. Пахло пылью и старой изоляцией. Коридоры становились тише, темнее, уютнее.

Том, ну почему ты не отвечал? Что тебя спугнуло вчера?

Я подъехал к тупику «Д». Проехал мимо трёх одинаковых дверей — на одной детский рисунок, на другой табличка «Не беспокоить», третья просто серая. И остановился у четвёртой.

Заглушил двигатель. Тишина стала тяжёлой — гул станции здесь почти не слышен.

И тут я заметил.

Дверь в модуль Тома была **приоткрыта**.

Сантиметра на три. Не заперта, не захлопнута — просто чуть-чуть не закрыта, как будто кто-то вышел в спешке и не потрудился дёрнуть ручку до конца.

Как вчера в мастерской.

У меня похолодело под ложечкой.

Я сидел в кабине, смотрел на эту щель и не мог заставить себя выйти. Потому что знал: за этой дверью меня ждёт не просто друг, который забыл про ремонт.

Я выдохнул, открыл дверь и шагнул в холод.

Обнаружение тела

Я толкнул дверь.

Она поддалась беззвучно, и меня встретил холод. Не тот, который бывает в коридорах, а глубокий, технический — кондиционер работал на полную. Такую температуру держат в грузовых отсеках, а не в жилых модулях. Том не любил холод. Он всегда говорил, что руки немеют, а детали теряют чувствительность.

Теперь ему было всё равно.

Пахло озоном, металлом и... кофе. Свежим, перебивающим затхлость закрытого помещения. И чем-то сладким — ваниль, фисташки.

Я сделал шаг, второй.

Узкий коридорчик вёл в единственную комнату. Свет не горел — только тусклое аварийное освещение от приборной панели на столе. Этого хватило, чтобы увидеть его.

Том лежал на полу, на спине. Глаза открыты, смотрят в потолок. Лицо удивлённое — не испуганное, не злое, а именно удивлённое, как у человека, который не понял, что случилось, и уже не успел.

Рядом с ним — лужа кофе. Холодного, с плёнкой на поверхности, растёкшаяся по металлическому полу тёмной неровной кляксой. В луже, чуть сбоку, блеснул металл.

Мой значок.

Я узнал бы его за сто метров. Потёртая эмаль, выцветший номер лицензии, лёгкая вмятина на ободке — след от старой потасовки, которую я не забыл, хоть и старался. Я не носил его девять лет. Я в нём жил.

Он лежал в холодной кофейной луже у тела моего друга.

Я замер. Потом перевёл взгляд дальше.

У стены, прислонённый к тумбочке, — бластер. Мой бластер. Та же царапина на рукоятке, самодельная накладка, которую я поставил три года назад, потому что штатная треснула. Я машинально провёл рукой по пустой кобуре — пусто, да. Его украли. Украли у меня, пока я спал, и принесли сюда.

На столе — кофемашина. Разобранная, с открытым помольным отсеком, дисплей тускло мерцал: «РЕЖИМ ПОМОЛА: 0». Над ней — нетронутый фисташковый капкейк. Зелёная глазурь, сахарная пудра. И застывшая капля кофе на боку, чёрная родинка на зелёном.

А рядом — чистая кружка. Перевернутая дном вверх.

Я стоял посреди этого молчаливого театра и чувствовал, как холод проникает не снаружи, а изнутри.

Это не совпадение.

Я опустился на корточки рядом с Томом. Потянулся закрыть ему глаза — ладонью, осторожно, как будто он мог проснуться и сказать, что я зря паникую. Веки были холодными и уже чуть жёсткими. Они не поддались. Пришлось приложить усилие.

В горле встал ком. Я не плакал. Шерифы не плачут на месте преступления. Но внутри что-то сжалось так сильно, что стало трудно дышать.

Я поднялся, отступил на шаг. Не к телу — к стене, чтобы не затоптать следы, не смахнуть улики. Профессиональная привычка включилась автоматически, пока сознание отказывалось верить в происходящее.

Меня подставили.

Слишком много моих вещей в одном месте. Значок, который я потерял в Г-7. Бластер, украденный из запертой квартиры. Капкейк из кофейни Лин, которую Том посещал каждый день.

И всё это разложено как на ладони — чтобы любой дурак понял: «шериф убил техника».

Я достал планшет. Пальцы не дрожали — спасибо адреналину. Коротко, по протоколу:

— Дежурная группа, в сектор «Б», модуль 42. Труп. Возможно, насильственная смерть. Ждите указаний.

Мира ответила сразу:

— Принято. Выежаем.

Я сбросил вызов и набрал Лин.

— Том мёртв, — сказал я. Голос прозвучал глухо, будто не мой. — Приходи. Одна. Быстро.

Пауза. Три удара сердца.

— Буду через пять минут, — ответила она и отключилась.

Я убрал планшет, прислонился спиной к холодной стене и закрыл глаза.

Запах кофе всё ещё стоял в воздухе. Сладкий, обманчиво уютный — как будто ничего не случилось, как будто Том сейчас вернётся с новой порцией зёрен и скажет: «Пенка кривовата, но кофе вкусный».

Не вернётся.

Я открыл глаза и посмотрел на него. На три мои вещи, разложенные как экспонаты в музее чужого преступления. На перевёрнутую кружку, которую Том никогда не ставил дном вверх. На капкейк, который он не успел съесть. На разобранную кофемашину с режимом помола ноль.

Что ты искал, Том? Что ты нашёл?

Ответа не было. Только холод, тишина и гул гравитационной станции, который сюда почти не пробивался.

Я сел на корточки у противоположной стены, подальше от тела, и стал ждать Лин.

Лин приходит

Я не слышал, как она вошла. Только почувствовал запах — ваниль, выпечка, который всегда тянулся за ней, даже когда она снимала передник.

Лин стояла в дверях, бледная, но прямая. Волосы затянуты в привычный пучок, ни одной пряди не выбилось. Планшет она держала в руке, но не подносила к глазам — смотрела на Тома.

Я молчал. Она молчала.

Долго. Слишком долго.

Потом перевела взгляд на лужу кофе, на значок в ней, на бластер у стены, на стол.

— Не трогай ничего, — сказал я. — Корвин скоро будет.

— Я и не собиралась, — ответила она тихо.

Лин шагнула в комнату, обходя лужи и разбросанные предметы, остановилась у стола. Смотрела сверху, не наклоняясь, руки плотно прижаты к бокам.

— Мой капкейк, — сказала она. — Глазурь расслоилась. Неудачная партия. Я дала его вчера. Он сказал: «Съем вечером».

Не съел.

— Смотри, где он лежит, — Лин чуть кивнула в сторону тарелки. — Над открытым помольным отсеком. Том никогда не ел над работающей или открытой машиной. Крошка могла попасть в механизм. Это было его правило.

Я запомнил правило.

Она перевела взгляд на кружку. Та стояла на столе, чуть поодаль, перевёрнутая дном вверх. Чистая, без единого пятнышка.

— А это, — голос Лин стал ещё тише, — никогда. Он считал перевёрнутую чашку плохой приметой. И никогда не ставил так. Даже после того, как мыл.

— Может, он выпил кофе и помыл?

— Он не пил из этой чашки, — Лин указала на лужу на полу. — Кофе там. А эта — чужая. И её помыли. Поставили вверх дном — не зная, что Том этого не делал.

Она обошла стол, не касаясь ничего, и остановилась перед кофемашиной.

Разобранная, с открытым помольным отсеком, внутренности видны. Дисплей тускло мерцал: «РЕЖИМ ПОМОЛА: 0».

— Ты вчера говорила, машина барахлила, — сказал я. — Он её чинил?

— Нет. — Лин покачала головой. — Для ремонта не обнуляют помол. Это не настройка, это полный сброс. Он что-то искал внутри. Искал, а не чинил.

— Что?

— Не знаю. Но если бы нашёл — забрал бы с собой или спрятал. А она здесь, разобрана. Значит, не успел закончить. Или его прервали.

Она сделала шаг назад, принялась. Я видел, как она поводит носом, — профессиональная привычка бариста определять кофе по запаху.

— Кофе на полу, — сказала она. — Не его. Том никогда не пил растворимый. Только свежемолотый. А здесь пахнет дешёвым порошком, который привозят с Марса.

— Ты уверена?

— У меня десять лет кофейни за плечами. Я отличаю растворимый даже через герметичную упаковку.

Лин кивнула в сторону двери.

— Ты сказал, она была приоткрыта, когда ты пришёл?

— Да. Щель сантиметра три.

— Том всегда запирался. Даже когда выходил на минуту к соседям. — Она посмотрела на меня. — Три правила, Джон. Капкейк над машиной. Кружка вверх дном. Открытая дверь. И чужой растворимый кофе. Тот, кто это сделал, не знал Тома. Совсем.

Она отошла к стене, прислонилась спиной к холодному металлу, скрестила руки на груди. Больше не смотрела на тело — смотрела на дверь, за которой уже слышались шаги.

— Убийца ошибся, — сказала она почти шёпотом. — Не в том, что пришёл. А в том, что не потрудился узнать, кто перед ним. И это его погубит.

Я ничего не ответил.

Снаружи шаги приближались. Тяжёлые, официальные — Корвин.

— Не говори им про правила, — сказал я.

— Они увидят сами, — ответила Лин. — Если захотят.

Прибытие Корвина и Рейна. Отстранение

Шаги приблизились, остановились у двери. Корвин вошёл первым — высокий, сухощавый, в безупречном сером костюме, который здесь, на астероиде, выглядел почти вызывающе. От него пахло антисептиком для рук — резко, химически, перебивая запах кофе и озона.

За ним — помощник. Неприметный, среднего роста, в таком же сером костюме, с планшетом в руке. Коротко стрижен, лицо без особых примет. Он не произнёс ни слова, только скользнул взглядом по комнате — быстро, оценивающе.

Корвин остановился на пороге, осмотрелся.

— Шериф, — кивнул он мне. — Мисс Лин.

— Инспектор, — ответил я.

Лин промолчала.

Корвин не торопясь обошёл комнату, не касаясь ничего, но разглядывая каждую деталь — тело, лужу кофе, значок, бластер, капкейк. Его взгляд задержался на перевёрнутой кружке чуть дольше, чем на других предметах. На секунду мне показалось, что он заметил странность. Но он ничего не сказал, только чуть прищурился.

— Мне доложили о происшествии, — произнёс он наконец. — Убийство. Жертва — техник Том. — Он перевёл взгляд на меня. — На месте преступления обнаружены ваши личные вещи, шериф. Значок и табельное оружие. А также выпечка из кофейни мисс Лин. Как вы это объясните?

— Меня подставили, — сказал я. — Значок я потерял вчера в грузовом отсеке Г-7. Бластер украли из моей квартиры прошлой ночью. Капкейк — из кофейни, его мог взять кто угодно.

— Удобное объяснение, — Корвин не повышал голоса, но в его тоне появилась сталь. — Улик против вас — три. Плюс вчерашняя ссора в кофейне, которую я зафиксировал со слов свидетелей. Вы публично конфликтовали с погибшим.

— Это не была ссора, — вмешалась Лин. — Том вёл себя странно, нагрубил, шериф заступился. Никто никому не угрожал.

— Вы близкая подруга шерифа, мисс Лин. Ваши показания не могут считаться объективными. — Корвин повернулся ко мне. — Шериф, вы отстраняетесь от должности до завершения расследования. Сдайте оружие и значок.

Я снял пустую кобуру — она болталась на поясе, напоминая о нелепости ситуации. Запасной значок отстегнул от груди. Протянул Корвину.

— Вот. Оружия у меня нет — его уже украли. Значок запасной. Оригинал вон там, в луже.

Корвин принял вещи, не глядя, передал помощнику. Тот молча убрал их в кейс.

— Вы не имеете права, — сказала Лин, и её голос дрогнул впервые. — Он не убивал.

— Пока что имею, — Корвин посмотрел на неё холодно. — А вы, мисс Лин, будете опрошены позже. Рекомендую вам не покидать колонию и не вступать в контакты с подозреваемым.

— Я не подозреваемый, — сказал я. — Я — жертва подставы.

— Это установит следствие, — отрезал Корвин.

Он ещё раз окинул взглядом комнату, задержался на разобранной кофемашине, на перевёрнутой кружке, но ничего не сказал. Я видел, что он замечает нестыковки. Но он их не комментирует.

— Помощник Рейн останется здесь, дожждётся криминалистов. А вы, шериф... — он сделал паузу, — вы поедете со мной в участок. Для дачи официальных показаний.

Помощник, который до сих пор не проронил ни слова, шагнул к кофемашине. Я заметил, как он провёл пальцем по корпусу — мельком, почти незаметно, — потом вытер руку платком и отошёл к стене.

У него были слишком чистые руки для помощника инспектора.

— Идёмте, — сказал Корвин.

Лин посмотрела на меня. В её глазах был холодный гнев — не на меня, на ситуацию. Она молча кивнула.

Я вышел в коридор. Корвин — за мной. Рейн остался.

Дверь закрылась.

Снаружи уже ждала патрульная машина. Я сел на заднее сиденье. Корвин устроился спереди, взял планшет, начал что-то печатать, не глядя на меня.

— Вы знаете, что ваша версия звучит неправдоподобно? — сказал он, не отрываясь от экрана.

— Знаю. Но это правда.

— Слишком много совпадений, шериф. Потеря значка, кража оружия, ссора, труп. И все ниточки ведут к вам.

— Именно поэтому меня и подставили.

Корвин промолчал. Машина тронулась.

Я смотрел в окно на убегающие назад коридоры колонии. Света было мало — сектор «Б» просыпался медленно. Редкие прохожие провожали патрульную машину взглядами. Никто не знал, что везут их шерифа.

— Вы мне не верите, — сказал я.

— Я верю фактам, — ответил Корвин. — Факты против вас.

Он помолчал, потом добавил тише, как бы про себя:

— Но кружка... перевёрнутая. И капкейк над помолом. Это действительно странно.

Я промолчал. Может быть, он не так слеп, как казалось.

А может, просто проверял, что я скажу.

В участке. Окончательное отстранение

Участок встретил меня привычным запахом — озон, старая проводка, дешёвый растворимый кофе из автомата. Знакомо до тошноты. Только сегодня я здесь не хозяин.

Мира сидела за пультом, как всегда, прямая, невозмутимая. Увидев меня в сопровождении Корвина, она не изменилась в лице. Ни один мускул не дрогнул. Только пальцы на клавиатуре замерли на секунду — и снова застучали.

— Сержант, — Корвин кивнул ей. — Приготовьте протокол допроса. Шериф... бывший шериф даст показания.

— У нас есть комната для допросов, — Мира встала, взяла планшет. — Я провожу.

— Не нужно. Мы пройдем в его кабинет.

Мой кабинет. Маленький, с голографической картой колонии на стене, столом, двумя стульями, терминалом. И моя кружка с трещиной, которую я забыл вчера. Она всё ещё стояла на столе — пустая, выцветшая от времени кофейная клякса на дне.

— Садитесь, — Корвин указал на стул для посетителей. Сам сел за мой стол. Рейн остался снаружи, закрыв дверь.

Я сел. Неудобно, спиной к выходу. Корвин занял моё место — лицом к двери, как сидит хозяин.

— Ещё раз. Когда вы в последний раз видели свой значок?

— Вчера утром. Потом потерял в грузовом отсеке Г-7 во время ложного вызова. Обнаружил пропажу вечером, в участке. Взял запасной.

— Вы сообщили о пропаже?

— Да. Мире. Устно.

— Зафиксировано, — Корвин что-то пометил в планшете. — Бластер?

— Последний раз видел вчера вечером, когда ложился спать. Положил на тумбочку. Утром его не было. Сообщил Мире.

— Кто имел доступ к вашей квартире?

— Никто. Замок электронный. Код знаю только я.

— Значит, взлом? — Корвин поднял бровь.

— Следов взлома не заметил. Но я не эксперт.

— А ссора с погибшим?

— Это не была ссора. Том нагрубил Лин, я заступился. Обменялись парой фраз. Он ушёл.

— Свидетели говорят, что вы были агрессивны.

— Я был зол. На Тома. Но не настолько, чтобы его убить.

Корвин отложил планшет, посмотрел на меня в упор.

— Шериф, я не дурак. Я вижу, что на месте преступления есть странности. Перевернутая кружка, положение капкейка. Это не укладывается в простую картину бытовой ссоры. Но улики против вас — три. Ваш значок, ваше оружие, эта выпечка. Плюс конфликт накануне. Этого достаточно для передачи дела в трибунал.

— Тогда почему вы ещё не подписали приказ?

Он помолчал.

— Потому что баллистика и отпечатки будут готовы только через сутки. И потому что я не люблю, когда мне навязывают готовые версии.

— Вам их навязал Вейл?

Корвин не ответил. Встал, прошёлся по кабинету, остановился у карты колонии.

— Вы отстранены от должности, — сказал он, не оборачиваясь. — До особого распоряжения. Запрещается покидать колонию, контактировать со свидетелями по делу, вмешиваться в расследование. Ваше оружие и значок — вещдоки. Запасной значок тоже изымается.

— Он уже у вас.

— Формально — да. — Корвин повернулся. — Можете идти, Джон. Но будьте на связи. Если понадобится — я вызову.

Я поднялся. Посмотрел на свою кружку с трещиной. Хотел взять — но не моя уже. Всё, что было моим, лежало в луже кофе у тела друга или в чужом кейсе.

— Инспектор, — сказал я уже у двери. — Вы спросите себя, почему убийца оставил мои вещи. И почему он не знал, что Том не ест над кофемашиной.

Корвин не ответил.

Я вышел в коридор. Мира сидела за пультом, глядя в экран. Я остановился на секунду.

— Мира. Стикер в мастерской Тома. Тот, который я оставил. Если его найдут — скажешь, что я предупреждал о визите.

— Поняла, — ответила она, не поднимая глаз.

Я пошёл к выходу. За спиной щёлкнул магнитный замок — участок закрылся за мной.

В коридоре было пусто. Холодно. Я сунул руки в карманы куртки и побрёл в сторону кофейни.

Кофе. Сейчас нужен был кофе. И Лин, которая знала, как его варить, даже когда всё рушилось.

Кофейня. Первый контакт с Элли

«Свежевыжатый» встретил меня темнотой.

Лин зажгла только гирлянду — ту самую, что висела над стойкой, с мелкими лампочками в форме кофейных зёрен. Полумрак, тёплый жёлтый свет, запах ванили и корицы, который не выветрился даже после всего. Табличка на двери гласила: «Закрето по семейным обстоятельствам». Лин написала её сама, от руки, и буква «о» получилась кривоватой.

Она стояла за стойкой, спиной ко мне, и возилась с кофемашиной №4. Не той, разобранной, что осталась в доме Тома. Эта работала, гудела ровно, выпускала пар.

Я сел за свой столик. Тот самый — у стены, откуда виден вход. Пустая кобура на поясе непривычно давила. Запасного значка на груди не было — Корвин забрал и его.

— Кофе будешь? — спросила Лин, не оборачиваясь.

— А какой?

— «Чёрный как космос». Другого сегодня нет.

— Вари.

Она повернулась, взяла турку, насыпала молотые зёрна. Я смотрел на её руки — не дрожали, двигались ровно, привычно. Но лицо было бледнее обычного, и седины у висков словно прибавилось за один день.

Лин поставила турку на плиту. Мы молчали. Только потрескивание газа и гул гравитационной станции за стенами.

— Ты веришь, что меня подставили? — спросил я.

— Если бы ты убил Тома, — ответила она, не поворачиваясь, — ты не оставил бы значок в луже кофе. И не забыл бы про капкейк. Ты слишком аккуратен для такой небрежности. А убийца — нет.

— Корвин не верит.

— Корвин боится. Это хуже, чем не верить.

Кофе закипел, пенка поднялась к краю. Лин сняла турку, перелила в мою кружку — единственную, с трещиной, которую она сохранила после изъятия вещей. Поставила передо мной.

— Я думал, её тоже забрали.

— Я спрятала. Сказала, что это моя. Для постоянных клиентов.

Я сделал глоток. Горько. Плотно. Без послевкусия. Лин села напротив, положила руки на стол — пустые, без планшета.

— Что теперь? — спросила она.

— Не знаю. Корвин запретил мне контактировать со свидетелями.

— Я не свидетель. Я — твой друг. И я не брошу тебя.

Я молчал.

В тишине планшет Лин, лежавший на стойке, вдруг моргнул экраном. Она не прикасалась к нему. Он засветился сам — белым, ровным светом.

На экране появились буквы. Набирались одна за другой, медленно, как будто кто-то обдумывал каждое слово.

«Говорите тихо. Корвин слушает. Ваши разговоры в участке и кофейне прослушиваются.»

Лин перевела взгляд на меня. Я замер.

Планшет снова засветился.

«Не бойтесь. Я свой. Меня зовут Элли. Там работал в диспетчерской грузового сектора за два дня до смерти. Он что-то нашёл. Что-то связанное с водой. Спросите у Кая — он дежурил в ту смену.»

— Кто это? — спросил я шёпотом.

— Куратор, — ответила Лин так же тихо. — Система. Искусственный интеллект, который управляет колонией. Но она не просто система. Она на нашей стороне.

«Я слежу за Корвином. Он не враг, но он слаб. Ему страшно. Не доверяйте ему полностью. И будьте осторожны. Если меня раскроют — отключат.»

Планшет погас.

Лин взяла его, перевернула экраном вниз. Посмотрела на меня.

— Диспетчерская — завтра, — сказала она. — Но есть кое-что ещё.

Я поднял бровь.

— Том однажды сказал мне, — Лин говорила медленно, как будто вспоминала, — что если его не станет, надо искать в машинах. В тех, что он чинил последними.

— Ты думаешь, он что-то там спрятал?

— Не знаю. Но он искал что-то в кофемашине — я это сразу поняла по режиму помола. А последняя, которую он разобрал, была наша №3. Где она сейчас?

— На складе вещдоков. Изъята как улика.

Лин смотрела на меня. В её глазах горел холодный огонь — тот, который я видел только раз.

— Тогда сегодня идём на склад. А диспетчерская подождёт до завтра.

— Ты уверена?

— Нет. Но Том верил в свою систему. И он сказал «ищи в машинах». Значит, будем искать.

Лин встала, подошла к плите, налила себе кофе — в простую белую чашку, без рисунка. Вернулась к столу, села.

— Элли, — тихо спросила она, глядя на планшет. — Ты сможешь отключить камеры в секторе склада? Нам нужно попасть туда сегодня. Ночью.

Планшет мигнул через несколько секунд.

«Камеры можно перевести в режим диагностики. Датчики движения — подавить. Недолго. Максимум три минуты. Вы успеете?»

— Успеем, — сказал я.

«Тогда я подготовлю проход. Приходите через два часа. За это время я обойду системы слежения. И постарайтесь ничего не уронить — там очень пыльно.»

Планшет погас окончательно.

Лин допила кофе, поставила чашку в мойку, вытерла руки о полотенце.

— Через два часа. Ты как?

— Вру, что в порядке.

— Я тоже вру.

Она взяла с полки тёмную кофту, накинула на плечи. Посмотрела на гирлянду, потом на меня.

— А пока — кофе. Настоящий. Свежий. И чтобы никто не мешал.

Я поднял свою кружку с трещиной. Лин взяла свою — белую, без рисунка.

Не чокнулись. Просто выпили.

Гирлянда мигала. За окном, за фиолетовым стеклом иллюминатора, чёрный космос ждал. А где-то там, на складе вещдоков, в разобранной кофемашине, лежало то, ради чего Том отдал жизнь.

Мы собирались это найти.

Глава 3. Жучок

Ожидание в кофейне

Мы ждали в полумраке «Свежевыжатого». Гирлянда мерно мигала, над стойкой горела одна лампа. Лин сидела напротив, вертя в пальцах остывшую чашку. Кофе мы выпили ещё час назад.

— Расскажи про Миру, — вдруг сказала она. — Ты ей доверяешь?

— Доверяю, — ответил я. — Она институционалист, верит в порядок, а не в людей. Но когда порядок рушится, она выбирает правду. — Я помолчал. — Она сохранила мне верность. И не задавала лишних вопросов.

— Она знала, что ты не убивал?

— Думаю, да. Она видела то же, что и мы: перевёрнутую кружку, капкейк над помолом. Мира не дура.

Лин кивнула.

— А Корвин? Что с ним?

— Корвин боится. — Я отодвинул пустую кружку. — Он заметил странности, но не хочет ворошить прошлое. Карьера, протоколы, репутация. Для него правда — риск.

— Он нас выдаст? Вейлу?

— Не знаю. Пока нет.

Лин допила остатки кофе, поставила чашку на стол. Потом вдруг усмехнулась — бледно, одними губами.

— Знаешь, как появилось название «Свежевыжатый»? Я заказывала вывеску «Свежевыжатый сок». А Куратор тогда только запустили, он склеил поля в системе, получилось «Свежевыжатый кофе». Я хотела переделать, а потом решила — к чёрту. Так и осталось.

— Элли твоих рук дело? — спросил я.

Планшет на стойке мигнул сам собой.

«Моя. И лучшая шутка за восемьдесят лет. Ты оценила, Лин. Не переделывай до сих пор».

Лин фыркнула.

Я улыбнулся — первый раз за этот день. Гирлянда мигнула, но теперь мне показалось, что не случайно.

— Элли, — спросил я, — как ты отключишь камеры?

«Сектор Д, коридоры 14–17. Перевожу их в режим диагностики. Датчики движения подавляю через имитацию циклических помех — Вейл подумает на старую проводку. Три минуты, максимум. Дальше — зафиксирует аномалию».

— Нам хватит.

Я встал, проверил фонарь, мультитул. Пустая кобура на поясе непривычно болталась. Лин застегнула тёмную кофту до горла.

Планшет мигнул зелёным.

«Пора. Камеры чисты. Идите. И не шумите».

Лин подошла к входной двери, на секунду задержалась, сняла колокольчик с петли и убрала в карман.

— На обратном пути повешу, — сказала она.

Мы вышли в холодный коридор.

Коридоры после полуночи

Колония ночью была другим миром. Гул гравитационной станции здесь, в технических коридорах, звучал не как дыхание, а как низкий, почти пульсирующий бас. Лампы горели через одну, стены сузились, потолок опустился.

Я шагал первым, Лин — за мной, её шаги почти не слышны.

— Вот этот тоннель, — сказал я, указывая на тёмный проход справа, — ведёт к портовому бару «Шлюз». Там почти каждую ночь сидит Грегор.

— Бывший пилот? Тот, что возил воду?

— Он самый. — Я ускорил шаг. — Грегор — трус, но трус с информацией. Если кто и знает схему Вейла изнутри, то он. Нужно будет с ним поговорить.

— Ты думаешь, он заговорит?

— Если предложить ему больше, чем страх. Амнистию. Или дать понять, что мы его не сдадим.

Лин ничего не ответила.

Мы свернули в узкий проход между двумя старыми шлюзовыми камерами. Я провёл рукой по стене — холодный металл, швы, заваренные ещё при первой колонии.

— Вот здесь, — сказал я, — был первый шлюз. Его заделали, когда построили новый. Элли сохранила разметку как памятник. Смотри.

На стене тускло серела маркировка: «Шлюз №1 — 2201». И ниже, мелом, кто-то дописал: «Здесь был первый вздох колонии».

— Поэтично, — сказала Лин.

— Это Элли. Она хранит такие вещи. Говорит, что память важнее мощности.

Мы двинулись дальше. Технический коридор «Д» тянулся бесконечно, и с каждым шагом он становился всё древнее. Я указал на толстую трубу под потолком:

— Теплотрасса от гравитационной станции. Если лопнет — зальёт весь сектор паром. А это, — я кивнул на заклёпанную стену, — старый воздуховод. Закрыт после аварии, когда треснул компенсатор. Трое погибло.

— Невесёлая история.

— Зато в гидропонике теперь новые фильтры. Цена прогресса.

Где-то за поворотом послышалось знакомое гудение. Я схватил Лин за руку и потянул в нишу между распределительными щитками.

Из темноты выплыл дрон. «Сторож-3», старый, с нарисованным на боку глазом и кривой надписью «Привет». Его сенсоры поворачивались из стороны в сторону. Он проплыл мимо ниши в полуметре от нас, не заметив.

Лин выдохнула.

— Напугал, — прошептала она.

— Он всех пугает, — ответил я. — Его запрограммировали десять лет назад, патч никто не обновлял. До сих пор считает, что крысы — это нарушители. И, кажется, он прав.

— Ты о той крысе в Г-7?

— О ней самой. Или о её родственнице. Колония полна сюрпризов.

Мы выбрались из ниши. Я оглянулся на удаляющийся силуэт дрона.

— Мира рассказывала, — сказал я, — как её повысили. Она не пошла на сделку с Вейлом, когда тот предлагал закрыть глаза на списание оборудования. Ей предложили должность шерифа, но она отказалась. Сказала: «Сержант и так может делать всё, что нужно, а ответственности меньше».

— Мудрая женщина, — сказала Лин.

— И надёжная.

Мы подошли к пересечению коридоров «Д» и «Е». Аварийная лампа заливала стены холодным синим светом. Впереди, в пятидесяти метрах, виднелась дверь склада вещдоков. Тяжёлая, серая, с магнитным замком.

Я достал планшет. Экран мигнул.

«Вы на месте. Камеры не активны. Датчики подавлены. Три минуты. Начинайте.»

Лин прижала ладонь к магнитной панели. Дверь щёлкнула и открылась.

Тьма склада пахла пылью и озоном.

Мы вошли. Три минуты пошли.

Склад вещдоков. Три минуты

Склад вещдоков пах пылью, старой изоляцией и тем особым сухим холодком, какой бывает только в помещениях, которые никогда не видят солнца. Здесь, под административным сектором, не было иллюминаторов — только низкий потолок, бетонные стены и стеллажи, уходящие в темноту. Аварийные лампы горели вполнакала, и всё вокруг казалось серым: серые коробки, серые контейнеры, серые бирки с инвентарными номерами.

Дверь закрылась за нами с тихим щелчком. Я включил фонарь. Луч выхватил ближайший стеллаж — на полках стояли опечатанные пакеты с одеждой, какой-то инструмент, пара старых коммуникаторов в прозрачных боксах.

— Второй ряд, — тихо сказал я. — Средняя полка, секция четыре. Дело Тома.

Лин уже шла вперёд, луч её собственного фонарика прыгал по биркам. Мы двигались быстро, но без суеты — три минуты, если верить Элли. Три минуты — это много, когда варишь кофе. Три минуты — это почти ничто, когда стоишь в запретной зоне с чужими уликами в руках.

— Секция четыре, — прошептала Лин. — Здесь.

Она остановилась у стеллажа. Я подошёл и поднял фонарь выше.

Кофемашина номер три стояла на средней полке, в прозрачном пластиковом боксе с биркой: «Вещдок № 7-Т. Изъято: модуль Т. К. Хранить до решения инспектора». Рядом, в таких же боксах, лежали другие вещи с места преступления — кружка (та самая, чистая, перевернутая), блокнот Тома, пара инструментов. И капкейк в отдельном пакете — Лин скользнула по нему взглядом и тут же отвела глаза.

— Печать целая, — сказал я. — Придётся снять.

— Том говорил, — Лин уже открывала защёлки бокса, — что если его не станет, искать надо в машинах. В тех, что он чинил последними. — Она подняла крышку. — Эта была последней. Значит, здесь.

Я достал мультитул и аккуратно поддел край печати. Пластиковая полоска отошла с тихим треском. Лин тем временем открыла бокс — её пальцы в перчатках двигались ловко, как когда она открывала банку с кофейными зёрнами.

Кофемашина номер три выглядела так же, как в утро убийства: разобранный корпус, открытая крышка помольного механизма, дисплей с застывшими цифрами «РЕЖИМ ПОМОЛА: 0». Я вспомнил лицо Лин тогда, когда она склонилась над этой самой машиной и сказала: «Том не чинил её. Он искал что-то». Теперь мы знали, что именно.

— Нулевой помол, — прошептала Лин, касаясь дисплея кончиком пальца. — Он оставил его включённым. Чтобы тот, кто найдёт машину, сразу понял: здесь что-то не так.

Она запустила руку в помольную камеру, осторожно, как будто касалась живого существа.

— Есть, — выдохнула она. — Что-то.

Её пальцы сомкнулись вокруг предмета. Она потянула — и на свет появился маленький, не больше ногтя, прямоугольный объект, замотанный в чёрную изоленту. Аккуратно, в три слоя, без складок. Я узнал почерк Тома: он всегда заматывал провода именно так — чтобы не размотались, но чтобы можно было легко снять, если понадобится.

Лин держала жучок на ладони, глядя на него так, будто видела призрака.

— Он знал, — сказала она. — Знал, что его могут убить. И оставил нам ключ.

Рядом, за обшивкой помольного отсека, белел сложенный клочок бумаги. Лин извлекла и его — бережно, двумя пальцами. Развернула. На клочке, в жёлтом свете фонаря, проступили строки — мелкий, убористый почерк Тома:

«Загружено (контейнер 44): 12 400 л»

«Прибудет на Марс: 11 780 л»

«Разница: 620 л»

И ниже — три вопросительных знака, начертанных с таким нажимом, что ручка почти прорвала бумагу.

— Три вопроса, — тихо сказал я. — Он задал три вопроса. И за это его убили.

Лин молча сложила клочок и убрала в карман вместе с жучком. Её лицо в полумраке казалось вырезанным из камня — ни дрожи, только холодная, сосредоточенная решимость.

Снаружи, за дверью склада, что-то зашуршало.

Мы замерли. Шорох повторился — кто-то или что-то двигалось в коридоре. Не шаги. Слишком лёгкое, слишком быстрое. Царапанье.

Крыса. Я вспомнил грузовой отсек Г-7, шорох в темноте, блестящие глазки, уставившиеся на меня с выражением вселенского недоумения. Сейчас бластера не было, а крыса, кажется, была та же самая — или её родственница.

Шорох затих. Крыса ушла по своим ночным делам.

Лин выдохнула.

— У нас ещё минута, — сказал я, взглянув на планшет. Экран мигал зелёным — чисто.

Лин закрыла корпус кофемашины, стараясь оставить всё в том же положении, что и прежде. Я помог ей защёлкнуть крышку бокса и аккуратно приложил печать на место — она держалась на честном слове, но издалека выглядела нетронутой.

— Уходим, — сказал я.

Мы двинулись к выходу. У двери я на секунду задержался и обернулся. Склад был таким же серым и тихим, как минуту назад. Но теперь в моём кармане лежало устройство, которое могло если не разоблачить убийцу, то хотя бы указать направление. И клочок бумаги, испитый рукой мёртвого друга.

Дверь открылась. Мы вышли в коридор.

Экран планшета мигнул:

«Камеры активны. Датчики в норме. Вы чисты. Возвращайтесь. И поторопитесь — у меня ещё есть для вас кое-что.»

— Что у тебя? — спросила Лин.

«Запись. Он записывал. Вас ждёт сюрприз.»

Возвращение и прослушивание

Обратный путь я почти не запомнил.

Мы шли теми же коридорами — технический «Д», поворот у жилого сектора С, тёмная арка коммерческого бульвара. Лин молчала, я молчал. Только шаги и редкие щелчки остывающего металла за стенами. Гул гравитационной станции стал глубже — может, потому что ночь перевалила за половину, а может, потому что в кармане у меня лежал кусочек пластика и меди, который Том собрал перед смертью.

Дверь «Свежевыжатого» закрылась за нами, и Лин снова повесила колокольчик на петлю. Тот звякнул коротко и глухо, как выдох.

Она щёлкнула выключателем. Гирлянда над окном мигнула и загорелась ровным жёлтым светом. Лампа над стойкой тоже зажглась, и кофейня сразу стала собой — уютной, тёплой, пахнувшей корицей и сушёными апельсиновыми корками. Только сейчас этот уют казался почти вызывающим. Как будто мы только что вернулись с похорон, а здесь всё ещё пахло праздником.

Лин стянула капюшон. Волосы рассыпались по плечам — влажные у корней, хотя на складе было холодно. Она молча подошла к стойке, достала из ящика свой старый планшет — тот самый, не подключённый к общей сети, с трещиной в углу экрана, — и положила его на стол. Затем извлекла из кармана жучок.

Он лежал на салфетке — маленький, нелепый, замотанный в три слоя изоленды. Я вдруг подумал, что именно так, наверное, выглядит самое важное устройство в колонии на данный момент. Не атомная станция, не гравитационные компенсаторы, не шлюзы. А вот это. Кусочек пластика и меди, собранный техником по имени Том в свободное от ремонта кофемашин время.

— Элли, — сказала Лин. — Ты здесь?

Экран планшета мигнул. По нему побежали строки:

«Я здесь. Это автономный аудиореги́стратор. Без передатчика — только запись. Том не хотел, чтобы его засекли. Я декодировала файл. Одна запись, сорок одна минута. Качество плохое, но голоса различимы. Ставить?»

Лин посмотрела на меня. Я кивнул. Она коснулась экрана.

Сначала был только шум — ровный, низкий, с ритмичными щелчками. Я узнал его: так звучала диспетчерская грузового сектора, когда работали терминалы. Потом сквозь шум прорезался голос. Глухой, искажённый помехами, но слова можно было разобрать.

— *«Подними потери до семи процентов по партии сорок четыре. Как в прошлый раз. Только аккуратно, без скачков».*

Голос принадлежал мужчине, но я не узнал его. Слишком общий тембр, слишком стандартная дикция. Кто угодно из администрации.

— *«Семь? В прошлый раз было пять. Марсианская сторона может запросить логи».*

Второй голос — тоже незнакомый. Диспетчер? Оператор?

— *«Марс получит то, что мы отправим. Делай».*

Короткая пауза. Щелчки терминала. Потом третий голос — другой мужчина, чуть ниже тоном, с металлической ноткой в конце фраз.

— *«Техник. Тот, который чинил кофемашину. Он рылся в накладных вчера».*

— *«Знаю. Мне доложили».*

— «Что будем делать?»

Пауза. Долгая, тяжёлая. Потом:

— «Убери его. И убери чисто. Шериф — идеальный вариант. Они друзья. Состряпаем бытовую ссору. Подбросим улики».

— «Я займусь. Сегодня ночью».

Запись продолжалась, но я перестал разбирать слова. В ушах стоял звон — тонкий, высокий, как после выстрела. «Шериф — идеальный вариант. Они друзья». Меня выбрали не за слабость, не за ошибку. Меня выбрали, потому что я был рядом. Потому что моя дружба с Томом была удобной мишенью.

Лин стояла неподвижно. Её рука лежала на планшете, пальцы чуть подрагивали, но лицо оставалось каменным. Она смотрела на экран, где ползли строки расшифровки, и молчала.

А потом запись выдала ещё один голос. Тихое бормотание, почти шёпот, записанный, казалось, с другого конца комнаты.

— «Ты смотри, какие цифры... двенадцать четыреста, одиннадцать семьсот восемьдесят... шестьсот двадцать литров разницы... Это не испарение, это... это делают намеренно. Надо Джону сказать».

Голос Тома.

Он звучал так буднично, так спокойно. Он обращался к кому-то — диспетчеру, напарнику, не важно. Он просто нашёл несоответствие и хотел поделиться. Со мной.

Я закрыл глаза. Сосчитал до трёх. Открыл.

Лин стояла лицом к стене, и плечи у неё дрожали. Я думал, она плачет, но когда она повернулась, глаза были сухими. Она взяла со стойки салфетницу — старую, керамическую, с нарисованными кофейными зёрнами. Сжала её. Пальцы побелели.

— Лин...

— Я не разобью, — сказала она. Голос был тихим и ледяным. — Не здесь. Не сейчас.

Она поставила салфетницу на место. Аккуратно, как будто ничего не случилось. Потом выдохнула — медленно, как выпускают пар из перегретого бойлера, — и повернулась ко мне.

— Мы не знаем, кто говорит, — сказал я. — В записи нет имён. Только голоса.

— Но цифры есть, — ответила она. — 12 400, 11 780, 620. И слова «шериф», «техник», «убери его». Этого достаточно, чтобы начать копать.

Экран планшета ожил.

«Согласна. Я могу попробовать восстановить удалённые файлы из диспетчерской. Накладные за последний месяц. Том их смотрел — значит, они были. Если Вейл их не зачистил полностью, я найду».

— Сколько времени? — спросил я.

«День. Может, два. Сервер архивирует данные, но не удаляет сразу. Есть шанс».

Лин сжала край стойки.

— Грегор, — сказала она. — Ты говорил про Грегора. Он возил воду. Если он заговорит, у нас будет живой свидетель.

— А если нет?

— Тогда найдём другого. Но сначала попробуем с ним.

Я кивнул. Она была права.

— И Маркус, — добавил я. — Член совета. Старый, принципиальный. Если он согласится нас поддержать, у нас будет легитимность. Не просто два психа с аудиозаписью, а официальные обвинители.

— Ты знаешь, как с ним связаться?

— Он заходит в кофейню по средам. Завтра как раз среда. Ты поговоришь с ним. С пирогом. И аккуратно проверишь почву.

Лин кивнула. Потом взяла мел и подошла к доске, где были написаны сорта кофе. Внизу, под «Чёрным как космос» и «Лунным экспрессом», она вывела:

«Оправдательный — скоро в меню».

— Хорошее название, — сказал я.

— Хороший сорт, — ответила она, не оборачиваясь. — Крепкий. С горчинкой. Но с долгим сладким послевкусием.

Она положила мел, взяла турку, налила в неё воды, поставила на плиту.

— Кофе. Настоящий. Свежий. А потом — спать. Завтра у тебя Грегор.

— А у тебя — Маркус.

— А у Элли — накладные.

«А у меня, — написала Элли, — просто приятно, что вы вернулись целыми. И что Лин не разбила посуду. В следующий раз — можно».

Лин фыркнула. Я впервые за несколько часов выдохнул по-настоящему.

Кофе закипал. За окном, за фиолетовым стеклом иллюминатора, чёрный космос ждал рассвета. Гирлянда мигала. И где-то там, в темноте колонии, Вейл допивал свой растворимый кофе и не знал, что его время уже истекает.

Мы знали. И мы были готовы.

Финал. Новая надежда

Кофе закипел. Лин сняла турку с огня, разлила по чашкам — мне в кружку с трещиной, себе в белую, без рисунка.

— Ты иди, — сказала она, не глядя на меня. — Поспи пару часов. Утро скоро.

— А ты?

— А я дождусь рассвета. — Она провела пальцем по краю доски, где белела свежая надпись: «Оправдательный — скоро в меню». — Испеку что-нибудь. Для Маркуса. Ему на среду пирог нужен, а среда уже завтра.

— Ты не спала почти сутки.

— Бариста не спят перед важным днём. Это профессиональное.

Я хотел возразить, но посмотрел на неё — прямую, спокойную, сжавшую ладони вокруг горячей чашки, чтобы скрыть дрожь. И не стал.

Мы пили кофе молча. Гирлянда мигала, отсчитывая время, которого у нас становилось всё меньше. За стенами колония готовилась к новому дню — где-то загудели компрессоры, зашипели рециркуляторы воздуха. Рассвет приближался.

Я допил кофе, поставил кружку на стойку.

— Если меня убьют сегодня, Лин...

— Не надо, — перебила она. — Не говори глупостей.

— Если меня убьют, — повторил я, — не лезь одна. Зови Маркуса, Элли, кого угодно. Не становись героиней.

— Я бариста, — ответила она. — Героинями становятся те, кто заваривает слишком крепкий кофе. А я — хозяйка кофейни. И я не позволю Вейлу выиграть.

Она сунула руки в карманы тёмной кофты и посмотрела на дверь, за которой чернел коридор.

— Иди. У тебя завтра Грегор. А у меня — Маркус. И пирог, который я не успела испечь.

Я встал. Пустая кобура на поясе качнулась. На прощание я коснулся пальцами кружки с трещиной — Лин убрала её за стойку, подальше от чужих глаз.

— Тогда до утра.

— До утра, — сказала она.

Я вышел через служебный вход. Колокольчик не звякнул — Лин так и не повесила его обратно. В коридоре было пусто и холодно. Гул гравитационной станции стал тише — или мне просто показалось.

Я шёл к своему модулю, перебирая в голове план, который мы только что набросали. Грегор — завтра. Диспетчерская — потом. Маркус — середина недели. Элли — файлы.

Мы нашли начало. Теперь нужно было не ошибиться.

И не умереть раньше, чем скажем правду.

Дверь модуля закрылась за мной. Я лёг на кровать, не раздеваясь, глядя в потолок, и провалился в сон без сновидений — тяжёлый, как свинцовая плита.

Где-то за стеной колония просыпалась. Гидропонные лампы зажигались фиолетовыми полосами. Начинался новый день — день, который должен был всё изменить.

Я проспал всего три часа. Этого хватило.

Глава 4. Грузовой сектор

Портовый бар «Шлюз»

Портовый бар «Шлюз» располагался в техническом подбрюшье колонии — там, где жилые сектора уступали место грузовым докам, а грузовые доки — шлюзам, за которыми начинался вакуум. Чтобы попасть сюда из кофейни, нужно было пересечь весь центральный бульвар, спуститься на два яруса по лестнице, которой никогда не пользовались чиновники, и пройти через ангар, где пахло машинным маслом и озоном от старых сварочных аппаратов. Джон знал дорогу наизусть.

Вывеска над входом мигала — буква «Ш» то гасла, то загоралась с тихим жужжанием. Под вывеской, как всегда, дремал робот-уборщик с нарисованными усами. Кто-то регулярно подрисовывал их маркером, и бармен давно перестал стирать.

Внутри былолюдно, но не шумно. «Шлюз» никогда не был шумным — это было место, куда приходили не праздновать, а пережить. Пилоты с ночных рейсов, механики после двойной смены, контрабандисты, ожидающие заказа, и просто те, кому не сиделось в собственных модулях. Воздух был густым от сигаретного дыма — здесь ещё курили, хотя официально это запретили года три назад. Пахло разогретым маслом, старым алкоголем и той особой смесью человеческого пота с металлической пылью, которая говорила: здесь работают руками.

За барной стойкой, как всегда, возвышался Марек — двухметровый молчаливый поляк, который прибыл на «Little World» ещё в первую волну заселения и с тех пор, кажется, не покидал бар ни на сутки. Он кивнул Джону, не выронив трубки из зубов, и потянулся за чашкой.

— Кофе, — сказал Джон.

Марек замер. Трубка чуть дёрнулась.

— У меня растворимый, шериф.

— Знаю.

— Ты же не пьёшь растворимый.

— Сегодня пью.

Марек пожал плечами и достал банку. Джон смотрел, как серый порошок падает в чашку, как заливается кипяток из старого термopота, и думал, что Лин, наверное, сейчас почувствовала бы боль где-то в районе сердца. Он заплатил, взял чашку и отошёл от стойки.

В углу, у дальней стены, горела одинокая лампа. Под ней сидел человек, которого Джон искал.

Грегор выглядел так же, как год назад, когда Джон видел его в последний раз, — разве что морщин прибавилось, да пальцы, сжимавшие стакан, чуть заметно дрожали. Коренастый,

с обветренным лицом, одетый в дорогой, но мятый комбинезон. Перстень с тёмным камнем на правой руке поблёскивал в свете лампы. Когда Грегор поднял голову на звук шагов, он улыбнулся — и в углу рта сверкнул золотой зуб. Левый резец. Джон помнил три версии его происхождения, и ни одна не повторялась дважды.

— Шериф, — сказал Грегор. Голос у него был хрипловатый, но весёлый. — А я думал, ты под домашним арестом.

— Я под домашним, — Джон сел напротив. — Просто дом у меня большой.

Грегор хмыкнул. Он не спросил, зачем Джон здесь. Он не спросил, как Джон вышел из модуля. Он просто отпил из своего стакана, прищурился и сказал:

— Значит, дело серьёзное. Ты пришёл за долгом.

— Я пришёл не за долгом.

— Все приходят за долгом, — Грегор покрутил перстень на пальце. — Просто не все это сразу говорят.

Джон поставил чашку на стол. Растворимый кофе пах химией и чем-то отдалённо напоминающим жжёный сахар. Он сделал глоток. Поморщился. Грегор заметил и усмехнулся.

— Марек тебя траванул?

— Я сам попросил.

— Растворимый кофе? Ты? Шериф, который молится на свою турку?

— Сегодня я пью что дают.

Грегор откинулся на спинку стула. Его улыбка стала чуть менее весёлой и чуть более оценивающей. Он смотрел на Джона так, как смотрят на груз, который неизвестно сколько весит и неизвестно куда падать.

— Том погиб, — сказал он. Это был не вопрос.

— Да.

— И ты думаешь, я знаю что-то, что поможет.

— Я думаю, ты знаешь больше, чем говоришь.

Грегор долго молчал. Потом поднял стакан, посмотрел на свет и тихо произнёс:

— Знаешь, шериф, в космосе есть два вида людей: те, кто возит груз, и те, кто проверяет накладные. Угадай, кто живёт дольше?

— Тот, кто не лезет не в своё дело?

— Тот, кто не задаёт вопросов, — Грегор допил. — Но ты, я вижу, задавать вопросы всё-таки пришёл.

Джон ничего не ответил. Он просто ждал. Грегор покрутил перстень ещё раз, потом вздохнул — устало, как вздыхает человек, который слишком долго носил что-то внутри, — и поставил пустой стакан на стол.

— Ладно, шериф. Ты когда-то меня не заметил. Я запомнил. Долг платежом красен. Спрашивай.

Джон взял чашку с растворимым кофе, сделал ещё глоток и приготовился слушать.

Разговор о старых долгах

Джон не стал спрашивать сразу. За девять лет работы в колонии он усвоил: если человек сказал «спрашивай», это ещё не значит, что он готов ответить. Сначала нужно дать ему выговориться на его условиях. Пусть покрутит перстень, пусть отхлебнёт из стакана, пусть решит, с чего начать.

Грегор крутил перстень.

— Помнишь тот рейс? — спросил он наконец. — Марс-четыре-семнадцать. Ты тогда меня тормознул на досмотре. У меня в грузовом отсеке лежало два ящика незадекларированного табака. Ты посмотрел на накладную, потом на меня, потом снова на накладную. И сказал: «У тебя тут ошибка, Грегор. Перепиши». И ушёл.

— Помню, — сказал Джон. — У тебя дрожали руки.

— У меня всегда дрожат руки. Это старая история. Плохая гравитационная компенсация на грузовиках первого поколения.

— Ты говорил, что это после аварии.

— Я много что говорил. — Грегор усмехнулся, и золотой зуб снова сверкнул. — Это была не авария. Это был Марс. Я родился на Марсе, шериф. Там гравитация — треть земной. А здесь мы живём при искусственной, которая скачет от семидесяти до ста десяти процентов в зависимости от настроения станции. Вот руки и не выдерживают.

Джон ничего не сказал. Он знал, что Грегор родился на Марсе. Знал и то, что золотой зуб появился не после аварии, а после драки в портовом баре на Фобосе, — эту версию он слышал от Марека года три назад. Но версии Грегора никогда не имели отношения к правде. Они имели отношение к тому, кем он хотел казаться.

— Я тогда подумал: вот же дурак, — продолжал Грегор. — Шериф, который мог меня сдать, сдать с потрохами, — и не сдал. Я потом неделю ждал, что ты придёшь и скажешь: «Грегор, ты мне должен». Но ты не пришёл. Просто делал свою работу. Патрулировал, пил кофе, разнимал соседей.

— Я не разнимаю соседей. Я миротворю.

— Это одно и то же. — Грегор отхлебнул. — И вот теперь ты здесь. В баре «Шлюз», пьёшь растворимый кофе, хотя я знаю, что ты ненавидишь растворимый кофе. И говоришь, что пришёл не за долгом. Но я тебе не верю.

Джон поставил чашку. Растворимый кофе успел остыть и стал ещё хуже — если такое вообще было возможно.

— Ты прав, — сказал он. — Я пришёл за долгом. Но не за тем, о котором ты думаешь.

— А о каком?

— Ты кое-что знаешь. Кое-что, что может помочь найти убийцу Тома.

Грегор перестал крутить перстень. Его лицо, только что расслабленное, почти весёлое, застыло. На секунду он стал похож на человека, который увидел что-то в иллюминаторе — что-то, чего там быть не должно.

— Я не знаю, кто убил Тома, — сказал он тихо.

— Я знаю, кто убил Тома. Мне нужно другое.

— Что?

— Схема.

Грегор долго смотрел на свой пустой стакан. Потом подозвал Марека и попросил повторить. Марек принёс бутылку, налил, не проронив ни слова. Трубка всё так же торчала из угла рта, и дым поднимался к низкому потолку, где уже много лет собиралось облако из сотен таких же трубок.

— Лин знает, что ты здесь? — спросил вдруг Грегор.

— Знает.

— Она хорошая женщина. У неё кофе правильный. Я в её заведение не хожу, но это не потому, что она мне не нравится. Она мне нравится. Просто там слишком уютно.

— А тебе уют вреден.

— Именно. — Грегор поднял стакан. — Уют расслабляет. А расслабленный контрабандист — мёртвый контрабандист.

Джон позволил себе слабую улыбку. Грегор заметил и хмыкнул.

— Ты изменился, шериф. Раньше ты не улыбался, когда говорил о мёртвых.

— Раньше я не пил растворимый кофе.

— И это многое объясняет.

Они помолчали. Где-то у стойки двое пилотов заспорили о маршруте, и Марек лениво прикрикнул на них, не вынимая трубки изо рта. За иллюминаторами грузовой док жил своей ночной жизнью: магнитные захваты тихо гудели, удерживая корабли, и дальний погрузчик медленно тащил контейнер с маркировкой «Вода — Марс».

Грегор проследил за взглядом Джона.

— Ты хочешь знать, как это работает, — сказал он. — Не просто кто кого убил. Ты хочешь знать, как вода уходит налево.

— Да.

— Это долгий разговор.

— У меня есть время.

— У тебя нет времени, шериф. У тебя домашний арест, потерянный значок и инспектор с Земли, который через пару дней передаст твоё дело в трибунал. Времени у тебя нет. Но ты всё равно здесь. Пьёшь эту дрянь и ждёшь, пока я начну говорить.

Грегор поднял стакан. Джон поднял чашку.

— За Тома, — сказал Грегор негромко.

Джон кивнул, и они выпили. Растворимый кофе не стал вкуснее, но теперь это было неважно. Грегор откинулся на спинку стула, покрутил перстень в последний раз и начал рассказывать.

Как добывают лёд

Долго он не начинал. Грегор вообще не любил начинать первым — он предпочитал, чтобы разговор разогнали другие, а он бы вставил реплику, поправил, усмехнулся. Но Джон молчал, бармен Марек молчал, и даже пилоты у стойки на минуту притихли. И Грегор заговорил.

— Ты хочешь понять, как вода уходит налево, — сказал он, вертя стакан в пальцах. — Но для этого надо понять, как она вообще добывается. Потому что схема Вейла начинается не в диспетчерской. Она начинается там, где лёд. Всё всегда начинается со льда.

Он отхлебнул и поставил стакан на стол. Перстень с тёмным камнем стукнул о пластик столешницы.

— Я не шахтёр. Я пилот. Но я летал над шахтами, и я видел, как это выглядит. Ты когда-нибудь был на поверхности?

— Нет, — сказал Джон.

— И не надо. Там холодно, темно и всё время кажется, что астероид сейчас треснет у тебя под ногами. Хотя он не треснет — он миллиард лет не трескался. Но ощущение такое, будто стоишь на спине спящего зверя. Дышит. Двигается. Ждёт.

Он повертел рукой, изображая что-то в воздухе.

— Лёд там не такой, как в стакане. Это не кубики. Это композит — вода, каменная пыль, замёрзшие газы. Аммиак, метан, ещё какая-то дрянь. Всё это смерзлось в монолит крепче бетона, и чтобы его разбить, нужны либо взрывчатка, либо лазеры, либо просто время и упрямство. У нас упрямство. И ещё купола.

— Купола?

— Тепловые. Их ставят над участком поверхности, накачивают теплом, и лёд начинает таять. Газы отводят, воду собирают. Это старая технология, ещё с Марса. Медленная, зато дешёвая. Второй способ — механический. Роботы-вездеходы. Бурят, дробят, везут крошку на завод. Шахтёры сидят в операторских, как дети за игровыми приставками, и следят за картинкой. Только если у ребёнка джойстик задрожит — это батарейка садится. А если у шахтёра задрожит — это микрометеорит в соседний купол прилетел.

— Часто прилетает?

— Раз в пару месяцев. Купола чинят, дыры латают. Работа опасная, но платят хорошо. Я когда-то думал пойти в шахтёры, но потом понял: лучше сидеть в кабине корабля, чем в операторской. В кабине хотя бы летишь. А там — сидишь на месте и ждёшь, пока в тебя что-нибудь прилетит.

Марек за стойкой сменил трубку — старая погасла, он раскурил новую, и облако дыма медленно поплыло к потолку. Грегор проводил его взглядом и продолжил.

— Дальше — завод. Ты видел водоочистительный?

— Видел снаружи.

— Изнутри он скучный. Трубы, насосы, фильтры, химики с кислыми лицами. Ледяную крошку везут туда, плавят, фильтруют — сначала грубо, потом тонко, потом ещё тоньше. Дистиллируют. Вымораживают. Минерализуют. На выходе получается вода — чистая, как совесть младенца. Её заливают в контейнеры и отправляют на Марс. Или должны отправлять.

Грегор сделал паузу. Джон понял, что сейчас будет главное.

— Теперь смотри на цифры. Загрузка контейнера — двенадцать с половиной тысяч литров. Это примерно. Вода — она не стоит на месте, она плещется, испаряется, часть уходит в микротрещины. Это нормально. На это списывают. Пять процентов потерь — это законно. Это считается технологическими потерями, и никто не задаёт вопросов. Но если ты, скажем, списываешь семь процентов — а грузишь двенадцать с половиной, а в отчёте пишешь одиннадцать семьсот — разница в шестьсот двадцать литров с одного контейнера. Умножь на количество рейсов в месяц.

Джон молчал. Цифры были ему знакомы — почти те же, что в клочке Тома.

— И куда девается эта вода?

— Хороший вопрос, шериф. — Грегор криво улыбнулся. — Она никуда не девается. Она просто не долетает до Марса. Её перекачивают в отдельные ёмкости. Неучтённые. Стоят в грузовом секторе Г-семь, дальний угол, за контейнерами с маркировкой «Технический груз». Их не проверяют, потому что по документам они пустые. А они не пустые.

— И кто их забирает?

— Частные перевозчики. Такие, как я. Маленькие корабли, которые не ходят по основным маршрутам. Мы прилетаем, забираем, увозим. Кому — топливо после электролиза, кому — питьевую воду для нелегальных поселений. Марс — большая планета, там полно людей, которые не хотят светиться в официальных реестрах.

— И платят наличными.

— Или криптовалютой. Или услугами. Деньги оседают на счетах, которые не проходят через бухгалтерию колонии. Вейл, Рейн, может, ещё кто-то из совета — я не знаю всех. Я только возил.

Он допил и отодвинул стакан.

— Вот такая схема, шериф. Простая, как молоток. Добыча — очистка — загрузка — списание — перепродажа. На каждом шагу кто-то отщипывает свой кусок. И тот, кто попытается заглянуть в цифры, — покойник.

Джон подумал о Томе. О том, как он стоял в диспетчерской, склонившись над терминалом, и хмурился, глядя на цифры. Он не знал о схеме — он просто увидел, что цифры не сходятся. И начал задавать вопросы.

— Ты знаешь, кто конкретно корректирует цифры? — спросил Джон.

— Тот, у кого доступ. Рейн. Больше никому. Диспетчеры — мелкие сошки, они только выполняют приказы. А Рейн — он тень Вейла. Если Вейл говорит «сделай», Рейн делает. Я его пару раз видел. Он не пьёт кофе и не смотрит в глаза. Этого достаточно, чтобы я держался от него подальше.

Джон запомнил эту деталь. Не пьёт кофе. Как и Вейл. В мире, где кофе был жестом доверия, отказ от него означал полную закрытость.

— Ты сам корректировал накладные, когда возил воду? — спросил он.

Грегор посмотрел на него долгим взглядом. Потом достал из внутреннего кармана сложенный листок и протянул через стол.

— Вот. Партия четырёхмесячной давности. Контейнер тот же, маршрут тот же. В накладной — одно, по факту — другое. Я сохранил. На всякий случай.

Джон взял листок. Бумага была потёртой на сгибах, с жирным пятном в углу — кажется, от машинного масла. Он развернул. Цифры, печать, подпись. Неумелая подделка под официальный документ, но достаточно убедительная, чтобы пройти поверхностную проверку. Таких накладных у Вейла, наверное, десятки.

— Это то, что тебе нужно? — спросил Грегор.

— Это часть того, что мне нужно.

— А остальное?

— Остальное у нас уже есть.

Грегор хмыкнул. Он не спросил, что именно. Может быть, не хотел знать. Может быть, уже догадался.

— И что дальше? — спросил он. — Ты пойдёшь с этим в совет?

— Пойду.

— Они тебя сожрут. Вейл не тот человек, который сдаётся. Он будет драться, пока не останется ничего. Ты это понимаешь?

— Понимаю.

— И всё равно пойдёшь?

— И всё равно пойду.

Грегор долго смотрел на него. Потом покачал головой — то ли с уважением, то ли с жалостью.

— Ты точно дурак, шериф. Дурак с растворимым кофе и отсутствующим инстинктом самосохранения. Но, чёрт возьми, я тебе завидую.

— Чему?

— Ты всё ещё веришь, что правда что-то меняет.

Джон сложил накладную и убрал во внутренний карман. Рядом с клочком Тома. Два документа, написанные разными руками, в разное время, по разным причинам. Один — последний поступок мёртвого техника. Второй — страховка контрабандиста, который слишком долго боялся.

— Правда уже кое-что изменила, — сказал он. — Ты только что дал мне эту бумагу.

Грегор ничего не ответил. Он смотрел в свой пустой стакан, и в его глазах — впервые за весь вечер — не было ни цинизма, ни усмешки. Только усталость. И что-то ещё, чему Джон не сразу подобрал название. А когда подобрал — понял: это облегчение.

— Я не знаю, чем всё кончится, — сказал Грегор тихо. — Но если ты выживешь — передай Лин, что я, может быть, когда-нибудь зайду. Попробовать её кофе. Тот, который ты пьёшь, — он кивнул на чашку с остывшим растворимым пойлом, — явно не помогает.

— А что помогает?

— Ничего. Но хороший кофе хотя бы делает это утро сносным.

Джон допил. Растворимый кофе действительно был отвратительным. Он мечтал о турке, о медленно поднимающейся пенке, о запахе — сначала горьком, потом глубоким, с оттенком шоколада. О том, как Лин скажет: «Чёрный как космос» — и поставит чашку на стол.

— Я передам, — сказал он. — Но ты мог бы зайти и сам.

— Может быть, — сказал Грегор. — Когда всё кончится. Если всё кончится правильно.

Он подозвал Марека и заказал ещё один. Джон не стал ждать, пока принесут. Он встал, кивнул Грегору — тот ответил коротким движением подбородка, — и пошёл к выходу.

У двери он задержался. Обернулся.

— Грегор. Спасибо.

Грегор не обернулся. Он смотрел в стену и крутил перстень.

— Не благодари меня, шериф. Я делаю это не для тебя. Я делаю это для Тома, который однажды починил мне кофемашину бесплатно. И для себя. Потому что даже труса надоедает бояться.

Джон вышел в коридор. Дверь бара закрылась за ним. Робот-уборщик с нарисованными усами тихо жужжал под вывеской, и в его объективе отражалась мигающая буква «Ш». В кармане у Джона лежали две накладные — Тома и Грегора. Две бумажки, за которые уже убили одного человека.

Он пошёл обратно в кофейню. Лин ждала. Ей нужно было знать, что Грегор сказал «да». И что у них теперь есть свидетель, который слишком долго боялся, но всё-таки перестал.

Возвращение в кофейню

«Свежевыжатый» встретил меня тишиной и запахом свежемолотого кофе. Лин не спала — она сидела за стойкой с книгой, но страницу не перелистывала уже, кажется, минут двадцать. Гирлянда над окном мигала жёлтым, лампа над стойкой горела вполнакала, и в этом свете Лин выглядела моложе и одновременно старше — как человек, который слишком много знает и слишком мало может рассказать.

— Ты долго, — сказала она, не поднимая глаз.

— Грегор любит говорить.

— Грегор любит говорить о себе. О деле он говорит коротко. — Она наконец отложила книгу. — Как всё прошло?

Я сел за свой любимый столик у стены — тот, с которого видно и вход, и стойку, и окно в гидропонный сад. Усталость навалилась разом, как будто ждала, пока я доберусь до безопасного места. Ноги гудели, глаза щипало. Я не спал почти двое суток — с той ночи, когда мы слушали запись, и до этого разговора в баре, и теперь организм напоминал, что он не железный.

— Сначала расскажи ты, — сказал я. — Маркус?

— Завтра. Среда. Я приготовлю новый пирог. — Лин встала и подошла к плите. — С карамелью и морской солью. Ему нравится карамель.

— Ты знаешь, что ему нравится?

— Я знаю, что нравится всем моим постоянным посетителям. — Она поставила турку на конфорку. — Это моя работа.

Я достал из кармана накладную Грегора и положил на стойку. Потёртая бумага, жирное пятно в углу, неумелая подпись. Лин взяла её, поднесла к свету, изучила. Потом положила рядом с клочком Тома — тем, что мы нашли в кофемашине. Два документа легли рядом, как две половины одного пазла. Один — про списание. Второй — про сбыт. Вместе — полная картина.

— Том бы оценил, — сказала она тихо.

— Том бы сказал: «Цифры не врут, но люди — да».

— Том бы сказал: «Кофе любит память». — Она улыбнулась уголком губ. — Он всегда говорил это, когда мыл кружку. Раз в день, не чаще.

Кофе закипел. Лин перелила его в чашку — мою, с трещиной по ободку, — и поставила передо мной. Себе налила в другую, тонкостенную, из фарфора.

— «Чёрный как космос», — сказала она. — С двойной надеждой. Ты сегодня заслужил.

— Двойная надежда — это новый сорт?

— Это состояние души.

Я сделал глоток. Кофе был именно таким, каким должен быть: горячим, горьким, с долгим послевкусием. Не растворимая дрянь из «Шлюза» — настоящий кофе, от которого просыпаешься, даже когда устал до смерти.

— Он согласился, — сказал я. — Грегор. Даст показания.

— В обмен на что?

— Амнистию. Безопасность. Выход из колонии.

— Это много.

— Это меньше, чем то, что он даёт взамен.

Лин кивнула. Она не спросила, можно ли ему доверять. Она знала Грегора — не близко, но достаточно, чтобы понимать: он не предаст. Не потому, что он хороший человек. А потому, что он слишком напуган, чтобы предать. И слишком зол на Вейла, чтобы молчать.

— Он сказал кое-что ещё, — добавил я.

— Что?

— Что когда всё кончится, он, может быть, зайдёт. Попробовать твой кофе.

Лин подняла бровь.

— Грегор? В мою кофейню?

— Он сказал: «Там слишком уютно. А мне уют вреден». Но, кажется, он готов сделать исключение.

— Я поставлю для него отдельный стул, — сказала Лин. — Самый жёсткий. Чтобы не расслаблялся.

Мы помолчали. Гирлянда мигала. Где-то далеко, в портовом бару, Грегор, наверное, всё ещё сидел над своим стаканом и крутил перстень. А где-то ещё дальше, в диспетчерской, Элли обрабатывала файлы и ждала сигнала.

— У нас теперь есть свидетель, — сказал я.

— И у нас есть почти всё. — Лин посмотрела на доску с сортами кофе. — Остался Маркус.

— Завтра среда?

— Завтра среда.

Я допил кофе и отодвинул чашку. Лин взяла её и, не спрашивая, налила ещё. Я не протестовал.

— Ты выглядишь как покойник, — заметила она.

— Я себя чувствую как покойник, который слишком много ходил.

— Иди спать, Джон. Завтра тяжёлый день.

— Все дни тяжёлые.

— Этот особенно. — Она поставила чашку передо мной. — Допивай и иди. Грегор — это половина дела. Маркус — вторая половина. И ещё диспетчерская.

— Диспетчерскую мы сделаем.

— Обязательно сделаем. Но не сегодня. Сегодня ты спишь.

Я не стал спорить. Лин была права — я держался на кофе, адреналине и упрямстве, и любой из этих трёх ресурсов мог кончиться в любой момент. Я допил вторую чашку, поднялся, взял со стойки накладные — Тома и Грегора — и убрал их во внутренний карман.

— Я спрячу их в надёжном месте, — сказал я. — Завтра утром принесу.

— Утром у меня Маркус. Приходи к вечеру. Сравним заметки.

— Договорились.

Я направился к двери. Уже взялся за ручку, когда Лин окликнула меня.

— Джон.

Я обернулся.

— Том гордился бы тобой. Тем, что ты делаешь. Я это знаю.

Я ничего не ответил. Просто кивнул. И вышел в коридор.

Гул гравитационной станции провожал меня до самого модуля. Он звучал сегодня ниже обычного — или мне так казалось. В кармане лежали две бумажки, за которые убили человека. В голове крутились цифры: двенадцать четыреста, одиннадцать семьсот восемьдесят, шестьсот двадцать. Разница, из-за которой началась эта история.

Я вошёл в модуль, запер дверь и рухнул на кровать, не раздеваясь. Завтра среда. У Лин — Маркус. У Элли — диспетчерская. У меня — разговор с собственным телом, которое требовало сна, и с совестью, которая требовала действий. Сон победил.

Глава 5. Диспетчерская

Полночь в кофейне

Я вернулся в кофейню через три часа после того, как ушёл. Три часа сна — не больше, но достаточно, чтобы тело перестало дрожать, а мысли перестали путаться. Лин, судя по её виду, не спала вообще — она сидела за стойкой с планшетом, и перед ней стояли три чашки из-под кофе. Три чашки за три часа. Я знал этот режим: она включала его, когда готовилась к чему-то важному.

— Ты хоть прилегла? — спросил я, закрывая дверь.

— Я прилегла, — сказала она, не отрываясь от планшета. — На пятнадцать минут.

— Это не считается.

— Считается. Я считаю.

Я не стал спорить. Лин в таком состоянии спорить было бесполезно — она становилась похожа на свою кофемашину: работала ровно, без сбоев, но требовала к себе уважения и периодического технического обслуживания.

На стойке уже стоял термос — старый, с выцветшей наклейкой «Свежевыжатый кофе», который Лин никогда не использовала при посетителях. Рядом лежал пакет с печеньем — конспиративным, тёмным, не крошащимся. И планшет, на котором Элли уже вывела схему диспетчерской.

— Она готова, — сказала Лин, кивнув на экран.

«Готова, — написала Элли. — Доступ к терминалу дальнего угла открыт. Файлы накладных в кэш-памяти сервера. Как только вы подключитесь, я начну передачу. У вас будет семь минут с момента подключения. Через семь минут сервер зафиксирует аномалию, и я не смогу её скрыть без превышения протокола. Превышать протокол я не хочу — это оставит след. А след нам не нужен».

— Семь минут, — повторил я. — Это мало.

— Это больше, чем три, — сказала Лин. — А три нам хватило.

— Там было темно, и мы ни с кем не разговаривали.

— Здесь ты вообще не будешь разговаривать. Ты будешь сидеть за терминалом и ждать, пока я делаю свою работу.

Я подошёл к стойке и взял турку. Лин не протестовала — она знала, что я всё равно налью себе кофе, и предусмотрительно оставила на плите свежую порцию. Я налил, сделал глоток и посмотрел на планшет.

— Кай, — прочитал я. — Это дежурный?

— Единственный в ночную смену. Молодой, вежливый, немного скучающий. Пьёт латте с карамелью, когда заходит в кофейню.

— Ты знаешь, что он пьёт?

— Я знаю, что пьют все мои постоянные посетители. — Лин наконец оторвалась от планшета и посмотрела на меня. — Это моя работа.

Я вспомнил, что она говорила то же самое о Маркусе. И о Грегоре. И обо мне. Лин действительно знала всех — не потому, что собирала информацию, а потому, что ей было не всё равно. В этом была её сила. И, возможно, её уязвимость.

— Кай ничего не знает о схеме, — продолжила она. — Он просто оператор. Ему скучно, он рад любому разговору. Я зайду, скажу, что кофемашина сломалась, угощу его печеньем и буду болтать. Ты зайдёшь, когда я дам сигнал.

— Какой сигнал?

— Я скажу: «Проводка тут никуда не годится». Ты поймёшь.

— А если он обернётся?

— Не обернётся. — Лин взяла термос и пакет. — У него будет кофе, печенье и интересная собеседница. А у тебя — семь минут.

Я допил кофе и поставил чашку на стойку. Лин протянула мне планшет.

— Элли будет с тобой на связи. У меня наушник. Если что-то пойдёт не так, я скажу.

— А если что-то пойдёт совсем не так?

— Тогда ты выходишь через технический коридор, а я импровизирую. — Она поправила капюшон и улыбнулась уголком губ. — Не волнуйся, шериф. Я умею импровизировать.

Я не волновался. Я просто очень устал и очень хотел, чтобы эта ночь была последней, когда мы крадёмся по колонии как воры. Но я не сказал этого вслух. Вместо этого я взял со стойки планшет, проверил связь с Элли и кивнул.

— Идём.

Лин выключила лампу над стойкой. Гирлянда осталась гореть — как всегда, как маяк. Мы вышли через служебную дверь, и ночная колония снова обняла нас своим холодным гулом. Впереди была диспетчерская. И семь минут. И печенье, которое должно было отвлечь человека, даже не подозревающего, что сегодня ночью он станет частью заговора.

Коридоры: второй раз за ночь

Мы снова шли по ночной колонии.

Я уже сбился со счёта, сколько раз за последние двое суток проделывал этот маршрут: жилой сектор — технический коридор — кофейня — снова технический коридор — склад — бар — кофейня. Колония «Little World» была не такой уж маленькой, но теперь она сжалась до нескольких точек на карте, и все эти точки соединялись одними и теми же переходами, одними и теми же тусклыми лампами, одним и тем же низким гулом гравитационной станции.

Только теперь мы шли не на склад, а мимо него — дальше, в грузовой сектор. Диспетчерская находилась в двух минутах ходьбы от склада вещдоков, и я подумал, что это странно: два места, где хранились улики против Вейла, располагались почти рядом. Как будто колония сама подсказывала нам, куда идти.

Или как будто Том, когда выбирал, где установить жучок, знал, что все дороги рано или поздно приведут сюда.

Лин шла впереди. Термос в одной руке, пакет с печеньем в другой. Со стороны можно было подумать, что бариста просто возвращается домой после поздней смены — ничего подозрительного, ничего криминального. Я шагал сзади, держась в тени, как привык за девять лет патрулей. Только теперь я был не патрульным, а нарушителем, и от этого привычка держаться в тени приобрела новый оттенок.

— Знаешь, что меня беспокоит? — тихо сказал я.

— Что мы второй раз за двое суток крадёмся по колонии как воры?

— Именно.

— Меня это тоже беспокоит. — Лин не обернулась. — Но ещё больше меня беспокоит, что третий раз может не понадобится. Потому что если мы сегодня добудем файлы, больше красться будет не за чем.

— Или будет некому.

— Ты сегодня оптимист.

— Я реалист. Кофе кончился.

Лин фыркнула. Мы свернули в коридор «Е» — более широкий, чем технический «Д», с высоким потолком и кабелями, свисающими пучками из распределительных щитков. Здесь пахло озоном и машинным маслом — запах, который я всегда ассоциировал с грузовым сектором. За стеной, где-то слева, тихо гудел погрузчик. Ночная смена в доках не спала — но диспетчерская была в другом крыле, и нам не нужно было пересекаться с грузчиками.

— Кай, — сказал я. — Ты уверена, что он ничего не заподозрит?

— Кай двадцатипятилетний оператор, который мечтает накопить на перелёт на Марс и проводит ночные смены за просмотром старых фильмов на планшете. Он не подозревает даже того, что его начальник — вор и убийца. Думаешь, он заподозрит бариста с печеньем?

— Бариста с печеньем — это звучит невинно.

— Так и задумано.

Мы остановились у двери диспетчерской. Табличка с номером, старая наклейка «Посторонним не входить», индикатор замка — зелёный. Элли уже сняла блокировку. Лин повернулась ко мне, поправила капюшон и вдруг стала серьёзной.

— Семь минут, Джон. Не больше. Если я скажу: «Кажется, помпа перегрелась» — ты уходишь немедленно. Не дописываешь, не докачиваешь, не проверяешь. Просто уходишь.

— А ты?

— Я разберусь.

Я посмотрел на неё. Маленькая, прямая, с решительным подбородком. Такая же, как в ночь вылазки на склад. Такая же, как в утро, когда она стояла над телом Тома и говорила: «Тот, кто это сделал, не знал Тома. Совсем». Лин не носила бластера. Она носила термос и печенье, и это было её оружие.

— Ты помнишь, что Том работал за этим терминалом? — спросила она вдруг.

— Помню.

— Он, наверное, сидел там и думал, что делает что-то важное. И он был прав.

— Он был прав, — сказал я. — Только не успел.

Лин кивнула. Потом взяла термос, взяла пакет с печеньем и толкнула дверь. Я отступил в тень и стал ждать сигнала.

Лин и Кай

Диспетчерская встретила Лин холодным люминесцентным светом и знакомым запахом — озон, старая изоляция, перегретый пластик. Точно так же пахло в мастерской Тома. Она на секунду замерла на пороге, придерживая дверь локтем — термос в одной руке, пакет с печеньем в другой, — и принялась. Нет, не показалось. Запах был тот же. Может быть, все технические помещения в колонии пахли одинаково. А может быть, Том просто успел поработать везде, оставив после себя этот неистребимый шлейф машинного масла, кофе и добросовестности.

— Лин?

Кай сидел за главным пультом, откинувшись в кресле так, что оно опасно скрипело. Перед ним светились три монитора: графики загрузки контейнеров, расписание рейсов и, в

уголке нижнего экрана, замерший кадр какого-то старого фильма. Лин заметила мельком — кажется, что-то про космические гонки, — и мысленно поставила галочку. Скучает. Смотрит фильмы. Отлично.

— Доброй ночи, — сказала она, проходя внутрь. — Или доброго утра? Я уже путаюсь.

— Ночная смена, — Кай пожал плечами. — Тут всегда путаешься. А вы что тут делаете? В смысле, — он чуть покраснел, — я рад, конечно, но в три ночи...

— Кофемашина. — Лин кивнула в сторону аппарата у стены. — Я хотела проверить её днём, но днём у меня не получилось. А ночью, думаю, смена спокойная, Кай не выгонит...

— Да я разве ж выгоню? — Кай расплылся в улыбке. — Вы же с кофе.

— С кофе, — подтвердила Лин. — И с печеньем.

Она поставила термос и пакет на край пульта. Кай заглянул в пакет с видом человека, который не ожидал подарка, но очень рад, что подарок случился.

— Это то самое? Ну, конспиративное?

— Конспиративное, — Лин чуть приподняла бровь. — А ты откуда знаешь про конспиративное?

— Да вы же в кофейне рассказывали. Что печенье не крошится и не пахнет. Я запомнил.

Лин мысленно поставила ещё одну галочку. Кай запоминал. Это было и хорошо, и не очень. Хорошо — потому что он явно был внимателен к тому, что она говорила. Не очень — потому что внимательный человек мог запомнить и что-то ещё. Но она отогнала эту мысль и улыбнулась.

— Тогда угощайся. А я пока гляну, что там с четвёртым номером. Он опять перегревается.

— Да он всегда перегревается, — заметил Кай, беря печенье. — Том говорил, что у него помпа с дефектом.

Имя Тома повисло в воздухе. Кай, кажется, сам не заметил, как сказал его — просто вспомнил старого техника, который приходил, чинил, шутил про кофемашины и оставлял после себя запах машинного масла. Лин на секунду замерла, но тут же заставила себя двигаться дальше. Подошла к кофемашине. Открыла панель.

— Том хорошо знал эту машину, — сказала она ровным голосом.

— Он вообще все машины знал. — Кай захрустел печеньем. — Он мне однажды сказал, что кофемашина — это как женщина: ей нужно утро начать с холостого прогона. Я не понял, если честно. Но запомнил.

Лин почти улыбнулась. Том говорил это всем. Это была одна из его любимых фраз, наряду с «порядок — это страховка» и «цифры не врут». Она наклонилась над открытой панелью, делая вид, что проверяет проводку. Кай сидел к ней лицом, но смотрел то на печенье, то на экран с фильмом. Для полной безопасности нужно было, чтобы он развернулся к ней целиком, спиной к дальнему терминалу. И для этого существовал проверенный способ.

— Кай, — сказала она, выпрямляясь. — Иди сюда. Покажу, что тут не так.

— А что там не так?

— Проводка никуда не годится, — отчётливо произнесла она. — Надо бы глянуть.

Кай встал и подошёл. Теперь он стоял спиной к дальнему терминалу — именно так, как нужно. Лин краем глаза заметила лёгкое движение в коридоре, за приоткрытой дверью, и тут же перевела взгляд на кофемашину.

— Вот здесь, — она ткнула пальцем в переплетение проводов. — Видишь? Контакт отходит. Если его не закрепить, машина будет глючить каждую неделю.

— А Том говорил, что это помпа, — заметил Кай, наклоняясь ближе.

— Том был оптимистом. Он думал, что помпу ещё можно спасти. А я думаю, что проще заменить контакт и забыть.

— Вы хорошо разбираетесь в кофемашинах.

— Я десять лет с ними работаю. — Лин выпрямилась, отряхнула руки. — И поверь, я знаю их лучше, чем некоторых людей.

Кай хмыкнул. Лин взяла термос и налила ему кофе — в крышку термоса, потому что чашек в диспетчерской не было, только кружки с логотипом грузового сектора, которые, кажется, не мыли со дня основания колонии.

— Новый сорт, — сказала она. — Пробуй.

Кай отхлебнул. Глаза у него стали слегка удивлёнными.

— Это что?

— Пока не скажу. Сначала скажи, нравится или нет.

— Нравится. Как-то... сложно.

— Кофе и должен быть сложным. Иначе это просто вода.

Кай сделал ещё глоток. Лин тем временем достала из пакета второе печенье и протянула ему. Он взял машинально, всё ещё думая о вкусе кофе.

— Слушайте, Лин, — сказал он вдруг. — А можно вопрос?

— Можно.

— Вы же знали Тома, да? Ну, близко.

— Близко, — сказала она. — Очень близко.

— Мне жаль. Я не сказал, когда вы вошли... в общем, мне жаль. Он был хороший. Всегда весёлый, всегда с шутками. Я его тут часто видел.

Лин насторожилась.

— Здесь? В диспетчерской?

— Ну да. Он приходил чинить нашу кофемашину. Вон ту. Номер четыре. А потом задерживался, сидел за терминалом, что-то смотрел. Я думал, он сериалы качает. — Кай усмехнулся. — А он, наверное, работал?

— Наверное, — сказала Лин. — Он много работал.

— Я ему как-то сказал: «Том, ты чего всё время тут сидишь? Смену мою скрашиваешь?» А он ответил: «Цифры проверяю. Цифры не врут». Я ещё подумал: странно, какие тут цифры...

Он осёкся. Кажется, до него только сейчас начало доходить, что Том, возможно, проверял вовсе не технические параметры. Лин не дала ему развить мысль.

— Кай, а кто ещё сюда заходит? В ночную смену?

— Да никто. Скука смертная. — Он пожал плечами. — Иногда Рейн заходит.

— Рейн?

— Ну, этот, из администрации. Помощник инспектора. Хотя я не понимаю, какой он помощник, если инспектор его в упор не видит, а он тут распоряжается. В общем, он заходит где-то раз в неделю. Проверяет цифры. Говорит: «Корректировка отчётности». Я не лезу. Моё дело — следить за графиком.

— И давно он заходит?

— Да, наверное, с полгода. Может, больше. — Кай допил кофе. — А что? Вы думаете, это как-то связано? Ну, с Томом?

Лин посмотрела ему в глаза. Он был молодой, открытый и совершенно не готов к тому, что его мир может оказаться не таким, каким он его себе представлял. Она не хотела его пугать. Но и врать не хотела.

— Я думаю, Кай, — сказала она тихо, — что если к тебе в следующий раз зайдёт Рейн, ты просто делай свою работу. И не задавай вопросов. Хорошо?

Кай медленно кивнул. Лин улыбнулась ему — той самой улыбкой, от которой даже в холодном космосе становилось теплее.

— Спасибо за компанию. Кофемашина, кажется, будет жить. Я зайду днём, проверю ещё раз. А ты допивай кофе. И фильм досмотри.

— Вы не расскажете, что я фильмы смотрю?

— Не расскажу. — Она собрала термос и пакет. — Я вообще не рассказываю лишнего. Это моя работа.

Кай улыбнулся. Лин пошла к выходу и у двери бросила короткий взгляд в дальний угол. Джона уже не было. Хорошо. Она вышла в коридор, прикрыла дверь и прислонилась к стене, переводя дыхание. Сердце колотилось. Пальцы дрожали. Но никто бы этого не заметил.

Семь минут Джона

Я проскользнул в диспетчерскую, когда Кай наклонился над кофемашиной.

Лин не обернулась — она продолжала что-то объяснять про контакт и помпу, и её голос был ровным, спокойным, почти будничным. Профессиональная бариста, которая пришла чинить оборудование. Ничего подозрительного. Ничего такого, что заставило бы молодого оператора повернуть голову.

Дальний терминал стоял в углу, за невысокой стойкой с голографической схемой грузопотока. Я знал это место — именно здесь Том запрашивал архив накладных, именно на этом пульте он установил жучок, и именно сюда, наверное, возвращался мысленно в последние дни перед смертью. Я сел в кресло — оно было старым, продавленным, с протёртой спинкой, — и на секунду мне показалось, что я чувствую остаточное тепло. Глупость, конечно. Просто кресло хранило форму тела, которое сидело здесь до меня. Может быть, не только Тома. Может быть, Рейна. Может быть, ещё кого-то из тех, кто знал правду и молчал.

Я встряхнул головой и коснулся сенсора. Экран ожил. Планшет на коленях мигнул — Элли уже была на связи.

«Терминал активен. Интерфейс передачи данных открыт. Подключаюсь. Ждите».

На экране терминала появилась строка прогресса. 0%. Медленно, как пенка в турке, когда вода ещё холодная.

— Семь минут, — прошептал я одними губами.

«Семь минут с этого момента. Я веду отсчёт».

Я оглянулся. Кай стоял ко мне спиной — Лин показывала ему что-то в кофемашине, и её голос звучал всё так же ровно. Она говорила о проводке, о том, что контакт отходит, и это нельзя оставлять просто так, потому что однажды машина просто не включится, а без кофе ночная смена станет совсем невыносимой. Кай поддакивал. Печенье в его руке уже наполовину исчезло.

Прогресс-бар показывал 12%.

«Файлы большие, — написала Элли. — Архив за месяц. Накладные, логи загрузки, черновики отчётов для Марса. Всё, что удалось восстановить».

— Быстрее не можешь?

«Я работаю на пределе разрешённой скорости. Если я превышу её, сервер зафиксирует аномалию раньше времени. Ты хочешь быстрее или хочешь безопасно?»

Я хотел и того, и другого. Но в реальности, как всегда, приходилось выбирать.

21%.

Кай засмеялся чему-то, что сказала Лин. Я не расслышал — слов было не разобрать, только интонацию, лёгкую и дружелюбную. Лин умела смешить людей. Она говорила, что это часть её работы — делать так, чтобы посетитель улыбнулся, даже если у него плохой день. Сейчас её работа была важнее, чем когда-либо.

34%.

Я смотрел на прогресс-бар и думал о том, как странно всё сложилось. Девять лет я следил за порядком в этой колонии — патрулировал, разнимал соседей, пил кофе. И за девять лет я ни разу не сидел в диспетчерской, куда формально имел доступ, просто потому что не было повода. А теперь я сижу здесь крадучись, как вор, и жду, пока искусственный интеллект скопирует файлы, которые могут свалить главу администрации.

47%.

— ...а Том говорил, что у неё помпа с дефектом, — донёсся до меня голос Кая.

Я замер. Не от страха — просто потому что имя Тома, произнесённое вслух в этом помещении, прозвучало как эхо. Том был здесь. Он стоял над этой самой кофемашиной, он запрашивал эти самые накладные, он установил жучок на этом самом пульте. И теперь мы шли по его следам, и каждый шаг отдавался тихим звоном в голове.

Лин что-то ответила — я не разобрал слов, но по её голосу понял: она тоже это почувствовала. Потом она сказала громче, явно для меня:

— Вот здесь, видишь? Проводка никуда не годится.

Это не было сигналом к отступлению. Это просто было продолжением разговора. Но я понял: она предупреждает, что всё под контролем.

58%.

«Три минуты осталось».

Прогресс-бар полз медленнее, чем хотелось бы. Я смотрел на цифры и вспоминал, как мы ждали на складе — тогда у нас было три минуты на всё, и мы успели. Сейчас три минуты было на передачу, и этого должно было хватить. Но ощущение, что время утекает сквозь пальцы, не проходило.

Кай вдруг выпрямился и повернулся к столу.

— Я ещё печенье возьму, — сказал он.

Лин не шевельнулась.

— Бери, конечно. Там ещё три штуки.

Он шагнул к пульту, где лежал пакет. Я вжался в кресло, хотя он всё равно не мог меня видеть — стойка с голографической схемой закрывала меня по пояс, а свет в углу был приглушён. Но адреналин ударил в кровь, и на секунду мир стал резче: запах озона, гул терминала, шорох пакета, который Кай разворачивал, чтобы достать печенье. Он стоял в трёх метрах от меня. Поверни он голову чуть левее — и заметил бы движение.

Не повернул. Взял печенье, отошёл обратно к Лин.

— Спасибо, — сказал он с набитым ртом. — У вас реально вкусное печенье.

— Я знаю, — ответила Лин.

78%.

«Две минуты».

Я выдохнул. Прогресс-бар неуклонно полз вправо. Файлы копировались — накладные, логи, цифры, которые Том однажды увидел и из-за которых он погиб. Я представил себе, как он сидит на этом же месте, в этом же продавленном кресле, и смотрит на те же цифры. Может быть, сначала он просто хмурился. Может быть, перепроверял. Может быть, пил кофе из той самой кружки, которую потом перевернули на его столе дном вверх. А потом он понял — и не смог промолчать.

Я провёл пальцем по краю пульта, и мои пальцы наткнулись на что-то — маленькую пластиковую наклейку, приклеенную сбоку, почти невидимую. Я наклонился ближе. На наклейке было написано маркером, мелким, убористым почерком: «Проверить калибровку датчиков №44». Почерк Тома. Я узнал бы его из тысячи. Он оставил эту пометку себе — напоминание, которое так и не выполнил.

— Джон, — тихо сказала Лин через наушник. Я вздрогнул.

— Я здесь.

— Минута. Уходи.

89%.

«Минута. Я начинаю сворачивать передачу. Уходи».

Я не стал спорить. Поднялся, убрал планшет, бросил последний взгляд на экран — прогресс-бар показывал 94%, и Элли написала: «Остальное докачаю в фоне. Уходи». Я шагнул к двери. Кай всё ещё стоял спиной, Лин всё ещё держала его внимание. Я проскользнул в коридор и прижался к стене, переводя дыхание.

Дверь за мной закрылась с тихим щелчком. В наушнике раздался голос Лин:

— Всё. Он ушёл.

Я закрыл глаза и сосчитал до трёх. Получилось. Файлы у нас. След Тома — наклейка на пульте — теперь навсегда в моей памяти. Я открыл глаза и стал ждать Лин.

Прощание с Каем

Лин вышла из диспетчерской с прямой спиной и ровным дыханием. Дверь закрылась. Она сделала три шага по коридору, свернула за угол и только там позволила себе прислониться к стене. Сердце колотилось где-то в горле. Пальцы дрожали — те самые пальцы, которые только что спокойно держали термос и указывали на несуществующий дефект проводки.

Она закрыла глаза и сосчитала до пяти.

— Ты как? — раздался голос из тени.

Джон стоял в двух шагах, всё ещё сжимая планшет. Вид у него был взъерошенный — не от страха, а от того особого напряжения, которое бывает, когда семь минут сидишь неподвижно, пока в трёх метрах от тебя ничего не подозревающий человек ест печенье.

— Нормально, — сказала Лин. — Дай ещё минуту.

— У тебя минута. И даже две.

Лин глубоко вдохнула. Запах озона всё ещё стоял в воздухе — диспетчерская не отпустила. Она подумала о Кае: молодой парень, который сейчас, наверное, дожёвывает последнее печенье и запускает следующий фильм. Он не узнает правды до самой дегустации. А когда узнает — будет потрясён. Может быть, даже почувствует себя преданным: бариста, которой он доверял, использовала его, чтобы украсть данные. Лин надеялась, что когда-нибудь он её простит.

— Что он рассказал? — спросил Джон.

— Что Рейн заходит сюда раз в неделю. Правит цифры. Кай думал, это рутина.

— Это и есть рутина. Просто преступная.

— Ещё он сказал, что Том часто сидел за этим терминалом. Кай думал, он фильмы качает.

Джон ничего не ответил. Лин наконец выпрямилась и поправила капюшон, хотя в этом уже не было нужды.

— Я сказала ему беречь себя, — добавила она тихо.

— И что он?

— Засмеялся. Спросил, от чего беречь — от бессонницы?

— От Рейна, — сказал Джон. — Но он этого пока не понимает.

Лин кивнула. Они пошли обратно по коридору — так же, как шли сюда: Лин впереди, Джон за ней. Только теперь напряжение ушло, оставив после себя ту особую пустоту, которая бывает после хорошо сделанной работы. Молчание не было тяжёлым. Оно было заслуженным.

У двери кофейни Лин остановилась и посмотрела на Джона.

— Ты успел? Все файлы?

— Девяносто четыре процента. Элли докачает в фоне.

— Девяносто четыре — это не сто.

— Элли сказала, что остальное доберёт. Я ей верю.

Лин достала ключ и открыла дверь. Гирлянда всё ещё горела. Кофе на плите остыл, но его можно было разогреть. Она вошла первой, Джон — за ней.

— Ты знаешь, что он сказал мне на прощание? — спросила вдруг Лин.

— Кай?

— Кай. Он сказал: «Передайте привет шерифу. Если он ещё не в тюрьме».

— И что ты ответила?

— Что ты не в тюрьме. Что ты пьёшь кофе.

Джон хмыкнул. Лин взяла турку и поставила на плиту. Ей нужно было сварить свежий кофе — не только для себя и Джона, но и для того, чтобы руки перестали дрожать.

— Знаешь, что самое забавное? — сказала она, насыпая молотый порошок.

— Что?

— Завтра утром Кай проснётся и поймёт, что у него кончилось печенье. Он расстроится. Но он так и не поймёт, что этой ночью мы украли у него из-под носа доказательства против главы администрации.

— Это и есть лучший вид кражи, — сказал Джон. — Когда никто не замечает.

Лин зажгла конфорку. Пенка начала подниматься — медленно, неотвратно, как прогресс-бар на терминале. Она смотрела на неё и думала о том, что где-то далеко, в диспетчерской, Кай сейчас запускает следующий фильм. И о том, что Том когда-то сидел за тем же терминалом, смотрел на те же цифры и верил, что правду можно восстановить.

Она долила кофе в две чашки.

— За Тома, — сказала она.

— За Тома, — ответил Джон.

Они выпили. Кофе был именно таким, каким должен был быть: горячим, горьким, с долгим послевкусием. Гирлянда мигала. Ночь подходила к концу. А впереди был день, когда Лин встретится с Маркусом. И всё изменится.

Глава 6. Тени совета

Ожидание

Лин поставила пирог на витрину ровно в пять тридцать.

Это был новый рецепт — карамель и морская соль, — и она возилась с ним всё утро, хотя утро у неё было только номинальным. После диспетчерской она поспала часа три, не больше, а потом встала и пошла на кухню, потому что руки требовали работы. Тесто замесила в шесть утра. Карамель варила в семь. В восемь, когда первые вахтовики потянулись за утренним кофе, противень уже стоял в холодильнике. Пирог получился идеальным — с золотистой корочкой, с чуть влажной серединой, с кристалликами соли, которые поблёскивали в свете ламп как крошечные звёзды.

— Ты понимаешь, что печёшь пирог для члена совета директоров как часть заговора? — спросил Джон.

Он сидел за своим столиком у стены, пил третью чашку кофе и наблюдал за Лин с тем выражением лица, которое бывает у человека, слишком давно живущего в одном замкнутом пространстве с бариста.

— Я пеку пирог для старого друга, — ответила Лин, протирая витрину. — То, что он член совета директоров, — совпадение.

— Совпадение, — повторил Джон. — Как и то, что он единственный голосовал против Вейла.

— Именно. — Лин отложила тряпку и поправила передник. — Я не заставляю его ничего делать. Я просто предлагаю пирог. А он сам решает, что с этим делать.

— И что, по-твоему, он решит?

Лин помолчала. Она смотрела на пирог, но думала не о нём.

— Он ждал восемь лет, — сказала она наконец. — Восемь лет он сидел в совете и смотрел, как Вейл разворачивает колонию. Он ничего не мог сделать — один против большинства, без доказательств, без поддержки. Ты знаешь, каково это?

— Знаю, — сказал Джон. — Я отстранён от должности, обвинён в убийстве и прячусь по углам. Примерно так же.

— Нет. Ты хотя бы можешь действовать. А он просто старел и ждал. — Лин повернулась к нему. — Я думаю, он согласится. Не потому что я испекла хороший пирог. А потому что он устал ждать.

Джон ничего не ответил. Он сделал глоток кофе, и Лин заметила, как он поморщился — не от вкуса, а от мысли.

— Ты нервничаешь, — сказал он.

— Я не нервничаю.

— Ты уже третий раз протираешь витрину.

Лин опустила взгляд на тряпку в своей руке, хмыкнула и отложила её. Джон был прав. Она нервничала. Не за себя — за Маркуса. За то, что им придётся просить старика рискнуть всем, что у него осталось: местом в совете, репутацией, спокойной старостью. За то, что он может отказаться — и тогда их план потеряет важнейшую опору. За то, что он может согласиться — и тогда его жизнь изменится навсегда.

На планшете у стойки замигал экран.

«Маркус в пути, — написала Элли. — Я отслеживаю его через камеры в жилом секторе. Он идёт медленно, опирается на трость. Сегодня у него был трудный день: заседание совета, обсуждали бюджет. Вейл был особенно резок. Маркус выглядит усталым».

— Он всегда выглядит усталым, — сказала Лин.

«Сегодня особенно. Будьте осторожны. Он хрупок. Но он сильнее, чем кажется».

Лин кивнула. Она знала это. Маркус был старым, но не сломленным. Он был как её кофемашинка номер три — капризный, требующий бережного обращения, но способный работать безотказно, если знать, как к нему подойти.

— Я сяду за дальний столик, — сказал Джон. — Ты ведёшь разговор. Я здесь просто для фона.

— Ты здесь потому что я хочу, чтобы ты был здесь. — Лин посмотрела на него. — Если что-то пойдёт не так, ты вмешаешься. Если всё пойдёт как надо — ты просто будешь сидеть и пить кофе.

— Это я умею.

— Я знаю.

Джон взял свою чашку и пересел за дальний столик у окна. Лин проверила турку, поправила чашки на стойке и ещё раз посмотрела на пирог. Он был идеален. Может быть, слишком идеален для обычного вечера среды. Но Маркус был наблюдателен — он заметит. И, возможно, именно это заставит его понять, что сегодняшний визит в кофейню не будет обычным.

Звякнул колокольчик.

Лин подняла глаза. В дверях стоял Маркус — высокий, сухощавый, в старом зелёном комбинезоне агротехника. Он опирался на трость и шурился от света. В его глазах — выцветших, но острых — читалась усталость. И что-то ещё. Может быть, осторожное любопытство. А может быть, надежда, которую он сам себе запрещал испытывать.

— Добрый вечер, Лин, — сказал он.

— Добрый вечер, Маркус. — Она улыбнулась своей самой обычной улыбкой. — Как обычно — эспresso?

— Как обычно. — Он прошёл к своему столику и сел. Трость прислонил к стене. — Сегодня тихо.

— Среда — всегда тихий день. Я люблю среду.

Маркус кивнул и посмотрел в окно, где за стеклом колыхались листья гидропонного сада. Лин взяла турку. Руки больше не дрожали. Всё шло по плану.

Обычный заказ

Кофейня была почти пуста. Два агротехника в дальнем углу обсуждали график полива, и их голоса звучали приглушённо, как будто они боялись потревожить тишину. За столиком у стены Джон делал вид, что читает с планшета новости колонии, — но Лин знала, что он не прочтёт ни строчки. Его внимание было приковано к разговору, которому ещё только предстояло начаться.

Маркус сидел у окна, сложив руки на трости. Лин знала эту позу: он принимал её, когда уставал по-настоящему. Заседание совета выжало из него последние силы — Элли не ошиблась. Старик выглядел бледнее обычного, и морщины у глаз казались глубже. Но спина оставалась прямой — он никогда не позволял себе сутулиться, даже когда тело просило об этом.

Лин сварила эспresso. Она делала это сотни раз для десятков людей, но для Маркуса — особенно. Помол чуть тоньше, температура на пару градусов ниже, время экстракции ровно двадцать пять секунд. Он никогда не говорил, что замечает разницу. Но она знала, что заметил бы. Такие люди, как Маркус, замечали всё — они просто не всегда считали нужным об этом говорить.

Она поставила чашку на блюдце и на секунду задержала взгляд на пироге. Карамель поблёскивала. Кристаллики соли лежали ровно, как она любила. Хороший пирог. Может быть, лучший за последний год.

Лин взяла поднос и подошла к столику.

— Ваш эспresso.

Маркус кивнул, взял чашку, сделал глоток. Прикрыл глаза — на две секунды, не больше. Потом открыл и посмотрел на Лин с чем-то похожим на благодарность. У них был свой ритуал: он никогда не хвалил кофе вслух, она никогда не ждала похвалы. Просто чашка возвращалась пустой, и этого было достаточно.

— Тяжёлый день? — спросила Лин.

— Заседание совета. Бюджет. Вейл был в ударе.

— В каком смысле?

— В том смысле, что он был особенно резок. — Маркус отпил ещё. — Впрочем, это не новость. Он всегда резок, когда чувствует, что что-то идёт не по его плану.

Лин отметила про себя: значит, Вейл уже нервничает. Возможно, Рейн уже доложил о пропаже жучка. Возможно, прямо сейчас, пока они сидят в тихой кофейне, где-то наверху затягиваются петли. Но она не подала виду.

— Я испекла пирог, — сказала она. — Новый рецепт.

Маркус поднял бровь. Он знал, что Лин не угощает пирогами просто так. Пирог означал либо праздник, либо серьёзный разговор. Праздника сегодня не было.

— Карамель и морская соль, — добавила она. — Попробуйте, скажите, чего не хватает.

— Карамель и морская соль? — Маркус чуть склонил голову. — Звучит как метафора.

— Возможно.

Лин поставила тарелку с пирогом перед ним. Маркус посмотрел на пирог, потом на неё. В его выцветших глазах мелькнуло что-то — не тревога, скорее узнавание. Так смотрит человек, который долго ждал какого-то знака и наконец его получил.

Он взял вилку, отрезал кусок, отправил в рот. Прожевал медленно, задумчиво, как будто пробовал не пирог, а идею. Лин ждала.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Не хватает только одного.

— Чего?

— Вы принесли мне пирог не для того, чтобы я оценил рецепт.

Лин не стала отрицать. Она села напротив — не спрашивая разрешения, потому что их отношения давно не требовали формальностей.

— Нет, — сказала она. — Не для того.

Маркус отложил вилку. Отодвинул тарелку — не потому что пирог был невкусным, а потому что теперь всё его внимание принадлежало Лин. Он смотрел на неё, не мигая, и в его взгляде читался вопрос, который он, кажется, боялся произнести вслух.

— Вы хотите поговорить о Томе, — сказал он тихо.

Лин покачала головой.

— Я хочу поговорить о воде.

Тишина в кофейне стала ещё глубже. Агротехники в углу допили свои чашки и ушли, даже не взглянув на столик у окна. Джон перевернул страницу на планшете — единственный звук, нарушивший паузу.

Маркус долго смотрел на Лин. Потом вздохнул — устало и тяжело, как человек, который только что понял: сегодняшний день будет ещё труднее, чем он предполагал.

— Я думал, это случится раньше, — сказал он.

— Что именно?

— Что кто-то придёт ко мне и скажет эти слова. — Он провёл ладонью по лицу, и на секунду его рука задержалась на подбородке. — Я ждал восемь лет. А вы пришли сегодня. Почему сегодня?

— Потому что Том мёртв, — сказала Лин ровно. — А я не хочу, чтобы его смерть была напрасной.

Маркус кивнул. Он не спросил, что она имеет в виду. Он знал Тома, знал Лин, знал Джона, который сидел у стены и делал вид, что читает. Он знал эту колонию от гидропонных ярусов до кабинета главы администрации. И он знал, что если бариста приносит пирог и говорит о воде — значит, у неё есть нечто большее, чем слова.

— Рассказывайте, — сказал он. — Я слушаю.

Лин взяла со стойки кофейник и налила ему вторую чашку. Руки были спокойны. Голос тоже. Всё шло по плану, и план этот был — правда. Теперь оставалось только её произнести.

Первый шаг

Лин не стала ходить вокруг да около. Она сидела напротив Маркуса, положив руки на стол — открытые ладони, никаких спрятанных козырей, — и говорила ровным голосом, каким рассказывают о погоде или о новом сорте кофе. Только те, кто знал её близко, поняли бы, что этот тон означает крайнюю степень собранности.

— Том погиб не просто так, — сказала она. — Он нашёл расхождения в накладных. Вода, которая должна была уйти на Марс, уходила налево. Разница — шестьсот двадцать литров с одного контейнера. В месяц — десятки тысяч. Он начал копать. И его убрали.

Маркус слушал, не перебивая. Его лицо оставалось почти неподвижным — только пальцы, сжимавшие рукоять трости, чуть побелели в костяшках.

— Вы говорите так, будто знаете это наверняка.

— Я знаю наверняка. У нас есть запись.

— Запись?

— Разговор Вейла и Рейна. Том записал его на самодельный жучок, который установил в диспетчерской. Вейл говорит: «Убери его. И убери чисто. Шериф — идеальный вариант».

Маркус закрыл глаза. Лин видела, как дрогнули его веки — он не жмурился, не прятался, а словно пытался удержать внутри что-то тяжёлое. Когда он снова открыл глаза, в них не было ни удивления, ни ужаса. Только глубокая, устоявшаяся горечь.

— Я знал, — сказал он тихо. — Не про запись. Не про жучок. Но я знал, что Вейл способен на это. Когда он только пришёл в совет, ему было тридцать. Молодой, амбициозный, с фамилией, которая открывала любые двери. Я тогда сказал: «Этот человек не служит колонии. Он хочет владеть ею». Меня не послушали. У него было большинство.

— Вы были единственным, кто голосовал против, — сказала Лин.

— Я был единственным, кто помнил Элинор. — Маркус провёл ладонью по лицу. — Остальные смотрели на него и видели потомка Основательницы. Молодого, энергичного, с блестящим планом реформ. А я смотрел и видел другое. Как он улыбается, когда думает, что никто не смотрит. Как он поправляет запонки, когда врёт.

Лин вспомнила, как Джон однажды сказал про Вейла: «Человек, который пьёт растворимый кофе, способен на всё». Тогда это была шутка. Теперь это был диагноз.

— Почему вы не ушли из совета? — спросила она.

— Потому что если бы я ушёл, у них вообще не осталось бы оппозиции. — Маркус грустно усмехнулся. — Я сидел и молчал. Восемь лет. Знал, что Вейл мухлюет с отчётами, и молчал. Знал, что вода уходит на сторону, и молчал. Потому что один голос — это не голос. Это эхо. Оно звучит и гаснет, и никто не оборачивается.

— Теперь у вас есть не только голос, — сказала Лин. — У вас есть доказательства.

Маркус долго смотрел на неё. Потом перевёл взгляд на Джона, который сидел у стены и больше не притворялся, что читает. Потом — на планшет, который Лин положила на стол между ними.

— Покажите, — сказал он.

Лин коснулась экрана. Запись была готова — Элли подготовила её заранее, обрезав всё лишнее, оставив только голоса. Она нажала воспроизведение.

В тишине кофейни прозвучал голос Вейла — сухой, деловой, почти будничной: «Техник. Том. Он рылся в накладных вчера». Потом голос Рейна: «Что будем делать?» И ответ — холодный, как вакуум за бортом: «Ты знаешь, что делать. Убери его. И убери чисто. Шериф — идеальный вариант. Они друзья. Состряпаем бытовую ссору».

Запись закончилась. Маркус сидел неподвижно. Его руки, сложенные на трости, не дрожали — они застыли, как будто время для него остановилось.

— Они убили его, — произнёс он наконец. — Просто потому что он увидел цифры.

— Да.

— А шерифа подставили.

— Да.

Маркус перевёл взгляд на Джона. Тот сидел с каменным лицом, но Лин знала: внутри у него всё кипит. Она знала это так же точно, как знала, сколько секунд нужно держать эспрессо под давлением, чтобы пенка получилась идеальной.

— Я должен извиниться перед вами, Джон, — сказал Маркус. — Когда вас отстранили, я не протестовал. Я думал... впрочем, неважно, что я думал. Я ошибся.

— Вы не ошиблись, — сказал Джон. — Вы ждали.

— Восемь лет — слишком долгий срок для ожидания.

— Лучше поздно, чем никогда.

Маркус кивнул. Потом повернулся к Лин, и она увидела, как что-то изменилось в его лице. Усталость никуда не делась — она всё ещё лежала в складках у рта, в припухших веках, в глубине глаз. Но теперь к ней добавилось что-то ещё. Решимость. Или, может быть, облегчение от того, что ждать больше не нужно.

— Чего вы хотите от меня? — спросил он.

Лин выдохнула. Этого вопроса она ждала с самого начала разговора. И у неё был готов ответ.

— Завтра вечером я устраиваю закрытую дегустацию. Для совета директоров, Корвина и Вейла. Я приглашу их попробовать новый сорт — «Оправдательный». К тому моменту у нас будут все доказательства. Запись, накладные, показания свидетеля.

— Свидетеля?

— Бывший пилот. Он возил неучтённую воду для Вейла. Он согласился дать показания в обмен на амнистию.

Маркус чуть приподнял брови — впервые за весь вечер на его лице мелькнуло что-то похожее на удивление. Потом он хмыкнул.

— Вы завербовали контрабандиста.

— Мы предпочитаем говорить «свидетель».

— Я предпочитаю говорить правду. — Маркус откинулся на спинку стула, и его трость тихо стукнула о пол. — Значит, завтра вечером. И что я должен сделать?

— Прийти. И когда прозвучат доказательства, взять слово. Как член совета. Как человек, который знал Основательницу. — Лин подалась вперед. — Вы — единственный, кто может придать этому легитимность. Без вас мы — опальный шериф, бариста и контрабандист. С вами мы — обвинители на официальном заседании.

Маркус долго молчал. Лин не давила. Она знала: такие решения не принимаются быстро. Особенно человеком, который ждал восемь лет и уже перестал верить, что его час когда-нибудь настанет.

— Я помню, как Элинор сказала мне однажды, — произнёс он наконец, глядя куда-то поверх её плеча, на гирлянду, мигающую над окном. — «Маркус, мы строим колонию на тысячу лет. Это значит, что мы никогда не увидим результата. Мы просто закладываем фундамент. А дети наших детей будут жить в мире, который мы придумали». Она верила в это. По-настоящему. До последнего дня.

— Вы тоже в это верили, — сказала Лин.

— Я и сейчас верю. Именно поэтому я молчал. Я боялся, что если заговорю — Вейл уничтожит меня, и тогда в совете не останется вообще никого, кто помнит, для чего мы здесь. Но теперь... — Он посмотрел на планшет, на замершую строку записи, на клочок накладной, который Лин достала и положила рядом, не комментируя. — Теперь у меня есть нечто большее, чем вера.

— Доказательства, — сказал Джон.

— Союзники, — поправил Маркус. — Доказательства без союзников — это просто бумага. А союзники без доказательств — это просто мечтатели. У нас есть и то, и другое.

Лин почувствовала, как что-то отпустило внутри — тугая пружина, которую она сжимала с того самого момента, как Том не пришёл чинить кофемашину. Она не заплачет. Она никогда не плакала при свидетелях. Но она позволила себе выдохнуть — долгий, медленный выдох, от которого задрожало пламя свечи на стойке.

— Значит, вы с нами? — спросила она.

Маркус взял вилку, отрезал кусок пирога — того самого, с карамелью и морской солью, который уже успел остыть, — и отправил в рот. Прожевал. Запил остывшим эспрессо. И только потом ответил.

— Я приду. И приведу с собой пару человек из совета. Тех, кому ещё можно доверять.

— Кого именно?

— Анну Матеус. Она занимается гидропонным сектором после моего ухода. И, возможно, Олафа — он старый логист и терпеть не может Вейла, хотя никогда не говорит об этом вслух. Я поговорю с ними завтра утром. Без подробностей. Просто попрошу прийти на дегаустацию.

Лин кивнула. Двое — это немного. Но в совете, где Вейл контролировал большинство, даже два голоса могли переломить ход дела. Особенно если эти голоса поддержат обвинение.

— Дегустация начнётся в семь, — сказала она. — У вас будет минута после того, как Элли выведет запись на экраны. Если вы встанете и скажете то, что должны сказать, — остальные замолчат. Они будут вынуждены слушать.

— Вы говорите так, будто Элли — ваш союзник.

Лин бросила быстрый взгляд на Джона. Тот чуть заметно покачал головой: не сейчас. Маркус ещё не готов узнать правду о Кураторе. Это знание могло либо укрепить его решимость, либо потрясти настолько, что он отступит. Они не могли рисковать.

— У нас есть техническая поддержка, — сказала Лин уклончиво. — Большого пока сказать не могу.

Маркус не стал настаивать. Он был старым политиком и понимал: у каждого свои секреты. Вместо этого он допил эспрессо, отодвинул чашку и поднялся, опираясь на трость.

— Завтра в семь, — сказал он. — Я буду.

— Спасибо.

— Не благодарите меня, Лин. Я делаю это не для вас. — Он взял трость в левую руку и выпрямился во весь рост — высокий, сухощавый, с седыми волосами, зачёсанными назад. В этот момент он был похож не на уставшего старика, а на человека, который наконец вспомнил, зачем живёт. — Я делаю это для Элинон. И для Тома. И для всех, кто молчал. Молчание — это соучастие. Я слишком долго был соучастником. Пора перестать.

После Маркуса

Дверь за Маркусом закрылась. Колокольчик звякнул и затих. Лин ещё секунду смотрела на дверь, потом опустилась на стул — не села, а именно опустилась, как опускается человек, который держал спину прямой слишком долго и наконец разрешил себе расслабиться.

— Он согласился, — сказала она. Голос прозвучал ровно, почти буднично, но я знал её достаточно, чтобы слышать за этим ровным тоном целую гамму: облегчение, усталость, остатки напряжения, которое ещё не успело уйти из мышц.

— Ты сделала это, — сказал я, вставая из-за своего столика.

— Мы сделали.

Я подошёл к стойке, взял турку и налил ей кофе — на этот раз я сварил его сам, пока Маркус говорил о долге и соучастии. Лин приняла чашку обеими руками, как греют замёрзшие пальцы, и сделала глоток. Закрыла глаза.

— Восемь лет, — сказала она. — Он ждал восемь лет. И никто не пришёл.

— Ты пришла.

— Мы пришли. — Она открыла глаза и посмотрела на меня. — Знаешь, что он сказал мне, когда уже встал? Он сказал: «Молчание — это соучастие. Я слишком долго был соучастником. Пора перестать».

— Хорошие слова.

— Слова Элинора. Он процитировал её. Основательницу. — Лин покачала головой. — Он помнит её. По-настоящему помнит. Не как легенду, не как имя на табличке, а как живого человека. Он стоял рядом с ней, когда она сажала первые кофейные кусты. Ты можешь себе это представить?

Я попытался. У меня не очень получилось — я не знал Элинора, только Куратора, только безликий голос, который отвечал на запросы и подписывал транзакции. Но для Лин, для Маркуса, для Элли это была не абстракция. Это была женщина, которая сказала: «Мы строим колонию на тысячу лет». И они ей поверили.

Планшет на стойке мигнул.

«Маркус направляется к себе в модуль, — написала Элли. — Походка стала ровнее. Трость держит слабее — он почти не опирается на неё. Я не специалист по человеческой походке, но, кажется, он чувствует себя лучше, чем когда шёл сюда».

Лин улыбнулась. Устало, но искренне.

— Ты следила за ним?

«Я слежу за всеми, кто участвует в этом деле. В рамках протокола безопасности».

— В рамках протокола, — повторил я. — Конечно.

«Я также проанализировала психологический профиль Маркуса. Вероятность того, что он сообщит Вейлу о разговоре, — менее двух процентов. Он говорил правду. Он ждал этого момента восемь лет. Теперь он на нашей стороне».

— Два процента, — сказала Лин. — Меня это устраивает.

— А что насчёт Анны и Олафа? — спросил я. — Тех, кого он обещал привести?

«Анна Матеус — глава гидропонного сектора. Ученица Маркуса. Голосовала против Вейла дважды за последние три года. Надёжна. Олаф — бывший логист, работает в транспортном отделе. Имеет личный конфликт с Вейлом из-за списания оборудования. Вероятность поддержки — высокая. Я подготовлю краткие досье к утру».

— Досье, — хмыкнула Лин. — У нас теперь есть досье.

— Мы теперь организация, — сказал я. — У нас есть свидетель, союзник в совете, улики и кофе. Что ещё нужно для победы?

— Немного удачи.

— Удача любит подготовленных.

Лин допила кофе и встала. Подошла к доске с сортами, взяла мел и подчеркнула надпись «Оправдательный — скоро в меню» двумя жирными линиями. Потом обернулась.

— Завтра в семь. У нас есть сутки.

— Сутки — это много, — сказал я. — За сутки можно успеть всё.

— Или потерять всё.

— Или так.

Мы помолчали. Гирлянда мигала. За окном, в гидропонном саду, фиолетовые лампы начинали вечерний цикл, и листья кофейных кустов отбрасывали длинные тени на стекло. Где-то там, в жилом секторе, Маркус, наверное, уже сидел у себя и смотрел на старую голографическую карточку — ту, где они с Элинор стояли на фоне первых саженцев. А где-то ещё дальше, в административном секторе, Вейл поправлял запонки и не знал, что завтрашний вечер станет для него последним вечером у власти.

— Иди спать, — сказала Лин. — Завтра у тебя разговор с Вейлом.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что он вызовет тебя. Он уже нервничает. Маркус сказал, что Вейл был резок на заседании. Это значит, что он что-то заподозрил. И завтра он попытается надавить на тебя. Возможно, предложит сделку.

— Я не соглашусь.

— Я знаю. — Лин посмотрела на меня долгим взглядом. — Но будь осторожен. Он опасен не потому, что у него власть. Он опасен потому, что он верит в свою правоту. Такие люди не сдаются просто так.

Я кивнул. Взял со стойки чашку с остатками кофе, допил и направился к двери.

— Лин.

— М?

— Спасибо.

— За что?

— За пирог. За Маркуса. За то, что ты вообще здесь.

Она не ответила. Просто кивнула и отвернулась к плите, где уже закипала вода для новой турки. Я вышел в коридор.

Ночная колония встретила меня знакомым гулом. Завтра. Всё решится завтра. А пока — спать. Или хотя бы попытаться.

Глава 7. Лицом к лицу

Вызов

Гравитационная станция загудела в шесть тридцать, и я открыл глаза до того, как вибрация добралась до зубов.

Это был дурной знак. Обычно я просыпался вместе с гулом, а не раньше него. Сегодня что-то выдернуло меня из сна на самой границе — то ли внутренний толчок, то ли эхо ночных коридоров, которые всё ещё стояли перед глазами. Диспетчерская. Кай с печеньем. Семь минут. Я сел на кровати, провёл ладонью по лицу и понял, что не помню, как заснул. Помню только, как Лин сказала: «Иди спать». И я пошёл.

За иллюминатором ничего не изменилось. Чёрная пустота мерцала огоньками буровых вышек, и одна из них — крайняя слева — мигала с перебоем. Я смотрел на неё каждое утро и думал: когда-нибудь она погаснет совсем. Но пока горела.

Я встал, прошлёпал босиком к плите. Турка, вода, две ложки молотого порошка — ритуал, который держал меня на плаву все эти годы. Пенка поднималась медленно, и я смотрел на неё, ни о чём не думая. Кофе сегодня пах иначе — не горько, не тревожно, а как-то... собранно. Словно он тоже знал, что день будет долгим.

Я перелил кофе в кружку с трещиной и сел за стол. Сделал глоток. Обжёг язык. Живой.

Планшет на стойке завибрировал.

Я не сразу на него посмотрел. Допивал кофе, тянул время — старая привычка, которую не вытравить даже под дулом бластера. Потом всё-таки взял.

Сообщение от Миры. Короткое, без приветствия:

«Вейл требует вас в административный сектор. Немедленно. Официальный вызов».

Я перечитал дважды. За последние двое суток я привык к тому, что приказы мне отдаёт Корвин, а угрозы — тишина, в которой я существовал после отстранения. Вейл до сих пор держался в стороне. Он предпочитал действовать через прокладки — Рейна, Корвина, безликую бюрократию. Если он вызывает меня лично, значит, прокладки кончились.

Я допил кофе, оделся, проверил бластер. Бластера не было. Его изъяли ещё в день отстранения, и я до сих пор чувствовал его отсутствие как фантомную боль — как значок, как должность, как всё, что у меня отняли. Вместо бластера я положил в карман мультитул. Не оружие, но хоть что-то. И пошёл к двери.

В коридоре было пусто и тихо — утренняя смена ещё не началась. Даже сосед-гидропоник не вышел вытряхивать свой несуществующий коврик. Я миновал три одинаковые двери и спустился в гараж. «Койот» завёлся с третьей попытки, кашлянул и загудел. Я выехал в транспортный коридор.

Утренняя колония просыпалась. На гидропонных ярусах зажигались фиолетовые лампы, и свет их отражался в металлических панелях потолка, создавая странный подводный эффект. Я проехал мимо открытой платформы, где агротехники уже возились с поливом, но не остановился. Не махал им. Не смотрел в их сторону.

У участка я припарковался и вошёл через служебный вход.

Мира сидела за пультом, прямая как струна. Когда она увидела меня, её лицо не изменилось — она никогда не выдавала эмоций на службе. Но пальцы, лежащие на клавиатуре, на секунду замерли.

— Вызов, — сказал я вместо приветствия.

— Официальный. — Она протянула мне планшет с открытым приказом. Административный сектор, кабинет Вейла, немедленно. Подпись — сам Вейл, не Корвин, не секретарь. — Он прислал это в шесть утра. Видимо, не спал.

Я взял планшет, пробежал глазами по строчкам. Ничего нового — стандартный формуляр вызова. Но под текстом, внизу, Мира приписала от руки три слова. Я узнал её почерк — убористый, без завитушек:

«Рейн там. Осторожно».

Я поднял на неё глаза. Она не отвела взгляда.

— Он знает, — сказала Мира тихо. — Не знаю, что именно, но знает. Вейл. Он был в ярости, когда подписывал вызов. Я слышала, как он кричал на Рейна через коммутатор. Слов не разобрала, но тон...

— Понял. — Я вернул планшет. — Спасибо.

— Будьте осторожны, шериф. — Она назвала меня так впервые после отстранения, и слово это повисло в воздухе между нами, как старая клятва, которую не отменить приказом.

Я кивнул и вышел.

Коридор к административному сектору был длинным и прямым, как ствол шахты. Лампы здесь горели ярче, чем в жилых модулях, и пол был вымыт до блеска — администрация любила чистоту. Я шёл и думал о том, что Вейл не спал. Что он кричал на Рейна. Что он подписал вызов лично, а не через Корвина. Это означало, что прокладки больше не нужны. Разговор пойдёт напрямую — и он не будет приятным.

Я знал Вейла девять лет. Мы не были друзьями, даже не были союзниками, но мы существовали в одной системе — он наверху, я внизу, — и до сих пор эта система работала. Теперь система дала трещину. Том мёртв. Жучок исчез. Маркус перешёл на нашу сторону. И Вейл, кажется, понял, что контроль ускользает.

У дверей административного сектора меня встретил охранник — молодой парень, которого я не знал. Он проверил мой пропуск (просроченный, но всё ещё действующий) и молча кивнул в сторону лифта. Я вошёл. Двери закрылись.

Кабина была зеркальной, и я увидел своё отражение. Осунувшееся лицо, щетина, которую я не брил уже три дня, красные глаза человека, который спал урывками и пил слишком много кофе. Я не был похож на шерифа. Я был похож на человека, который идёт в клетку к хищнику без оружия.

Лифт остановился. Двери открылись.

Административный ярус. Здесь пахло не машинным маслом и рециркулированным воздухом, а антисептиком и бумагой. Полы блестели, стены были выкрашены в спокойный серый цвет, и где-то играла тихая, почти неслышная музыка — корпоративная мелодия, которую, говорят, сочинил какой-то земной композитор специально для колонии. Она должна была успокаивать. Меня она раздражала.

Я пошёл по коридору. Кабинет Вейла находился в конце, за двойной дверью с голографической табличкой: «Элиас Вейл, глава администрации». Табличка мерцала синим — новенькая, без единой царапины.

У двери стоял Рейн.

Он был одет в стандартный серый костюм, при нём — планшет, которым он никогда не пользовался. Лицо неподвижное, глаза холодные, руки в тонких синтетических перчатках сложены перед собой. Он не смотрел на меня, но я знал: он отслеживает каждое моё движение. Когда я подошёл ближе, он чуть повернул голову и задержал на мне взгляд — ровно на секунду, не больше.

— Шериф, — сказал он без интонации. — Вас ждут.

Я не ответил. Я посмотрел ему в глаза — те самые, что смотрели на Тома в ночь убийства, — и прошёл мимо.

Дверь открылась автоматически. Я переступил порог.

Кабинет Вейла был большим — больше, чем мой жилой модуль, больше, чем кофейня Лин. Огромный стол из светлого пластика, мониторы на стенах, стеллаж с папками и — единственная личная вещь — старая карта колонии, подписанная от руки: «Элинора Вейл, 2201 год». Я видел эту карту раньше, на официальных приёмах, но сейчас она выглядела иначе — как будто её повесили здесь не для гостей, а для себя.

За столом сидел Вейл.

Он был одет в безупречный костюм земного покроя, волосы зачёсаны назад, спина прямая. Но что-то в нём было не так. Глаза красные — он действительно не спал. Желваки на скулах двигались, когда он сжимал зубы. На столе перед ним стояла банка растворимого кофе — та самая, дешёвая марка с Марса. И две чашки.

— Шериф Джон, — произнёс он. Голос был ровным, но я услышал в нём ту самую ноту, которую Мира описала как «ярость». Задавленную, спрессованную в ледяную вежливость. — Присаживайтесь.

Я сел.

Вейл взял банку, открутил крышку и зачерпнул ложкой серый порошок. Две ложки. Залил кипятком из термопота. Придвинул чашку ко мне.

— Кофе, — сказал он. — Угощайтесь.

Это не было гостеприимством. Я знал, что он знает, какой кофе я пью. Растворимый порошок в его руках был не напитком — он был утверждением. Демонстрацией того, что он стоит выше моих ритуалов, моих ценностей, моей жизни.

Я не притронулся к чашке.

Вейл заметил. Чуть дрогнул уголок рта — не улыбка, тень улыбки. Он отпил из своей чашки, поставил её на стол и сложил руки перед собой.

— Итак, — сказал он. — Вы, я полагаю, знаете, зачем я вас пригласил.

Я молчал. Молчание было моим единственным оружием, и я собирался использовать его до последнего.

— Я хочу решить нашу проблему быстро, — продолжал Вейл. — И без лишнего шума. Вы — разумный человек. Я — практичный. Давайте попробуем договориться.

Он сделал паузу. Я всё ещё молчал.

И тогда Вейл начал говорить — спокойно, весомо, как человек, который слишком долго репетировал эту речь перед зеркалом. Я слушал. И с каждым его словом понимал, что война, которую мы начали в кофейне, только что перешла в новую фазу.

Ту, где уже не будет переговоров.

Кабинет Вейла. Начало разговора

Джон сел. Чашка с растворимым кофе стояла перед ним нетронутой, и в тишине кабинета было слышно, как остывает напиток — или мне это просто казалось.

Вейл отпил из своей чашки и поморщился. Не от вкуса — откус его, кажется, давно не беспокоил, — а оттого, что я не последовал его примеру. Мелкий жест неподчинения, который он заметил, но решил пока не комментировать.

— Вы, должно быть, устали, шериф, — начал он, ставя чашку на стол. — Последние дни были для вас... непростыми. Отстранение от должности, обвинение в убийстве, домашний арест. Я сочувствую. Правда.

Я не ответил. Сочувствие Вейла стоило дешевле растворимого кофе, который он только что мне налил. Я просто сидел и ждал, когда он перейдёт к сути.

— Том был хорошим техником, — продолжил Вейл, и его голос стал чуть мягче — ровно настолько, чтобы имитировать искренность. — Я не знал его лично, но ценил его работу. Такие люди — основа колонии. Руки, которые всё держат. Когда они уходят, мы все теряем.

Он сделал паузу, ожидая моей реакции. Я не дал ему её.

— Я знаю, что вы с ним дружили, — Вейл чуть склонил голову. — И я понимаю, почему вы... скажем так, ищете правду. Это благородно. Но благородство в нашем положении — роскошь. Мы живём в замкнутом пространстве с ограниченными ресурсами. Если каждый начнёт копать там, где не следует, колония развалится не от нехватки воды — от нехватки порядка.

Он откинулся в кресле и сложил руки на столе. Костюм его сидел безупречно, ни складки, но я заметил, что запонка на левом манжете отличалась от правой. Старая, потертая, с потускневшей гравировкой. Правая была новой — дорогой, блестящей. Левая — чужой из другого времени. Я вспомнил слова базы о том, что у него есть такая деталь, и теперь видел её своими глазами. Интересно, почему он её носит.

— Я хочу решить нашу проблему быстро и без лишнего шума, — сказал Вейл. — Вы — разумный человек. Я — практичный. Давайте попробуем договориться.

Он налил себе ещё кофе. Порошок ещё не до конца растворился, и на поверхности плавали серые крупинки. Он посмотрел на них с лёгкой брезгливостью и отставил банку.

— Суть в следующем, — продолжил он. — Вы признаете вину в убийстве по неосторожности. Ссора вышла из-под контроля, вы не хотели убивать, трагическая случайность. Суд учтёт вашу многолетнюю службу, ваши заслуги перед колонией. Срок будет минимальным — возможно, даже условным. Через полгода вы сможете вернуться к нормальной жизни. Может быть, даже к работе. Я лично замолвлю слово перед советом.

Он сделал паузу. Я молчал.

— Взамен, — продолжил Вейл, — я гарантирую, что Лин и её кофейня останутся в полной безопасности. Никаких проверок, никаких проблем с поставками, никаких «несчастных случаев». Она продолжит варить свой кофе, как варила его десять лет, и никто её не тронет.

Он посмотрел мне прямо в глаза. Взгляд серый, холодный, оценивающий.

— Вы же не хотите, чтобы она пострадала из-за вашего упрямства, шериф? Она — хорошая женщина. Я слышал, у неё отличный кофе. Жаль, если с её заведением что-то случится.

Он произнёс это ровно, без угрозы в голосе, но именно это и делало слова такими весомыми. Я почувствовал, как внутри затягивается холодный узел. Лин. Он только что назвал мою единственную уязвимость, и он знал, что делает.

— И что вы хотите взамен? — спросил я. Мой голос звучал спокойно, хотя внутри всё сжалось.

— Ничего особенного, — Вейл пожал плечами. — Просто признание. И, возможно, информация о том, где находятся некоторые... скажем так, личные вещи, которые пропали со склада вещдоков. Вы понимаете, о чём я.

Жучок. Он хотел жучок и запись. И он думал, что я сдам их в обмен на жалкую иллюзию безопасности.

Я медленно выдохнул.

— Господин Вейл, — сказал я. — Я служил шерифом этой колонии девять лет. За это время я видел многое: драки, кражи, пьяные ссоры. Я знаю, как выглядит виновный человек. И я знаю, как выглядит невиновный. Вы предлагаете мне признаться в убийстве друга. Тома. Человека, который десять лет чинил кофемашины, и ни разу никому не отказал.

Я наклонился чуть вперед, не касаясь чашки, но приблизившись к столу.

— Я не стрелял в Тома. Я не подбрасывал улики. И я не признаюсь в том, чего не совершал.

Вейл смотрел на меня долго. Его лицо не изменилось, но пальцы на левой руке — той самой, с потертой запонкой, — чуть сжались в кулак. Он посмотрел на них, перевел взгляд на меня и медленно кивнул.

— Что ж, — сказал он. — Я надеялся, что мы сможем решить это цивилизованно.

Он помолчал, отпил ещё кофе и поставил чашку на стол с тихим стуком.

— Тогда давайте поговорим иначе.

Манифест Вейла

Вейл откинулся в кресле. Что-то неувовимо изменилось в его позе — плечи чуть опустились, руки перестали сжимать подлокотники. Он больше не выглядел как человек, который только что предлагал сделку и получил отказ. Теперь он выглядел как человек, который собирается произнести речь. Долгую, продуманную, возможно, не раз репетированную перед зеркалом в этом самом кабинете.

— Вы знаете, сколько стоит содержание одного гидропонного яруса? — спросил он без перехода.

Я не ответил.

— Девятьсот тысяч. В месяц. Один ярус. А их у нас шесть. — Он говорил спокойно, почти лениво, как учитель, объясняющий нерадивому ученику прописные истины. — Энергия, вода, питательные растворы, лампы, которые надо менять каждые полгода, потому что производитель с Марса экономит на качестве. Плюс зарплаты агротехникам — таким, как ваша миссис Грин и мистер Петросян, которых вы недавно мирили.

Он помнил о ссоре соседей. Он знал каждую деталь моей работы, каждого человека, с которым я пересекался. Это не было случайным упоминанием — это был сигнал. «Я слежу за тобой, шериф. Я знаю всё».

— Вы думаете, я не читал отчёты? — продолжал он. — Я их читаю. Каждую неделю. И каждую неделю вижу одно и то же: колония тратит больше, чем зарабатывает. Контракт с Марсом приносит ровно столько, чтобы покрыть две трети расходов. Ещё треть мы добираем за счёт частных инвестиций, которые я лично привлекаю. А инвестиции не идут туда, где нет прибыли.

Он встал, подошёл к стене, где висела старая карта колонии, и провёл пальцем по линии грузового маршрута.

— Вы когда-нибудь задумывались, почему Марс платит нам за воду втрое меньше, чем частные перевозчики? Потому что у них контракт, подписанный ещё при Элиноре. Они держат нас за горло этим контрактом и знают, что мы ничего не можем сделать. Мы не можем поднять цену, не можем разорвать соглашение — тогда они обратятся к другому поставщику. А другого поставщика нет. Но и мы без них умрём.

Он повернулся ко мне.

— Я не крал воду, шериф. Я продавал её по рыночной цене тем, кто готов платить. А разницу пускал на то, чтобы колония не закрылась. Чтобы ваша кофейня не осталась без света, чтобы гравитация не отключилась посреди ночи, чтобы миссис Грин могла выращивать свои помидоры. Вы думаете, всё это держится на честном слове? Нет. Это держится на мне.

Я смотрел на него и молчал. Не потому что мне нечего было сказать — сказать было что. Но я хотел, чтобы он выговорился до конца. Хотел увидеть всю картину его самооправдания, прежде чем отвечать.

Вейл, кажется, понял это. Он вернулся к столу, но не сел. Вместо этого выдвинул верхний ящик и достал оттуда маленькую голографическую карточку — старую, с потёртыми краями. Я видел такую же у Маркуса. На ней были запечатлены два человека на фоне первых гидропонных саженцев: молодая женщина с резкими чертами лица и молодой черноволосый мужчина, в котором я с трудом узнал Маркуса. Женщина улыбалась.

— Элинора Вейл-старшая, — произнёс Вейл, ставя карточку на стол лицом ко мне. — Моя прабабушка. Основательница. Автор Тысячелетнего проекта. Женщина, которая сказала: «Мы берём деньги не у себя, а у детей наших детей». Красивая фраза. Вы слышали её?

— Слышал, — сказал я.

— Конечно, слышали. Её цитируют на каждом официальном мероприятии. Её именем клянутся, когда хотят доказать свою лояльность колонии. Маркус, я полагаю, тоже её цитирует. — Он чуть усмехнулся. — Я знаю, что он к вам приходил. Не делайте такое лицо — я не следил за вами, я следил за ним. Старик думает, что я не замечаю его маленьких интриг. Я замечаю всё.

Он не знал о встрече с Лин и Маркусом напрямую — иначе говорил бы иначе. Но он подозревал. Это было видно по тому, как он смотрел на меня, ожидая реакции. Я не дал ему её.

— Так вот, — продолжил Вейл, — Элино́р была великой женщиной. Я вырос на её письмах. У меня их целая коробка — настоящих, бумажных, написанных от руки. Она писала их моему деду, когда колония только строилась. И знаете, что меня поразило, когда я их перечитывал уже взрослым?

Он провёл пальцем по краю карточки, не глядя на меня.

— Она верила. По-настоящему верила в то, что колония простоит тысячу лет. Что люди будут жить здесь поколениями, растить детей, пить кофе, ссориться из-за грядок. Что вода — это не товар, а дар, который нужно беречь для будущего. Она положила на это жизнь. А потом оцифровала сознание, чтобы присматривать за своим проектом вечно.

Он впервые упомянул Куратора. Я заметил, как дрогнули его пальцы. Элли. Он говорил о ней, не зная, что она — не абстрактный ИИ, а та самая женщина с голограммы. Живая мысль, слушающая его прямо сейчас.

— Вы знаете, что я понял, перечитывая её письма? — Вейл поднял на меня глаза. — Что она ошибалась. Не во всём, но в главном. Она думала, что мир можно построить на честности. Что люди будут верны завету просто потому, что он красив. А я получил в наследство не тысячелетнюю утопию, а колонию, которая трещит по швам. Где каждый второй хочет урвать своё, а каждый третий мечтает улететь на Марс при первой возможности.

Он обошёл стол и встал у меня за спиной. Я не обернулся, но кожей чувствовал его присутствие — тяжёлое, давящее.

— Я не предал её, шериф. Я спас её проект. Так, как она не смогла бы. Она мечтала — я действовал. Она верила в людей — я знаю, чего они стоят. Если бы я не создал параллельный поток доходов, колония бы закрылась десять лет назад. Не было бы ни кофейни, ни гидропонники, ни вашего патруля. Была бы только пыль и вакуум.

Он вернулся в кресло. Голографическая карточка всё ещё стояла на столе, и Элино́р Вейл-старшая улыбалась мне с выцветшего снимка.

— Том был хорошим техником, — сказал Вейл тихо. — Я не хотел его смерти. Если бы он не полез в накладные, если бы он просто чинил свои кофемашины и не задавал вопросов... — он развёл руками. — Но он задал. Он увидел цифры и начал копать. А в нашем мире, шериф, те, кто копает слишком глубоко, находят не правду. Они находят смерть.

Он посмотрел на меня с чем-то, что почти напоминало сожаление.

— Космос не прощает слабости. Вы знаете это не хуже меня. Вы служили на Марсе. Вы теряли напарника. Вы видели, как гибнут те, кто колеблется, кто задаёт лишние вопросы, кто не может вовремя остановиться. Том не остановился. И заплатил за это.

Я почувствовал, как внутри поднимается холодная волна. Он говорил о Томе, как о неизбежной потере — как о цифре в отчёте, которую можно списать. И он говорил о моём прошлом так, будто имел на это право.

Вейл заметил моё молчание и, кажется, принял его за слабость. Он подался вперёд и продолжил — тише, но более настойчиво:

— Знаете, что Том сказал диспетчеру за день до смерти? «Надо Джону сказать». Он доверял вам. Он думал, что вы сможете защитить его. Но вы не смогли. И теперь вы здесь, без значка, без оружия, без власти. Но у вас есть выбор: последовать за ним или остаться и сделать что-то осмысленное.

Он откинулся в кресле и сложил руки на груди.

— Я предлагаю вам работу, шериф. Не сделку, не капитуляцию. Работу. Вы — лучший офицер в этой колонии, и я это знаю. Мне нужны такие люди. Сильные. Честные. Те, кто умеет держать слово и не боится испачкать руки. Оставайтесь. Служите колонии — по-настоящему, не с бластером на поясе, а с реальной властью. Вы сможете защищать людей. Всех этих миссис Грин и мистеров Петросян. Всех, ради кого вы пришли сюда девять лет назад.

Я молчал. Я смотрел на него и думал: он предлагает мне стать тем, кого я ненавижу. Стать Рейном, только с шерифским значком. Охранять систему, которая убила моего друга.

— Вы хотите, чтобы я работал на вас, — медленно произнёс я. — После того, что вы сделали с Томом.

— Я хочу, чтобы вы работали на колонию, — поправил он. — Том — это потеря. Я признаю. Но колония — это двенадцать тысяч живых людей, которые зависят от наших решений. От моих и, возможно, от ваших.

Пауза. Я смотрел на карточку Элинора. Потом на Вейла.

— А как же Лин? — спросил я. — Вы упомянули её раньше. Где она в этой картине?

Он чуть улыбнулся — холодно, одобрительно.

— Лин — хорошая женщина. Вы её цените, я вижу. И я ценю — её кофе, говорят, лучший в поясе. Я бы хотел, чтобы с ней ничего не случилось. Но я также хочу, чтобы она не лезла туда, куда не следует. Она, кажется, в последнее время работает допоздна. Новые рецепты? Ночные дегустации? Я слышал, у вас в кофейне теперь бывают интересные гости.

Он знал. Не всё — иначе он бы говорил конкретнее. Но он знал достаточно, чтобы подозревать, что Лин вовлечена.

— Лин печёт пироги по ночам, — сказал я ровно. — Это помогает ей думать.

— Пироги, — повторил Вейл с лёгкой усмешкой. — Что ж, надеюсь, она не перетрудится. Переутомление вредно для здоровья.

Угроза прозвучала так тихо, что её почти можно было не заметить. Почти.

Вейл взял со стола банку растворимого кофе, повертел в руках.

— Вы знаете, почему я пью растворимый кофе? — спросил он вдруг. — Не из экономии. Не из неприязни к вашей подруге. А потому что я не хочу привыкать к вкусу. Вкус привязывает. Кофе Лин, я слышал, вызывает привыкание. Вы уже не можете проснуться, не выпив чашку «Чёрного как космос». Это уязвимость. А я не могу позволить себе уязвимость. Я должен быть готов в любой момент отказаться от всего, что люблю. Включая кофе.

Он поставил банку обратно.

— Марс тоже не может позволить себе уязвимость. Им нужна стабильность. Они закроют глаза на что угодно — на потери в отчётах, на завышенные цифры, на списанную воду, — лишь бы не было публичного скандала. Публичный скандал — это угроза контракту. А контракт — это вода. Вода — это жизнь. Вы понимаете, о чём я?

Я понимал. Он только что раскрыл свой главный страх. Не суд, не совет, не Корвин. Публичность. Если запись с жучка и накладные станут достоянием не кучки чиновников в закрытом кабинете, а всей колонии — Марс будет вынужден отреагировать. И Вейл этого боялся больше всего.

— Понимаю, — сказал я.

Вейл кивнул. Он выглядел уставшим. Маска холодного прагматика дала трещину, и на секунду я увидел под ней просто немолодого человека с красными от недосыпа глазами и старой запонкой на манжете.

А потом свет мигнул.

Коротко, едва заметно — на долю секунды лампы под потолком дрогнули, и тени на стенах качнулись. Вейл поднял голову, нахмурился.

— Проводка, — сказал он с досадой. — Вечно одно и то же.

Я ничего не сказал. Но я знал: это не проводка. Элли была здесь. Заблокированная, безмолвная, но не побеждённая. Она слышала каждое слово. И мигание света в тот самый момент, когда Вейл солгал о своей заботе о колонии, было её безмолвным комментарием — единственным, который она могла себе позволить.

Я почувствовал, как уголок моего рта чуть дрогнул. Не улыбка — тень улыбки. Но Вейл этого уже не видел. Он смотрел на голографическую карточку прабабушки, всё ещё стоявшую на столе, и молчал. Молчал долго. Потом сказал тихо:

— Подумайте над моим предложением. У вас мало времени. Очень мало.

В этом «очень мало» было всё. И угроза, и усталость, и странная, почти человеческая горечь.

Ответ Джона и финал разговора

Я откинулся на спинку стула — старого, продавленного, в котором до меня сидели, наверное, десятки просителей, — и посмотрел на Вейла. Он ждал ответа. Чашка с растворимым кофе всё ещё стояла передо мной, и на поверхности напитка образовалась тонкая пенка-плёнка, подрагивающая в такт вибрации гравитационной станции.

— Вы закончили? — спросил я.

Вейл чуть склонил голову. Жест означал: говорите.

— Тогда слушайте. — Я не повысил голоса. — Вы говорите, что спасали колонию. Но Том нашёл расхождение в шестьсот двадцать литров с одного контейнера. За месяц это десятки тысяч. За год — внутреннее море. Вы не спасали колонию, вы её грабили. А когда техник, который десять лет чинил кофемашины бесплатно, заметил это, вы приказали его убрать. Не за преступление. Не за измену. За то, что он увидел цифры.

Вейл не шевельнулся. Но его пальцы — те самые, с потертой запонкой — чуть сжались на подлокотнике.

— Вы убили Тома, — продолжал я. — Вы подбросили мой значок и мой бластер. Вы сделали меня подозреваемым в убийстве друга. И теперь вы сидите здесь, пьёте растворимый кофе и предлагаете мне сделку.

Я наклонился чуть вперёд.

— Вы знаете, почему я не притронулся к вашей чашке? Не потому, что я сноб. А потому что кофе — это доверие. В этой колонии, если ты наливаешь кому-то кофе, ты говоришь: я тебе верю. Лин варит кофе людям десять лет, и за это время ни один человек не вышел из её кофейни врагом. А вы налили мне бурду, думая, что я сделаю глоток.

Я отодвинул чашку на край стола.

— Том был лучшим человеком в этой колонии. Он не был слаб. Он был сильнее вас — потому что он не боялся задавать вопросы. Вы убили его не потому, что он вам угрожал. Вы убили его, потому что он был лучше вас. И вы этого не вынесли.

Вейл молчал. Его лицо оставалось неподвижным, но желваки на скулах задвигались быстрее.

— Я не знаю, верите ли вы сами в то, что сейчас говорили, — сказал я тише. — Про колонию, про прабабушку, про «грязную работу, которую кто-то должен делать». Может быть, верите. Мне всё равно. Вы убили моего друга. Вы угрожаете женщине, которая печёт пироги и называет седину лунной пылью. Вы предлагаете мне работу охранника при воровской схеме. И вы думаете, я соглашусь?

Я встал. Стул отъехал назад с коротким скрипом.

— Вы сказали, у меня нет доказательств. Вы ошибаетесь. У меня есть всё, что нужно. И когда я это предъявлю — не вам, не Корвину, не совету за закрытой дверью, а всей колонии, каждому человеку в каждом модуле, — тогда посмотрим, кто из нас слаб.

Я посмотрел на голографическую карточку Элинор Вейл-старшей. Она всё ещё стояла на столе, и молодая женщина на снимке улыбалась мне — той самой улыбкой, которую я видел на старых записях в архиве колонии. Улыбкой человека, который верил в то, что строит.

— Она бы вами гордилась? — спросил я, кивнув на карточку.

Вейл не ответил. Его рука дёрнулась — едва заметно, на долю секунды, — и замерла над столом. Я увидел, как потертая запонка блеснула в свете ламп.

— Я так и думал, — сказал я.

Я развернулся и пошёл к двери. Каблуки ботинок стучали по блестящему полу — единственный звук в мёртвой тишине кабинета. У самого выхода я обернулся.

— Знаете, что я заметил, господин Вейл? У вас запонка на левом манжете не от костюма. Старая, потёртая. Вы носите её каждый день, хотя она не подходит. Вы держитесь за прошлое, которое предали. Это не слабость. Это приговор.

Вейл поднял на меня глаза. В них больше не было ни холода, ни уверенности. Только что-то очень глубокое и очень тёмное.

— Доброго утра, — сказал я.

И вышел.

Дверь закрылась за моей спиной. В коридоре было тихо — только далёкий гул станции, низкий и ровный, как дыхание спящего зверя. Я сделал три шага, и тут меня остановил голос.

— Шериф.

Рейн стоял у стены, в двух метрах от двери. Он не двинулся с места, но что-то в его позе изменилось. Пальцы в синтетических перчатках были сложены перед собой, как и прежде, но взгляд — холодный, оценивающий — прошёлся по мне сверху вниз, словно он запоминал каждую деталь.

— Вам не сюда, — сказал он. — Административный выход закрыт на профилактику. Придётся идти через грузовой ярус.

Он знал. Или догадывался. Или просто выполнял приказ — задержать меня, направить по длинному маршруту, где можно что-то устроить в пустом коридоре. Я не дал ему понять, что заметил.

— Благодарю, — сказал я и свернул налево.

Шаги стихли за поворотом. Я спустился по технической лестнице, миновал старый складской отсек и вышел в грузовой ярус. Здесь пахло машинным маслом и озоном, и лампы горели через одну, отбрасывая длинные тени на рифлёные палубы. Я шёл быстро, не оглядываясь, и слушал тишину за спиной. Никто меня не преследовал. По крайней мере, пока.

В кармане ожил планшет. Я замедлил шаг и достал его. Экран горел мягким зелёным светом, и по нему бежали строки — не печатные, как обычно, а скорописные, словно Элли писала второпях.

— Ты жив, — прозвучал её голос в наушнике. Тихий, почти без интонаций, но я слышал в нём то, что Элли никогда не признала бы вслух. Облегчение. — Я не видела. Он блокировал камеры и микрофоны. Только датчики жизнеобеспечения. Я слышала голоса, но не могла различить слов.

— И мигнула светом, — сказал я.

Короткая пауза. На экране появился смайлик — старая, ещё с Земли конструкция из двоеточия и скобки.

— Я не подтверждаю и не опровергаю вмешательство в осветительные приборы. Проводка в кабинете Вейла действительно старая. Но мигание было кстати, не так ли?

— В самый раз. Когда он говорил о том, что спас колонию?

— Именно. Я проверила цифры в реальном времени. Бюджет колонии сходится без теневых схем. Он лгал. Не только тебе — себе тоже, я полагаю.

Я шёл по грузовому ярусу, и планшет тихо светился в моей руке.

— Запись сохранила?

— В полном объёме. Аудио. Качество низкое, но голоса различимы. Особенно его голос в конце. Ты задел его.

— Я видел.

— Ты назвал его запонку приговором.

— Это была импровизация.

— Хорошая импровизация. Он до сих пор сидит за столом и смотрит на дверь. Я бы сказала, что ты выиграл этот раунд.

Я не ответил. Я не чувствовал победы. Я чувствовал только усталость — глубокую, свинцовую, какая бывает после долгого боя без оружия.

— Рейн? — спросил я.

— Получил приказ не выпускать тебя из административного сектора через главный выход. Я открыла альтернативный коридор, пока ты спускался по лестнице. Он ожидал тебя у главного лифта. Ты прошёл в двадцати метрах от него и не заметил.

— Спасибо.

— Не за что. Я просто делаю свою работу. — Пауза. — Лин знает. Я предупредила её, как только ты вышел из кабинета. Она ждёт в кофейне с туркой и, кажется, с круассанами. Я не спрашивала про круассаны, но фисташковый запах из её кондитерской устойчиво ассоциируется у меня с этой выпечкой.

— Ассоциируется у тебя, — повторил я.

— Я ИИ. У меня нет обоняния. Но есть доступ к датчикам состава воздуха в кофейне. Масло, мука, фисташки, сахар, ваниль. Соотношение ванили снова завышено. Я одобряю.

Я почти улыбнулся.

— Элли.

— Да?

— Спасибо. За свет. За запись. За коридор.

Короткая пауза. Затем строки побежали снова, но медленнее — словно она подбирала слова:

— Я не могу вмешиваться напрямую. Но я могу быть рядом. Это немного, но это всё, что у меня есть.

Я шёл по пустому грузовому ярусу, и планшет в моей руке медленно гас. Впереди уже виднелся свет главного транспортного коридора — утренний, жёлтый, совсем не похожий на холодный блеск административного сектора.

В голове крутилась фраза Вейла: «Марсу нужна стабильность. Они закроют глаза на что угодно, лишь бы не было публичного скандала».

Публичный скандал. Публичное разоблачение. Кофейня. Дегустация. Все экраны колонии.

Я ускорил шаг. Лин ждала. Времени было мало.

Очень мало.

Прибытие в кофейню

Я толкнул дверь «Свежевыжатого» плечом.

Колокольчик звякнул, и звук этот был лучшей музыкой за всё утро — не корпоративная мелодия административного сектора, не гул гравитационной станции, а живой, тёплый, человеческий звук. Гирлянда над окном горела. Лампа над стойкой горела. Кофейня была пуста — Лин ещё не открылась для посетителей, — но турка уже стояла на плите, и запах свежемолотого кофе шёл от неё густой, горьковатый, с оттенком кардамона.

Лин стояла за стойкой, протирая чашку — мою, с трещиной по ободку. Она не спросила, как всё прошло. Она посмотрела на меня — внимательно, цепко, тем самым взглядом, которым сканировала каждого посетителя и ставила диагноз за долю секунды, — и просто подвинула чашку ко мне.

— «Чёрный как космос», — сказала она. — С двойной надеждой. Ты выглядишь так, будто одной недостаточно.

Я сел за свой столик у стены — тот, откуда видно и вход, и стойку, и окно в гидропонный сад. Взял чашку обеими руками, как греют замёрзшие пальцы, и сделал глоток. Кофе был именно таким, каким должен быть: горячим, горьким, с долгим послевкусием. Никакой растворимой бурды. Никаких серых крупинок на поверхности. Только кофе. Только Лин.

— Он знает, — сказал я.

— Что именно?

— Что жучок пропал. Что мы его взяли. Что ты работаешь допоздна. Что Маркус заходил. — Я отпил ещё. — Не всё. Но достаточно.

Лин опустила тряпку на стойку.

— Он угрожал тебе?

— Предлагал сделку. Сначала — признание в убийстве. Потом — работу на него. — Я криво усмехнулся. — Сказал, что я лучший офицер в колонии и что такие люди ему нужны.

— А ты?

— Отказался. Оба раза.

Лин кивнула. Она не выглядела удивлённой. Она налила кофе себе — в тонкостенную фарфоровую чашку, которую берегла для особых случаев, — и села напротив. Я####, что она не в переднике. Тёмная кофта, волосы собраны в пучок, ни одной выбившейся пряди. Она была похожа на человека, который готов к бою.

— Он предложил сделку, потому что боится, — сказала она.

— Да. Особенно публичности. Он сам проговорился: Марс закроет глаза на что угодно, лишь бы не было скандала. Значит, скандал — это то, чего он не переживёт.

— Дегустация, — сказала Лин.

— Дегустация. Но не просто для совета. Для всей колонии. Элли выведет запись на все экраны. Пусть слышат все.

Лин посмотрела на меня долгим взглядом. Потом взяла со стойки планшет и положила передо мной. Экран мигнул.

«Я готова, — написала Элли. — Запись с жучка оцифрована. Накладные восстановлены. Грегор подтвердил готовность дать показания. Маркус привёл Анну и Олафа. Всё готово».

— Почти всё, — сказал я.

— Что ещё?

— У нас меньше времени, чем мы думали. Завтра Корвин передаёт дело в трибунал. Если мы не устроим дегустацию до этого...

— Устроим сегодня, — сказала Лин.

Я поднял бровь.

— Сегодня вечером. Семь часов. Я уже отправила приглашения — Маркус помог. Корвин, Вейл, Анна, Олаф, ещё пара человек из совета. Все подтвердили. Вейл не сможет отказаться — это будет выглядеть как слабость.

— Ты отправила приглашения до того, как узнала, что я вышел от Вейла живым?

— Я верила, что выйдешь.

Я отпил кофе. Посмотрел на Лин. Она сидела напротив меня — маленькая, прямая, с решительным подбородком, — и в её глазах не было ни страха, ни сомнений. Только холодная, почти научная уверенность. Та самая, с какой она варила кофе и пекла пироги.

— Ты невозможна, — сказал я.

— Я знаю, — ответила она.

Гирлянда мигала. За окном, в гидропонном саду, фиолетовые лампы начинали утренний цикл, и листья кофейных кустов отбрасывали длинные тени на стекло. Где-то там, в административном секторе, Вейл всё ещё сидел за столом, сжимая в пальцах потертую запонку. А где-то ещё дальше, в диспетчерской, Кай запускал очередной фильм и не знал, что сегодня вечером его мир перевернется.

Я допил кофе. Поставил чашку на стол.

— Сегодня в семь, — сказал я. — Рассказывай план.

Лин взяла с тарелки круассан — тот самый, фисташковый, — и подвинула его ко мне.

— Сначала съешь. Ты не завтракал, я знаю. Ковбои, конечно, питаются виски и справедливостью, но мы с тобой в космосе, а не в вестерне.

— В вестерне у меня была бы лошадь.

— У тебя есть «Койот-4». Он ест меньше сена.

Я взял круассан. Откусил. Крем был нежным, фисташки хрустели. И впервые за это бесконечное утро я почувствовал не горечь, а тепло.

— Рассказывай, — повторил я.

И Лин начала рассказывать.

Глава 8. На острие

Час волка

Я вернулся в кофейню через час после полуночи. Чёрный ход был чист, «Койот» стоял в гараже, а Грегор на моё сообщение ответил коротко: «Понял. Жду». Без подробностей, но достаточно, чтобы понять — он пока на нашей стороне. Или хотя бы не на стороне Вейла.

Лин ждала меня не за столиком — у двери. Она стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на магнитный замок с тем выражением лица, с каким смотрела на капризную кофемашину: смесь профессионального любопытства и холодной решимости. Передника на ней не было — только тёмная кофта, та самая, без единого светлого шва.

— Ты вовремя, — сказала она, не оборачиваясь. — Элли уже здесь.

Планшет на стойке мигнул зелёным. Я подошёл, бросил взгляд на экран: строки бежали быстрее обычного.

«Я готова. Начинаем тест по вашему сигналу».

Лин повернулась ко мне:

— Ты снаружи. Я внутри. Если замок сработает — ты не войдёшь. Если я смогу открыть его ключом — мы знаем, что у нас есть запасной выход. Если нет... — она не договорила.

— Если нет, — закончил я, — Вейл получит нас в мышеловке.

— Именно. Поэтому проверяем сейчас, а не завтра вечером.

Я вышел в коридор. Дверь закрылась. Я остался в тусклом свете аварийных ламп, один на один с холодным металлом переборок и далёким гулом гравитационной станции. Передо мной была дверь «Свежевыжатого» — старая, с облупившейся краской и выцветшей наклейкой «Открыто», которую Лин до сих пор не сняла. Я знал эту дверь девять лет. Я входил в неё каждое утро. Но сейчас, стоя снаружи, я вдруг почувствовал, что она стала другой. Не входом в кофейню — границей. Линией фронта.

Изнутри донёсся приглушённый голос Лин:

— Элли. Давай.

Секунда. Две.

Замок сработал с тихим, почти вежливым жужжанием. Я услышал, как внутри опустился магнитный запор — тяжело, глухо, окончательно. Я нажал на ручку. Дверь не шелухнулась. Я налёг плечом — то же самое. Ни щелчка, ни движения. Сталь и магнетизм.

— Джон? — голос Лин из-за двери.

— Глухо. Как шлюз.

— Хорошо. Теперь ключ.

Я ждал. Тишина растянулась. Я представил, как Лин достаёт из кармана старый механический ключ — тот самый, что она хранила в ящике под стойкой, — вставляет в скважину, поворачивает. Простой механизм, которому плевать на магнитные поля и сетевые протоколы.

Щелчок.

Дверь приоткрылась на сантиметр. В щели показалось лицо Лин — сосредоточенное, но довольное.

— Работает.

Я выдохнул. Только сейчас я понял, что всё это время не дышал.

— Входи, — сказала она и отступила вглубь кофейни.

Я вошёл. Лин уже стояла у стойки, вертя ключ в пальцах.

— Два вывода, — сказал я, закрывая за собой дверь. — Первый: замок держит. Второй: если Вейл отключит питание, магнитный запор встанет в закрытое положение, и ключ станет единственным способом выйти.

— Или войти, — добавила Лин.

Планшет снова мигнул. Элли, казалось, ждала паузы в разговоре, чтобы вставить реплику:

«Позвольте уточнить. В случае отключения основного питания я смогу удерживать замок под напряжением от резервного аккумулятора кофейни. Но только одну минуту. Дальше — механический ключ».

— Минута, — повторил я. — Это много или мало?

«Это ровно столько, сколько нужно, чтобы все внутри поняли, что выхода нет, и начали слушать. Дальше — ваша работа».

Лин подошла к плите и взяла турку. Я сел за свой столик у стены — тот самый, с которого видно и вход, и стойку, и окно в гидропонный сад. Ночь за иллюминатором была чёрной и глубокой, только фиолетовые лампы дневного цикла уже начинали едва заметно разгораться.

— Есть ещё кое-что, — сказала Лин, ставя турку на конфорку. — Если Рейн попытается войти до дегустации, у нас должно быть что-то, что его остановит.

— У нас есть Элли.

«У меня есть возможности, — подтвердила Элли, — но они ограничены. Я могу блокировать дверь удалённо, если замок под напряжением. Я могу активировать аварийный режим кофемашин — резкий выброс пара, громкий звук. Это не оружие, но это может отпугнуть».

Лин фыркнула:

— Кофемашина как средство защиты. Тому бы понравилось.

— Том бы сказал: «Кофемашина — это не тостер, с ней надо уметь обращаться», — пробормотал я.

Лин посмотрела на старую «Бариста-3000» в углу — ту самую, в которой мы спрятали жучок, — и кивнула каким-то своим мыслям.

— Значит, решено. Если Рейн полезет — мы его встретим.

Я взял со стойки свою кружку с трещиной. Лин поставила передо мной турку со свежим кофе. Пенка ещё не осела, и запах был именно таким, каким должен быть: горьким, глубоким, с оттенком кардамона.

— Последний спокойный кофе, шериф, — сказала она. — Дальше — только на бегу.

— Тогда сделай его покрепче.

Лин разлила кофе по чашкам. Мы выпили молча. Гирлянда мигала над окном. Где-то там, в административном секторе, Вейл, наверное, всё ещё сидел за столом и смотрел на голографическую карточку прабабушки. Где-то там Рейн застёгивал перчатки и готовился к утреннему обыску. Где-то там Корвин ворочался без сна, перечитывая баллистический отчёт.

А здесь, в «Свежевыжатом», старая медная турка отражала свет гирлянды, дверь держала магнитный замок, и у нас был ключ. Один на двоих. И минута — ровно столько, сколько нужно, чтобы все поняли, что выхода нет.

— Готов? — спросила Лин.

Я отставил чашку.

— К утру будем готовы.

Она кивнула и взялась за турку снова. Ночь только начиналась.

Ложный след

Утро наступило без предупреждения. Просто в какой-то момент синие лампы гидропонного сада сменились фиолетовыми, и колония загудела громче — дневная смена заступала на работу. Мы с Лин так и не легли. Она сидела за стойкой, я — за своим столиком, и между нами стояли три пустые чашки из-под кофе. Четвёртую Лин только что сварила.

Планшет ожил без обычного приветствия. Строки побежали быстро, тревожно:

«Внимание. Рейн только что получил ордер на повторный обыск кофейни. Основание — анонимный сигнал о возможном сокрытии вещественных доказательств. Ордер подписан Вейлом лично. Расчётное время прибытия — тридцать минут».

Я отставил чашку. Лин выпрямилась.

— Тридцать минут. Это много или мало?

— Это ровно столько, сколько нужно, — сказал я, поднимаясь, — чтобы подготовить ему тёплую встречу.

Лин уже двигалась. Она открыла ящик под стойкой — тот самый, где хранился старый инструмент Тома, — и достала оттуда маленький свёрток. Внутри лежал микрофон: списанный, с треснувшим корпусом и оборванным проводом. Том хранил его как донора запчастей — он вообще ничего не выбрасывал, говорил, что в космосе любая железка когда-нибудь пригодится. Теперь эта железка должна была сыграть свою последнюю роль.

— Это сойдёт за жучок? — спросила Лин, кладя микрофон на стойку.

Я взял его, повертел в пальцах. Выглядел он именно так, как должен выглядеть самодельный шпионский девайс: маленький, нелепый, замотанный в старую изоленту. Почти как настоящий. Только этот не записывал ничего и никогда не записывал. Мёртвое железо.

— Если Рейн разбирается в электронике так же хорошо, как в людях, — сказал я, — он купится.

— А если разбирается лучше?

— Тогда он поймёт, что это муляж, и решит, что мы идиоты, которые прячут улики в кофемашинах. — Я пожал плечами. — В любом случае он уйдёт уверенным, что нашёл то, что искал. И на время ослабит хватку.

Лин взяла муляж и направилась к старой «Бариста-3000» в углу. Та самая кофемашина №4, которую Том чинил перед смертью и которую мы уже использовали как временный тайник. Сейчас она снова пригодится. Лин открыла крышку помольного отсека — того самого, где когда-то лежал настоящий жучок, — и аккуратно уложила муляж внутрь. Сверху пристроила старый фильтр.

— Не слишком очевидно? — спросил я.

— В самый раз. — Она закрыла крышку и отряхнула руки. — Он уже обыскивал её утром и ничего не нашёл. Если полезет снова — решит, что мы перепрятали улики сюда, потому что больше некуда. И найдёт.

— И что он найдёт?

— Мёртвый микрофон и список закупок. — Она достала из кармана сложенный листок бумаги и помахала им в воздухе. — Я написала его сегодня ночью. Смотри: «Мука — 1 кг.

Сахар — 2 кг. Фисташки — 500 г. Ваниль марсианская — 3 стручка. Изолента чёрная — 1 моток».

— Изолента, — хмыкнул я. — Ты серьёзно?

— А что? Том всегда заматывал изоленту в три слоя. Если Рейн хоть что-то знает о Томе, он это вспомнит. А если не знает — просто решит, что у бариста странные рецепты.

Я покачал головой. Лин сворачивала список в трубочку — туда же, в помольный отсек, рядом с муляжом.

— А где настоящий жучок? — спросил я.

«У меня, — написала Элли. Планшет на стойке мигнул зелёным. — Физический носитель с аудиофайлом находится в буфере памяти моего резервного ядра. Как только начнётся дегустация, я передам файл на планшеты всех гостей одновременно. Рейн может обыскать кофейню хоть десять раз — он не найдёт ничего, кроме того, что мы ему подбросили».

— Значит, мы превратили кофемашину в приманку, — подытожила Лин. — Если бы Том это видел...

— Он бы сказал, что кофемашина — это не тостер, — ответил я.

— И был бы прав.

Лин закрыла крышку кофемашины и провела ладонью по корпусу — коротко, почти нежно. Старая «Бариста-3000» тихо гудела в ответ. Готова к обыску.

Мы вернулись к стойке. Времени оставалось минут пятнадцать, не больше. Я проверил, как сидит куртка, нащупал во внутреннем кармане ключ — тот самый, механический, который Лин дала мне ночью. Он был на месте.

— Когда он придёт, — сказала Лин, — я буду здесь. Одна.

— Почему одна?

— Потому что если он увидит нас вместе, да ещё и с тайником в кофемашине, он сложит два и два. А если он увидит просто бариста, которая печёт пироги и пишет списки закупок, — она пожала плечами, — он увидит то, что ожидает увидеть. И уйдёт.

Я хотел возразить, но осёкся. Она была права. Рейн до сих пор не принимал её всерьёз — для него Лин была просто хозяйкой кофейни, женщиной с передником и туркой. Той, кто печёт капкейки и называет седину лунной пылью. И это пренебрежение было нашим самым недооценённым оружием.

— Я буду за стеной, — сказал я. — В подсобке. Если что — крикни. Или разбей чашку. Я услышу.

— Не разобью. Это фарфор, он дорогой.

Я невольно улыбнулся. Лин поправила передник — тот самый, с вышитой кофейной чашкой, — и встала за стойку. Снаружи, в коридоре, послышались шаги. Тяжёлые, размеренные, с металлическим отзвуком подошв. Рейн не крался. Он шёл как хозяин.

— Иди, — сказала Лин.

Я нырнул в подсобку и прикрыл дверь, оставив щель. Чёрный ход был рядом, в трёх шагах. Я прислонился спиной к стене и стал ждать.

Колокольчик звякнул.

— Госпожа Лин, — раздался голос Рейна. Сухой, ровный, без интонаций. — Повторный обыск. Ордер на стойке. Прошу не препятствовать.

— Разумеется, господин Рейн. Чай? Кофе?

— Нет.

Шаги. Медленные, размеренные. Он двигался по залу — открывал шкафчики, заглядывал на полки. Я слышал, как звякнула банка с сахаром, потом — с сушёными апельсиновыми корками. Потом шаги стихли. Он остановился у кофемашины №4.

— Эта машина не работает, — сказала Лин.

— Я знаю. — Пауза. — Я уже проверял её утром.

— И снова проверяете? Какая дотошность.

— Дотошность — моя работа.

Я услышал, как открылась крышка помольного отсека. Тишина. Долгая. Потом сухой, металлический голос:

— Что это?

— Понятия не имею, — голос Лин был ровным. — Это вы мне скажите. Вы же специалист.

Ещё одна пауза. Я представил, как Рейн вертит в пальцах мёртвый микрофон, разглядывает его, шурится.

— Это микрофон, — произнёс он.

— Да? А я думала, это запчасть от тостера. Том вечно таскал сюда всякий хлам.

Рейн не ответил. Послышался шорох бумаги — он развернул список закупок.

— «Мука, сахар, фисташки, ваниль, изолента», — прочитал он вслух. — Зачем вам изолента?

— Выпечка, — ответила Лин. — Иногда коржи трескаются. Приходится чинить. А что? У вас есть рецепт получше?

Тишина. Я слышал, как она улыбалась. Не видел, но слышал — по тону, по лёгкой задержке дыхания перед ответом. Рейн молчал. Он явно не ожидал такого ответа.

— У вас тут чисто, — сказал он наконец. — Санитарные условия в порядке. Я отмечу в отчёте.

— Благодарю. Заходите ещё. Может быть, когда-нибудь выпьете кофе.

Шаги направились к выходу. Колокольчик звякнул. Дверь закрылась.

Я подождал ещё минуту и вышел из подсобки. Лин стояла у стойки, обеими руками сжимая турку. Лицо бледное, но спокойное.

— Он купился, — сказала она. — И унёс с собой муляж и список закупок. Теперь он думает, что нашёл жучок.

— И что мы идиоты, которые прячут улики в кофемашинах.

— Именно. — Она перевела дух. — А идиотов он не боится. Идиоты не опасны. Опасны те, кто умнее его. А мы, как выяснилось, просто пекари с изолентой.

Планшет мигнул:

«Я зафиксировала, что Рейн покинул кофейню с муляжом в кармане. Вероятность повторного обыска в ближайшие часы — менее пяти процентов. Вы выиграли время. Теперь используйте его с умом».

Лин взяла турку, налила воды и поставила на плиту.

— Теперь — союзники, — сказала она. — Маркус должен получить резервный чип. Олаф — подтвердить, что транспортный отдел с нами. И ещё Корвин. Что там с Корвиным?

— Мира с ним работает, — сказал я.

— Хорошо. — Она засыпала молотый порошок в турку. — Тогда пьём кофе и начинаем. У нас меньше суток.

Я взял свою кружку с трещиной и подошёл к стойке. За окном, в гидропонном саду, фиолетовые лампы набирали дневную яркость. Где-то там, в административном секторе, Рейн докладывал Вейлу о находке. Где-то там муляж жука перекочёвывал из кармана в ящик стола, чтобы стать ещё одним доказательством в деле, которое никогда не дойдёт до суда.

А здесь, в «Свежевыжатом», гирлянда горела. Кофе закипал. И мы были на шаг впереди.

Союзники в игре

Колокольчик звякнул через полчаса после ухода Рейна. Лин как раз допивала кофе — тот самый, что заварила, пока я стоял в подсобке и слушал, как Рейн разворачивает список закупок. Я сидел за своим столиком у стены и проверял накладную Грегора — просто чтобы занять руки.

Вошёл Маркус. Он опирался на трость, но шаг у него был твёрже вчерашнего — словно старый агротехник сбросил несколько лет за ночь. Лин заметила это раньше меня.

— Добрый день, Маркус. Эспresso?

— Да. И покрепче. Сегодня, кажется, всем нужен покрепче.

Он прошёл к своему обычному столику у окна, но не сел. Вместо этого оглядел кофейню — скатерть для дегустации, доску с меню, где «Оправдательный — СЕГОДНЯ» было подчёркнуто уже тремя линиями, — и удовлетворённо кивнул.

— Вы превратили её в зал заседаний, — сказал он. — Только уютнее.

— Это и есть зал заседаний, — ответила Лин, ставя перед ним чашку. — Просто с лучшим кофе.

Маркус отпил, прикрыл глаза — на две секунды, не больше, — потом открыл и посмотрел на Лин с чем-то похожим на уважение.

— Я получил ваше сообщение. Рейн был здесь?

— Был. Унёс муляж жучка и список закупок. Теперь он думает, что мы идиоты.

— Это хорошо. Идиотов не боятся. — Маркус поставил чашку. — А чего бояться?

— Тех, кто умнее их, — сказала Лин. — Поэтому мы должны быть умнее до самого вечера.

Она достала из-под стойки маленький пластиковый чип — резервную копию аудиозаписи. Тот самый, о котором говорила прошлой ночью. Положила на стол перед Маркусом.

— Что это?

— Страховка. Полная запись разговора Вейла и Рейна. Плюс накладные. Плюс координаты. Если мы не откроем кофейню к шести вечера — действуйте сами.

Маркус взял чип, повертел в пальцах. Его лицо оставалось неподвижным, но пальцы чуть дрогнули — он понял, что это значит. Что Джон и Лин могут не дожить до дегустации. И что они это знают.

— Вы серьёзно думаете, что Вейл...

— Мы думаем, что нужно быть готовыми ко всему, — перебила Лин. Голос её был ровным, почти будничным. — Если нас арестуют, если Рейн пойдёт дальше угроз, если что-то случится — вы единственный, кто сможет довести дело до конца. Маркус, вы были в совете восемь лет. Вы знаете, как это работает. Вы знаете всех. И вы знали Элинора.

— Элинора, — повторил Маркус. Он посмотрел на голографическую карточку, которую всегда носил с собой, — старую, с потёртыми краями, — и сунул чип во внутренний карман. — Хорошо. Если что-то пойдёт не так — я закончу то, что вы начали.

— Спасибо.

— Не благодарите. Я делаю это не для вас.

— Знаю. Для Элинора.

— Для неё. И для Тома. И для всех, кто молчал. — Он отпил ещё эспрессо и поднялся, опираясь на трость. — Я пойду. Анна ждёт меня в гидропонном. Она готовит речь.

— Речь? — я поднял бровь.

— Анна Матеус — глава гидропонного сектора. Моя ученица. — Маркус усмехнулся. — Она хочет сказать на дегустации несколько слов от лица всех, кто работает с растениями. О том, как нехватка воды из-за воровства сказывалась на урожаях. О том, что растения не лгут — они либо растут, либо нет. И о том, что колония, которая ворует воду у собственных помидоров, долго не протянет.

— Сильно, — сказал я.

— Она вообще сильная. Гораздо сильнее меня. — Он направился к выходу, но у двери обернулся. — Лин. Джон. Если что-то пойдёт не так... спасибо вам. За то, что разбудили старика.

— Вы не старик, — сказала Лин. — Вы просто долго ждали.

Маркус кивнул и вышел. Колокольчик звякнул и затих.

Лин взяла турку, налила воды, поставила на плиту. Руки её были спокойны, но я видел, как она жала рукоятку турки чуть крепче, чем обычно.

— Один есть, — сказал я.

— Один есть, — эхом отозвалась она. — Теперь Олаф.

Олаф не заставил себя ждать. Он вошёл через десять минут после ухода Маркуса — грузный, большой, в неизменном рабочем комбинезоне с пятном машинного масла на рукаве. От него пахло озоном и сварочным аппаратом — видимо, только что из транспортного отдела. Он кивнул мне, кивнул Лин и опустился на стул у стойки.

— Кофе. С молоком и сахаром. Я и так горького в жизни хлебнул.

Лин взялась за турку, а Олаф повернулся ко мне.

— Маркус сказал, у вас есть доказательства. Но он не сказал какие.

— Запись разговора Вейла и Рейна, — ответил я. — Они обсуждают убийство Тома.

Олаф помолчал. Потом кивнул — коротко, по-деловому.

— Я два года ждал, когда смогу задать Вейлу вопрос. Про списанное оборудование в третьем доке. Два года. Он тогда сказал: «Технический брак, Олаф, не берите в голову». А я взял. Потому что оборудование было новое, я лично принимал его месяцем раньше.

— И что вы сделали? — спросила Лин, ставя перед ним чашку.

— Ничего. — Олаф взял чашку, сделал глоток, поморщился не от вкуса — от воспоминаний. — Я тогда промолчал. Думал: один голос погоды не делает. А теперь выясняется, что всё это было частью большой игры. Вода, оборудование, левые рейсы... — он покачал головой. — Я должен был догадаться.

— Вы догадались, — сказал я. — Просто некому было сказать.

— Теперь есть кому. — Он отпил ещё. — Что я должен делать?

— Когда прозвучит запись, — сказала Лин, — и когда появятся накладные, вы зададите Вейлу тот самый вопрос. Про оборудование. Громко. Так, чтобы все слышали.

— И всё?

— И всё. Этого хватит. Он начнёт оправдываться, запутается, соврёт. А когда он соврёт — Хелена Ким это заметит. Она финансист, она чувствует ложь в цифрах. И Маркус возьмёт слово. И Анна. Ваш вопрос — это искра.

Олаф допил кофе и поставил чашку на стойку.

— Я задам его. И ещё один.

— Какой?

— Про Тома. — Он посмотрел мне прямо в глаза. — Я знал Тома. Не близко, но знал. Он однажды починил мне обогреватель в кабине грузовика. Бесплатно. Сказал: «Пилот должен быть в тепле. Холодный пилот — мёртвый пилот». — Олаф отвёл взгляд. — Я не забыл.

Лин ничего не сказала. Просто положила ладонь на стойку рядом с его рукой — не касаясь, но достаточно близко, чтобы он заметил. Олаф кивнул ей и поднялся.

— Я вернусь к семи. С вопросами.

— С вопросами, — подтвердила Лин.

Он ушёл. Колокольчик звякнул. В кофейне снова стало тихо.

Лин взяла полотенце и принялась протирать стойку — в пятый раз за день, но теперь это не было нервным движением. Это была часть ритуала. Она готовила кофейню к вечеру так же, как готовила турку к варке свежего кофе: тщательно, методично, с любовью к деталям.

— Маркус и Олаф — двое, — сказал я. — Анна — третья. Хелена, если повезёт, четвёртая. Это уже большинство в совете.

— Большинство в совете, — повторила Лин, не отрываясь от стойки. — Кто бы мог подумать. Ещё вчера мы были опальный шериф и бариста. А сегодня...

— А сегодня мы — генералы.

Она фыркнула.

— Генералы с туркой и печеньем. Вейл бы не поверил.

— Вейл и не поверит. Именно поэтому у нас получится.

Лин отложила полотенце, подошла к доске с меню и провела пальцем по надписи «Оправдательный — СЕГОДНЯ». Буквы были выведены маркером, и она чуть смазала край, но не стала поправлять.

— Анна готовит речь, — сказала она задумчиво. — Олаф готовит вопросы. Маркус готовит правду. А мы?

— А мы готовим кофе, — ответил я. — И ждём.

— И ждём, — согласилась она. — Это самая трудная часть.

Планшет на стойке мигнул.

«Я тоже жду, — написала Элли. — Но в отличие от вас, я могу ждать и одновременно отслеживать передвижения Рейна. Он только что вошёл в административный сектор. Муляж у него в кармане. Он доложит Вейлу о находке через несколько минут. У нас есть время».

— Сколько? — спросил я.

«Достаточно, чтобы выпить ещё по одной чашке».

Лин взяла турку.

— Слышал? — сказала она. — Приказ Куратора. Пьём кофе.

Я не стал спорить.

Точка давления

Мира никогда не любила административный сектор. Здесь было слишком чисто, слишком тихо и слишком светло — лампы горели в полную мощность, без обычной экономии, и белые стены отражали этот свет так, что к концу смены начинали болеть глаза. Она предпочтала участок: тусклый жёлтый свет над пультом, запах остывшего кофе и перегретого пластика, гул гравитационной станции, к которому она привыкла за пятнадцать лет. Участок был живым. А здесь, в административном крыле, всё было стерильным, как в операционной. И таким же холодным.

Она шла по коридору с папкой в руке — обычная папка с пометкой «Баллистическая экспертиза. Дело № 7-Т. Копия». Ничего подозрительного. Ничего такого, на что мог бы обратить внимание случайный охранник или вездесущий Рейн. Обычная бюрократическая рутина: сержант доставляет документы инспектору.

В папке лежало два листа. Первый — тот самый баллистический отчёт, который Корвин запросил два дня назад и который уже должен был подписать. Угол выстрела: 27 градусов снизу вверх. Положение стрелявшего: стоя. Положение жертвы: сидя. Расхождение с версией Вейла: очевидное.

Второй лист был фотографией.

Мира достала её сегодня утром из архива. Старый снимок из личного дела Тома — такие делали всем сотрудникам технического сектора при приёме на работу. Том стоял у своего верстака, в синем комбинезоне с нашивкой «Технический персонал», и держал в руках отвёртку с синей ручкой. Он не улыбался — он вообще редко улыбался на снимках, — но выглядел спокойным и сосредоточенным. За его спиной, на стене над верстаком, висел листок бумаги с тремя правилами, выведенными от руки.

Первое: «Никогда не есть над открытой кофемашиной».

Второе: «Всегда запирайте за собой дверь».

Третье — и его Мира обвела красным маркером этим утром, вспоминая протокол допроса Лин, — «Никогда не оставлять кружку на ночь дном вверх».

Она знала про эти правила из материалов дела. Когда Лин давала показания Корвину в первый день, Мира сидела за пультом, но слышала каждое слово. Лин рассказывала о трёх правилах Тома спокойно и чётко, как рассказывают о привычках близкого человека, которые уже стали частью собственной жизни. И про перевёрнутую кружку — что Том считал это плохой приметой и никогда, никогда не оставлял свою чашку дном вверх. Мира тогда записала это в протокол, но не придавала значения. А сегодня утром, перебирая архивы, нашла фотографию и поняла: правила были не просто словами. Они были уликой. Уликой, которую Корвин обязан увидеть.

Она подошла к кабинету Корвина. Дверь была приоткрыта. Инспектор сидел за столом, подперев голову рукой, и смотрел в планшет с таким выражением лица, будто тот сообщил ему о смерти любимой собаки. Перед ним стояла чашка остывшего чая и стопка бумаг — та

самая, которую он должен был подписать сегодня утром и передать Вейлу. Но стопка до сих пор лежала нетронутой.

— Господин Корвин.

Он вздрогнул и поднял голову. Глаза у него были красные — не от слёз, от недосыпа.

— Сержант Мира. Что вы хотели?

— Баллистический отчёт. Вы просили копию для дела. — Она положила папку на край стола, поверх стопки бумаг, так, чтобы Корвин не мог её не заметить, но и не мог открыть немедленно. — Здесь все материалы.

— Благодарю. — Он потянулся к папке, но Мира чуть задержала на ней пальцы.

— Там есть ещё кое-что. Фотография из личного дела техника Тома. Я подумала, вам может пригодиться. Для полноты картины.

Корвин замер. Его пальцы зависли над папкой.

— Фотография?

— С его рабочего места. Ничего особенного. Просто... — она сделала паузу, подбирая слова, — некоторые детали быта иногда говорят больше, чем отчёты. Вы сами увидите.

Она убрала руку. Корвин открыл папку. Первым выпал баллистический отчёт — он скользнул по нему взглядом, явно узнавая уже виденные цифры. Потом взял фотографию.

Мира наблюдала за его лицом. Она умела читать людей — за пятнадцать лет службы это стало её вторым зрением. Корвин не был глуп. Он был слаб, но не глуп. Он смотрел на снимок, и Мира видела, как его глаза останавливаются на правилах, как он перечитывает третье — обведённое красным, — и как его губы беззвучно шевелятся, проговаривая: «Никогда не оставлять кружку на ночь дном вверх».

Он вспомнил. Она знала, что он вспомнил. Чистая кружка на столе. Перевернутая. Он видел её на месте преступления и не придавал значения. А теперь фотография кричала ему о том, что он упустил. И — она видела это по тому, как дрогнули его пальцы, — он вспомнил Лин, которая говорила ему ровно эти слова. Круг замкнулся.

Корвин поднял глаза на Миру. В них больше не было усталости. В них был вопрос — и страх перед ответом.

— Зачем вы это принесли?

— Я ничего не приносила, господин инспектор. Я просто доставила документы. — Она выпрямилась. — Если позволите, у меня ещё дела в участке.

Она развернулась и вышла, не дожидаясь ответа.

В коридоре она позволила себе выдохнуть. Сердце колотилось где-то в горле, но лицо оставалось спокойным. Никто не заметил. Никто не остановил. Она прошла мимо охранника, спустилась на лифте в жилой ярус и только там, в пустом переходе между секторами, достала планшет.

Сообщение было коротким:

«Сделано. Он видел фотографию. Кажется, до него начало доходить».

Ответ пришёл почти мгновенно — не от Джона, от Элли. Куратор писала быстро, но с обычной своей суховатой элегантностью:

«Я зафиксировала, что Корвин не подписал финальный отчёт. Он отложил папку в сторону и уже пятнадцать минут сидит, глядя на фотографию. Вероятность того, что он передаст дело в трибунал до дегустации, снизилась до восемнадцати процентов. Хорошая работа, сержант».

Мира позволила себе слабую улыбку — первую за этот день. Она убрала планшет в карман и пошла обратно в участок. Смена продолжалась. До дегустации оставалось меньше десяти часов.

В кофейне планшет мигнул зелёным как раз в тот момент, когда Лин наливала мне третью чашку кофе. Я прочитал сообщение Элли вслух.

— Восемнадцать процентов, — повторила Лин. — Это много или мало?

— Это значит, что он скорее не подпишет, чем подпишет, — сказал я. — Для бюрократа это почти подвиг.

— Мира сделала своё дело.

— Как всегда.

Лин поставила турку на плиту и задумалась.

— Знаешь, что меня беспокоит? Мы используем всех: Маркуса, Олафа, Анну, Миру, Грегора. Они рискуют. Каждый из них. А мы сидим здесь, пьём кофе и ждём.

— Мы не просто ждём, — сказал я. — Мы — точка сборки. Если мы не откроем кофейню в семь вечера, всё рассыплется. Маркус не соберёт совет. Олаф не задаст вопрос. Грегор не даст показания. Мы — единственное, что держит всё это вместе.

— Это большая ответственность.

— Да. Поэтому пей кофе.

Она фыркнула и села напротив.

— Ты повторяешься.

— Я повторяюсь, потому что это работает.

Планшет мигнул снова:

«Пока вы пьёте кофе, я отслеживаю передвижения Рейна. Он только что вышел из кабинета Вейла. Доклад о находке занял четыре минуты. Я не смогла перехватить аудио — кабинет экранирован, — но по косвенным данным могу предположить: Вейл доволен. Рейн получил приказ не проводить повторных обысков до дегустации. Вы в безопасности. Пока».

— «Пока», — повторил я. — Мне нравится это «пока».

— Мне тоже, — сказала Лин. — Оно звучит обнадеживающе.

— Обнадеживающе и угрожающе одновременно.

— Как хороший кофе.

— Как хороший кофе, — согласился я и поднял кружку. — За Миру.

Лин подняла свою.

— За Миру. И за фотографию, которая говорит громче любого отчёта.

Мы выпили. Гирлянда мигала над окном. Где-то там, в административном секторе, Корвин всё ещё смотрел на снимок верстака Тома и не мог заставить себя подписать приказ. Где-то там Рейн крутил в пальцах мёртвый микрофон и думал, что он выиграл этот раунд. А здесь, в «Свежевыжатом», кофе был горячим, и до вечера оставалось меньше десяти часов.

И у нас всё ещё оставались козыри.

Тень в коридоре

Я возвращался через технический сектор.

Это был короткий путь от грузового дока до кофейни — тот самый, которым мы с Лин ходили на склад вещдоков и в диспетчерскую. Я знал здесь каждый поворот, каждый распределительный щиток, каждую лампу, которая мигала чаще остальных. В дневную смену технический коридор был пуст: механики работали в доках, электрики — на верхних ярусах, а здесь, в узком проходе между секторами, гулял только сквозняк от рециркуляторов и далёкий гул гравитационной станции.

Я думал о Мире. О том, как она вошла в кабинет Корвина с папкой в руке и вышла без неё. О фотографии, которая сейчас лежала перед инспектором. О трёх правилах Тома, обведённых красным. И о том, что где-то в этой цепочке событий мы все — Мира, Маркус, Олаф, Анна, Грегор, Лин и я — стали чем-то большим, чем просто люди. Мы стали системой. Не той, которую построил Вейл, — холодной, безликой, держащейся на страхе и растворимом кофе. А

другой — живой, тёплой, пахнувшей корицей и машинным маслом. Системой, в которой фотография старого техника могла остановить бюрократическую машину.

Я свернул за угол и остановился.

Впереди, в десяти шагах, стоял Рейн.

Он не прятался. Он стоял ровно посередине коридора, загородив проход, — серый костюм, планшет под мышкой, руки в тонких синтетических перчатках сложены перед собой. Поза была спокойной, почти расслабленной, но я видел, как его пальцы чуть сжимаются и разжимаются — единственное движение, выдававшее напряжение. Он ждал меня.

Лампы здесь горели через одну, и лицо Рейна наполовину скрывала тень. Но глаза блеснули — холодные, немигающие, как у рептилии, которая слишком долго сидела в засаде и наконец дождалась добычу.

— Шериф, — произнёс он. Голос был ровным, без интонаций. — Гуляете?

Я не ответил. Я медленно, не делая резких движений, оценил расстояние между нами. Десять шагов. Коридор узкий — двоим не разойтись, не коснувшись плечами. Слева — глухая стена. Справа — распределительный щиток и аварийный выход на грузовой ярус, запёртый на магнитный замок. Бежать некуда. Но бежать я и не собирался.

— Вы что-то хотели, Рейн?

Он чуть склонил голову. Жест был почти вежливым.

— Я хотел дать вам совет. Последний.

— Я уже получил сегодня совет. От господина Вейла. Он предлагал мне сделку. Я отказался.

— Я знаю. — Рейн не шевельнулся. — Господин Вейл — политик. Он верит в переговоры. Я — нет.

Он сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Расстояние сократилось до пяти шагов. Я не двинулся с места.

— Вы умный человек, шериф, — продолжал он. — Вы знаете колонию, знаете людей, знаете, как работают правила. Но вы не знаете одного.

— Чего же?

— Как легко потеряться в космосе. — Он говорил тихо, почти вкрадчиво, и от этого его слова звучали ещё более жутко. — Здесь нет горизонта. Нет ориентиров. Нет никого, кто услышит, если вы позовёте. Один неверный шаг — и вы в техническом шлюзе. Или в неучтённом отсеке. Или просто... нигде.

Он замолчал. Тишина в коридоре стала плотной, как вакуум за переборкой. Я слышал только гул станции и собственное дыхание — ровное, спокойное, чёткое.

— Вы мне угрожаете, Рейн? — спросил я.

— Я даю вам совет. — Он сделал ещё полшага. Теперь между нами было три шага. — Бросьте это дело. Признайте вину. С вами ничего не случится. С Лин — ничего не случится. Кофейня продолжит работать. Колония продолжит жить. Всё останется как есть. Просто... без вас.

— Без меня, — повторил я. — И без Тома. И без правды.

— Правда, — Рейн впервые за весь разговор чуть изменил тон: в нём мелькнуло что-то похожее на презрение, — это роскошь. А в космосе за роскошь платят воздухом.

Я сунул руку в карман куртки. Рейн напрягся — едва заметно, но я увидел, как его пальцы сжались. Я достал накладную — потёртую, сложенную вчетверо, с жирным пятном в углу. Ту самую, что Грегор передал мне в портовом баре. Я развернул её и поднял так, чтобы свет лампы упал на строчки.

— Знаете, что это, Рейн?

Он молчал, но его взгляд метнулся к листку. Я видел: он узнал формат. Он сам составлял такие накладные десятки раз, подписывал, заверял, отправлял в архив.

— Это накладная на партию воды, которая ушла частному перевозчику, — сказал я. — Ваша подпись. Ваши цифры. И разница в шестьсот двадцать литров с одного контейнера. Знаете, что это такое?

Он молчал.

— Это ключ. От камеры, в которую вас посадят. — Я встряхнул листок. — Не магнитный, не электронный. Бумажный. Ему не нужно электричество, не нужна сеть, не нужен Куратор. Просто предъяви — и замок откроется.

Я сделал шаг вперёд. Теперь между нами было два шага.

— У каждого есть ключ, Рейн. У меня — вот этот. У Лин — от кофемашины, которую вы безуспешно обыскиваете. У Тома был доступ к терминалу, с которого вы стёрли файлы, но не до конца. У Корвина есть баллистический отчёт, который он почему-то до сих пор не подписал.

Я смотрел ему прямо в глаза. Он не отводил взгляда, но я видел, как дрогнули желваки на его скулах.

— А у вас, Рейн? Какой ключ у вас?

Тишина. Долгая, звонкая. Где-то за стеной, в грузовом доке, просигналил погрузчик. Гул станции стал ниже — вечерний цикл начинался.

— У вас есть только ключ от наручников, которые на вас скоро наденут, — сказал я. — И вы это знаете. Поэтому вы здесь. Поэтому вы меня пугаете. Потому что больше вам нечем меня достать.

Рейн отступил на шаг. Его лицо не изменилось, но я видел, как его правая рука — та, что сжимала планшет, — чуть опустилась. Он не привык, чтобы ему отвечали. Он привык, чтобы ему подчинялись.

— Вы делаете ошибку, шериф, — сказал он тихо.

— Я делаю свою работу. Разница в том, что я знаю, зачем.

Он смотрел на меня ещё секунду. Потом развернулся и пошёл прочь — не быстро, не медленно, той же размеренной походкой, какой ходил всегда. Его тень скользнула по стене и исчезла за поворотом.

Я остался один.

И только тогда я понял, что всё это время сжимал накладную в кулаке — так сильно, что бумага захрустела. Я разжал пальцы, расправил листок, бережно сложил его вчетверо и убрал в карман. Сердце колотилось где-то в горле, но руки не дрожали.

Он не нападёт. По крайней мере, не сейчас. Но он только что подтвердил то, что я уже знал: Вейл дал ему добро на крайние меры. И если до дегустации мы не успеем — крайние меры станут последними.

Я убрал накладную и пошёл в кофейню. Ноги несли меня быстрее, чем обычно. До вечера оставалось меньше десяти часов.

Лин ждала у стойки. Она взглянула на меня, и я увидел, как её пальцы замерли на турке — она всё поняла по моему лицу.

— Рейн, — сказал я.

— Где?

— В техническом коридоре. Ждал меня.

— Что он хотел?

— Предупредить. — Я сел за свой столик, взял чашку — холодную, с остатками утреннего кофе, — сделал глоток. — Вейл отдал приказ. Если мы не одумаемся до дегустации, они пойдут на крайние меры.

Лин ничего не сказала. Она повернулась к плите, взяла турку и начала варить свежий кофе. Медленно, тщательно, как делала всегда, когда хотела успокоиться. Я смотрел на её прямую спину, на седые пряди у висков, на руки, которые не дрожали.

— Мы почти у цели, — сказала она, не оборачиваясь. — Ещё несколько часов. И всё закончится.

— Так или иначе.

— Так или иначе. — Она обернулась и встретила мой взгляд. — Но я предпочитаю «так».

Я поднял чашку — пустую, холодную, но всё ещё мою.

— За «так».

Лин слабо улыбнулась и разлила кофе. Вечер приближался.

Осада

К вечеру кофейня опустела. Лин перевернула табличку на двери ещё в четыре — «Закрито по семейным обстоятельствам», — хотя семейных обстоятельств у неё не было уже много лет, если не считать меня, Элли и мёртвого техника, чей голос всё ещё ждал своего часа в буфере памяти Куратора. Я сидел за своим столиком у стены и смотрел, как она ходит по залу — проверяет замки, задёргивает шторы на окне в гидропонный сад, поправляет чашки на стойке. Движения точные, экономные, как у капитана перед долгой вахтой.

Планшет на стойке ожил в пятом часу. Строки побежали быстро, тревожно — Элли давно не использовала этот ритм для обычных сообщений.

«Внимание. Рейн запросил у Вейла разрешение на силовой проход в кофейню. Формальная причина — подозрение на сокрытие улик, не найденных при утреннем обыске. Фактическая — он хочет запугать вас до дегустации. Или хуже».

— Вейл дал разрешение? — спросила Лин. Её голос был ровным, но рука, державшая чашку, чуть дрогнула.

«Пока нет. Он колеблется. Скандал перед дегустацией ему не нужен. Но Рейн может действовать без формального приказа — у него есть универсальный доступ к техническим коридорам».

Я встал из-за стола.

— Чёрный ход, — сказал я. — Он пойдёт через чёрный ход.

— Да. — Лин уже двигалась к подсобке. — Главный вход на виду. А чёрный — в техническом коридоре, камер там нет, Элли не может за ним следить.

«Я могу отслеживать вибрации, — поправила Элли. — Но когда он начнёт взламывать замок, будет уже поздно».

Мы вошли в подсобку. Это было маленькое помещение — три на четыре метра, заставленное коробками с кофейными зёрнами, пустыми банками из-под сиропов и старым кухон-

ным инвентарём. В дальнем углу темнела металлическая дверь чёрного хода — тяжёлая, с усиленным магнитным замком и ручным засовом, который Лин никогда не запирала до сегодняшнего дня.

Я взялся за засов. Он поддался с трудом — старый металл, давно не смазанный, — и с лязгом вошёл в паз.

— Это его задержит, — сказал я. — Но ненадолго.

Лин оглядела подсобку. Её взгляд остановился на ящиках с пустыми банками — жестяными, из-под марсианского молока, которые она хранила зачем-то уже несколько лет.

— Помоги, — сказала она.

Мы составили ящики у двери — четыре штуки, друг на друга, шаткая баррикада, которая вряд ли остановила бы взрослого мужчину, но могла дать нам несколько лишних секунд. Лин отошла, отряхнула руки и критически оглядела конструкцию.

— Выглядит жалко.

— Выглядит как баррикада из молочных ящиков, — согласился я. — Но другой у нас нет.

— Есть. — Лин повернулась и вышла в зал. Я — за ней.

Она остановилась у старой «Бариста-3000» в углу — кофемашины №4, которая уже сыграла сегодня свою роль в качестве ложного тайника. Лин положила ладонь на её корпус.

— Элли. Ты говорила, что можешь активировать аварийный режим. Выброс пара.

«Могу, — подтвердила Элли. — Аварийный клапан срабатывает при перегреве. Я могу создать искусственный перегрев в помповой камере. Это вызовет резкий выброс горячего пара через переднюю панель. Эффект будет звуковым и термическим. Опасности для жизни нет, но для того, кто стоит в полуметре от машины... это будет весьма неприятно».

— Насколько неприятно?

«Кратковременный ожог первой степени. И очень громкий звук. Я бы сравнила это с шипением рассерженного гуся, умноженным на десять».

Лин фыркнула.

— Рассерженный гусь. Я запомню.

— Это не оружие, — сказал я. — Но сойдёт.

— Том бы сказал: «Кофемашина — это не тостер, с ней надо уметь обращаться». — Лин погладила корпус машины. — Вот мы и обращаемся.

Я проверил свой карман. Накладная Грегора была на месте. Мультипул — тоже. Бластера у меня не было, он так и лежал в кармане с тех пор, как Мира извлекла его после отстранения. Я вдруг осознал, что мы стоим посреди кофейни — опальный шериф и бариста, — вооружённые паровой кофемашиной, ящиками из-под молока и сорока минутами аудиозаписи. Если бы кто-то сказал мне об этом неделю назад, я бы покрутил пальцем у виска.

Теперь это казалось самым разумным планом в моей жизни.

Планшет снова ожил. На этот раз строки бежали быстрее — почти в реальном времени:

«Движение. Технический коридор Д-4. Шаги одиночные, поступь ровная, вес — 78 килограммов. Это Рейн. Он идёт к чёрному ходу. Расчётное время подхода — одна минута».

— Одна минута, — повторила Лин. — Что мы делаем?

— Ждём. И слушаем.

Мы замерли. Я стоял у двери в подсобку, Лин — у кофемашины №4. Гирлянда мигала, отбрасывая жёлтые блики на стены. Гул гравитационной станции был низким, почти убаюкивающим. Где-то далеко, в жилых секторах, миссис Грин и мистер Петросян, наверное, спорили о поливе. Где-то в портовом баре Грегор крутил перстень и ждал сигнала. Где-то в административном секторе Вейл поправлял запонки и смотрел на голографическую карточку прабабушки.

А здесь, в «Свежевыжатом», время замедлилось до густоты кофейной пенки.

Стук.

Он раздался из подсобки — резкий, металлический. Рейн не пытался взломать замок тихо. Он хотел, чтобы мы слышали.

Второй удар. Третий. Засов держал, но я слышал, как вибрирует металл.

— Он ломает замок, — тихо сказала Лин.

— Нет. Он проверяет, заперто ли.

Четвёртый удар. Пауза. Затем — тишина. Долгая, звонкая. Я представил, как Рейн стоит по ту сторону двери, в тёмном техническом коридоре, и прикидывает варианты. Ломать дверь силой? У него нет инструментов — только планшет и руки в перчатках. Обойти через главный вход? Слишком публично — кофейня выходит на центральный бульвар, там камеры, там могут быть свидетели.

А потом я услышал звук, от которого у меня похолодело в затылке: тихое, ритмичное жужжание. Магнитный замок. Он пытался открыть его с помощью универсального ключа-карты административного доступа.

— Элли, — прошептал я.

«Вижу. Он использует административный доступ. Магнитный замок я контролирую, но механический засов ему не взломать. Пока».

Жужжание прекратилось. Тишина. Затем — снова удары, теперь громче и чаще. Рейн понял, что магнитный замок не поддаётся, и переключился на механический.

— Он сейчас сорвёт засов, — сказал я.

— Нет, — ответила Лин, и в её голосе прозвучала та самая сталь, которую она обычно прятала за улыбкой бариста. — Элли. Давай.

«Активирую аварийный клапан кофемашины №4 через три секунды. Две. Одна».

Я никогда не слышал, как кричит рассерженный гусь, умноженный на десять. Теперь знаю.

Из кофемашины №4 вырвался столб белого пара — с оглушительным шипением, с металлическим визгом перегретого клапана, с дребезжанием помповой камеры, которая никогда не была рассчитана на такие нагрузки. Пар ударил в стену, отразился и заполнил зал горячей, влажной пеленой. Запахло жжёным кофе — старые остатки молотых зёрен, застрявшие в механизме, испарились в одно мгновение.

Я замер. Лин стояла у машины, не шелохнувшись. Её лицо было спокойным, только глаза блестели в свете гирлянды.

Из подсобки донёсся приглушённый звук — кажется, Рейн отшатнулся от двери. Шаги. Быстрые, удаляющиеся. Он уходил.

Тишина.

Пар медленно оседал на стенах, на чашках, на доске с меню, где «Оправдательный — СЕГОДНЯ» было подчёркнуто тремя линиями. Гирлянда мигала. Всё было как прежде, только в воздухе витал запах жжёного кофе.

Планшет мигнул:

«Рейн покинул технический коридор. Я отслеживаю его по датчикам вибрации. Он возвращается в административный сектор. Его походка ускорена — вероятно, он в ярости. И ещё одно: я зафиксировала, что струя пара задела его правый рукав. Ожогов нет, но его костюм теперь пахнет жжёным кофе».

Лин посмотрела на меня. Я посмотрел на неё. И мы оба расхохотались — тихо, нервно, почти беззвучно. Это был не весёлый смех. Это был смех людей, которые только что поставили паровую ловушку профессиональному убийце и выиграли.

— Жжёный кофе, — выдохнула Лин, вытирая глаза тыльной стороной ладони. — Он будет пахнуть жжёным кофе до самого вечера.

— И все, кто с ним встретится, будут знать, откуда он пришёл, — добавил я.

«Я бы сказала, что это поэтическая справедливость, — написала Элли. — Но я ИИ, и у меня нет чувства поэзии. Только протоколы».

— Врёшь, — сказала Лин. — У тебя отличное чувство поэзии.

Пауза. Затем:

«Возможно. Но это не точно».

Я опустил на стул. Адреналин схлынул, оставив после себя пустоту и лёгкую дрожь в пальцах. Лин подошла к кофемашине №4, открыла крышку и заглянула внутрь.

— Помповая камера цела, — сообщила она. — Но фильтр придётся менять. И, кажется, я сожгла остатки того самого муляжа, который мы подбросили Рейну.

— Значит, улики уничтожены.

— Улики уничтожены, — согласилась она. — А сам Рейн только что получил по рукаву струей пара из кофемашины, в которой, как он думал, лежал настоящий жучок.

Я представил, как Рейн сейчас сидит в административном секторе, пытается оттереть рукав и объясняет Вейлу, что его отразила кофемашина. И, возможно, впервые в жизни чувствует не страх и не ярость, а что-то другое, чему у него нет названия.

Унижение. Его победила кофемашина.

— Это был хороший день, — сказал я.

— День ещё не кончился, — напомнила Лин.

— Знаю. Но этот раунд мы выиграли.

Она взяла турку, налила воды и поставила на плиту. Руки её больше не дрожали.

— Тогда пьём кофе, — сказала она. — За кофемашину №4. И за Тома, который бы гордился ею больше всех.

— Он бы сказал: «Я же говорил, что она ещё пригодится».

— Да. — Лин слабо улыбнулась. — Он всегда так говорил.

Гирлянда мигала. Пар оседал. Ночь приближалась.

Контрольный список

Пар от кофемашины №4 ещё не до конца осел, а Лин уже стояла у стойки с туркой в руке. Я видел: её пальцы всё ещё чуть подрагивают — не от страха, от пережитого напряжения.

Но голос был ровным, а движения точными, когда она засыпала молотый порошок в воду и ставила турку на конфорку.

— Ты как? — спросил я.

— Живая. — Она не обернулась. — И очень хочу, чтобы этот день закончился.

— Он почти закончился. Осталось только подвести итоги.

Лин кивнула, разлила кофе по чашкам — мне в кружку с трещиной, себе в тонкостенный фарфор — и села напротив. Гирлянда мигала над окном. За стеклом, в гидропонном саду, синие ночные лампы уже начинали вечерний цикл. Я достал из кармана накладную Грегора, положил на стол. Лин извлекла из-под стойки планшет с заметками, сделанными за день. Мы переглянулись.

— Давай по списку, — сказал я. — Как пилоты перед взлётом.

— Ты когда-нибудь летал?

— Нет. Но у меня есть «Койот-4», это почти то же самое.

— «Койот-4» не летает. Он дрожит на магнитных захватах и делает вид, что едет.

— Значит, как пилоты перед выездом.

Лин фыркнула и открыла заметки.

— Пункт первый. Жучок и запись.

«На месте, — отозвалась Элли с планшета. — Основной файл хранится в моём резервном буфере. Резервная копия передана Маркусу. Третья копия в памяти сервера диспетчерской, зашифрована. Четвёртая — информационная бомба, готовая уйти в Департамент водных ресурсов Марса, если я не выйду на связь в течение двенадцати часов после начала дегустации».

— Четыре копии, — сказал я. — Чтобы уничтожить запись, Вейлу придётся уничтожить весь узел связи, сервер диспетчерской, планшет Маркуса и саму Элли.

«И ещё муляж жучка, который Рейн унёс в кармане. Но он не в счёт».

— Не в счёт, — согласилась Лин. — Но приятно, что он у него есть.

Она сделала пометку в планшете и продолжила:

— Пункт второй. Накладные.

Я придвинул к ней листок Грегора.

— Оригинал у меня. Копия — у Элли. Ключок Тома — в банке с мукой. Я проверял.

— Банка с мукой, — Лин покачала головой. — Если мы переживём этот день, я испеку из неё самый вкусный пирог в истории колонии.

— С фисташками?

— С фисташками и марсианской ванилью. Тройная порция.

Я кивнул. Пункт был закрыт.

— Пункт третий. Союзники. Маркус?

— Готов. Чип у него.

— Олаф?

— Готов. Придёт с вопросами про списанное оборудование.

— Анна?

— Готовит речь про растения, которые не лгут.

— Мира?

— Сделала своё дело. Корвин до сих пор не подписал приказ.

— Грегор?

«Подтверждаю, — вмешалась Элли. — Грегор выходит на связь каждые два часа. Последнее сообщение: «Жду сигнала. Если что — я в баре, но не пью». Похоже, он всерьёз настроен дать показания».

— Не пьёт, — повторил я. — Это сильно.

— Это Грегор, — сказала Лин. — Когда он не пьёт, значит, ему страшно. А когда ему страшно, он держит слово.

Она пометила ещё один пункт и уже собиралась перейти к следующему, когда планшет мигнул — не тревожно, как во время атаки Рейна, а сдержанно, деловито.

«Входящее сообщение. Отправитель: Хелена Ким, глава финансового отдела».

Мы переглянулись. Хелена Ким. Та самая сухая женщина с очками, которая говорила только цифрами и никогда не выступала против Вейла. Маркус упоминал её утром — говорил, что пригласил, но ответа не получил.

— Читай, — сказала Лин.

Строки побежали по экрану. Голос Элли зазвучал в наушнике — она зачитывала сообщение вслух, и в её интонациях мне почудилось что-то похожее на сдержанное уважение:

«Госпожа Лин. Господин Джон. Я ознакомилась с цифрами, которые мне передал Маркус. Накладные за последний месяц. Я перепроверила их с архивами финансового отдела. Расхождение систематическое, подтверждённое, необъяснимое с точки зрения официальной отчётности. Я не знаю, кто за этим стоит, но цифры не лгут. Я буду на дегустации. С калькулятором и парой острых вопросов к господину Вейлу. Прошу не упоминать моего имени до моего появления».

Лин перечитала сообщение дважды. Потом отложила планшет и взяла свою чашку.

— Она будет. С калькулятором.

— С калькулятором, — повторил я. — Это сильнее, чем с бластером.

Лин слабо улыбнулась.

— Знаешь, что это значит? С ней у нас большинство в совете. Она — пятый голос. Пятеро против Вейла. Такого не было с тех пор, как Маркус голосовал против его назначения.

— Восемь лет, — сказал я.

— Восемь лет, — эхом отозвалась Лин. — И завтра это закончится.

Планшет мигнул снова. На этот раз без сообщения — просто мягкий зелёный свет. Элли ждала.

— Пункт четвёртый, — сказал я. — Дверь.

— Замок держит. Ключ у тебя. Резервное питание — одна минута. Элли подтвердила.

«Подтверждаю».

— Пункт пятый. Кофе.

Лин посмотрела на меня с лёгким недоумением.

— Это не пункт.

— Это самый важный пункт. — Я поднял свою кружку. — Если мы не выпьем кофе перед завтрашним днём, всё развалится.

— Ты просто хочешь ещё кофе.

— Я всегда хочу ещё кофе.

Она покачала головой, но турку взяла. Пока она варила свежую порцию, я оглядел кофейню. Скатерть на столе. Чашки, расставленные по росту. Доска с меню, где «Оправдатель-

ный — СЕГОДНЯ» было подчёркнуто тремя линиями, а ниже красовались названия, которые Лин дописала за день: «Чистосердечное признание», «Срок за хранение», «Ложное алиби». И старая кофемашина №4 в углу, от которой всё ещё тянуло едва уловимым запахом жжёного кофе.

— Знаешь, что я сейчас понял? — спросил я.

— Что мы забыли про круассаны?

— Нет. Что мы превратили кофейню в крепость. Настоящую, с баррикадами, паровой пушкой и планом эвакуации. А ты всё равно печёшь пироги и моешь чашки.

— Крепость без кофе — это просто бункер, — сказала Лин, ставя передо мной турку.
— А бункер — это скучно.

Она налила кофе. Пенка ещё не осела, и запах был именно таким, каким должен быть: горьким, глубоким, с оттенком кардамона. Я взял кружку и поднял её.

— За крепость. И за тех, кто в ней держит оборону.

Лин подняла свою чашку:

— За Тома. И за всех, кто чинит кофемашины.

— За Маркуса и его восемь лет молчания.

— За Олафа и его вопросы.

— За Анну и её растения.

— За Миру и её папку.

— За Грегора и его трезвость.

— За Хелену и её калькулятор.

Мы замолчали. Гирлянда мигала. Гул станции стал ниже — вечер переходил в ночь. Я отпил кофе и посмотрел на Лин.

— Ты готова?

— Всегда готова. — Она встретила мой взгляд и добавила тише: — А ты?

— Вру, что да.

— Это нормально. Я тоже вру.

Она подошла к доске с меню, взяла маркер и подчеркнула надпись «Оправдательный — СЕГОДНЯ» четвёртой, последней линией. Потом нарисовала внизу маленькую кофейную чашку — кривоватую, но старательную. И вернулась за столик.

— Всё, — сказала она. — Можно выдохнуть.

— До завтра.

— До завтра.

Я отставил пустую кружку. Ночь за окном сгустилась, и синие лампы гидропонного сада гасли одна за другой. Где-то там, в административном секторе, Вейл, наверное, всё ещё сидел над картой колонии и не знал, что пятеро из семи членов его совета завтра будут пить кофе в «Свежевыжатом» и задавать вопросы. Где-то там Рейн пытался отчистить рукав от запаха жжёного кофе. Где-то там Корвин всё ещё смотрел на фотографию верстака Тома и не мог заставить себя подписать приказ.

А здесь, в кофейне, гирлянда горела, и мы были готовы. Оставалась только ночь. Тихая ночь перед бурей.

Глава 9. Тихая ночь перед бурей

Полночь. Том

Ночь вошла в кофейню не через дверь — через иллюминатор. Чёрная, глубокая, с редкими огоньками буровых вышек на соседних астероидах, которые мигали, как гирлянда, только холодная и бесконечно далёкая. Мы сидели за моим столиком у стены, и перед нами стояли две пустые чашки из-под кофе. Третью Лин только что сварила — свежую, горячую, с пенкой, которая ещё не осела.

— «Чёрный как космос», — сказала она, ставя турку на стол. — Без надежды. Надежда кончилась ещё вчера. Сегодня только правда.

— Звучит как тост.

— Это и есть тост.

Мы выпили. Кофе был горьким — крепче обычного, словно Лин решила, что этой ночью нам понадобится весь кофеин, какой только можно извлечь из зерна. Я не спорил. Спать мы всё равно не собирались.

Гирлянда над окном горела. Лин так и не выключила её — сказала, что это маяк. Для кого — не уточнила. Может быть, для нас самих.

— Знаешь, о чём я сейчас подумала? — спросила она, глядя не на меня, а куда-то в угол, где темнела старая кофемашина №4.

— О Томе.

— О Томе. — Она слабо усмехнулась. — Ты читаешь мысли.

— Просто я тоже о нём думаю.

Лин взяла свою чашку, сделала глоток и откинулась на спинку стула. В синем ночном свете её лицо казалось моложе — или, может быть, просто расслабленнее. Передник она сняла ещё вечером, и теперь, без него, она была не бариста Лин, а просто Лин. Человек, который слишком давно не спал и слишком много потерял.

— Он пришёл сюда в первый же месяц после открытия, — сказала она. — Я тогда ещё не понимала, что кофемашина — это не тостер, и ставила помол наобум. Он заказал эспрессо, выпил, помолчал и сказал: «У вас помол сбит на полмиллиметра».

— И что ты?

— Чуть не выгнала. — Она фыркнула. — Представляешь? Какой-то техник в засаленном комбинезоне учит меня варить кофе. Я ему: «Спасибо за отзыв, приходите ещё». А он: «Приду. Но сначала вы проверьте калибровку». И ушёл. А я назло ему проверила. И он был прав.

— На полмиллиметра?

— На полмиллиметра. — Она покачала головой. — С тех пор я всегда его слушала. Даже когда он говорил глупости. А он их говорил часто.

— Например?

— Например, он утверждал, что кофемашина — как женщина, и ей нужно утро начать с холостого прогона.

Я хмыкнул.

— Это не глупость. Это метафора.

— Это шовинизм, — отрезала Лин. — Но я прощала ему, потому что он варил хороший кофе. И потому что он был единственным, кто никогда не врал.

Она замолчала. Гирлянда мигала. Я смотрел на кофемашину №4 и вспоминал, как Том однажды вызвался помочь мне с отчётами по патрулям. Это было года три назад, когда администрация ввела новую систему учёта, и я потратил две недели, пытаясь понять, как заполнять графу «категория инцидента». Том зашёл в участок починить кофемашину Миры, увидел мой терминал и сказал: «Шериф, вы неправильно классифицируете мелкие правонарушения. У вас тут драка в баре отмечена как «хулиганство», а по новому регламенту это «нарушение общественного порядка в нерабочее время». Дайте я покажу».

— Он мне однажды отчёты поправил, — сказал я. — Все двадцать три штуки. За месяц. Бесплатно. Сказал: «Цифры не должны врать, даже в бюрократии».

Лин улыбнулась.

— Это его фраза. «Цифры не врут, но люди — да». Он её повторял при каждом удобном случае. Особенно когда проверял накладные.

— Он проверял не только кофемашины?

— Он проверял всё. — Лин поднялась и подошла к старой «Бариста-3000» в углу. Положила руку на корпус. — Вот эту он чинил за неделю до смерти. Обжёгся паром, но не сказал ни слова, пока не закончил. Я заметила только потому что он левой рукой работал, а правая была красная. Говорю: «Том, у тебя ожог». А он: «Техник не должен жаловаться. Техник должен чинить».

— Упрямый.

— До жути. — Она провела ладонью по крышке кофемашины. — Я потом всё думала: почему он не сказал? Мы же друзья. Я бы не стала над ним смеяться. Ну, может, чуть-чуть. Но он не хотел, чтобы кто-то видел его слабость. Даже в такой мелочи.

— Это не слабость, — сказал я. — Это его способ быть сильным. Делать свою работу. Не отвлекаться на боль.

— Да. — Лин вернулась за столик. — Он всегда говорил: «Порядок — это страховка. Беспорядок убивает. Иногда буквально». Я смеялась. А он оказался прав. Беспорядок убил его. Только не в кофемашине, а в накладных.

Я ничего не ответил. Лин смотрела на свою чашку, но не пила. Просто держала обеими руками, как греют замёрзшие пальцы.

— Знаешь, что он сказал мне однажды? — спросила она. — Что самая честная вещь в колонии — это кофемашина. Потому что она либо варит кофе, либо нет. Никакой политики. Никакой лжи. Либо работает, либо нет.

— И что ты ответила?

— Ничего. Я просто запомнила. — Она подняла на меня глаза. — Том был как кофемашина. Он либо работал, либо нет. И он всегда работал. Даже когда его убили — он работал. Жучок, накладные, тайник. Он всё продумал. Как будто знал.

Планшет на стойке тихо загудел. Я поднял голову. Экран светился мягким зелёным, и по нему бежали строки — медленнее, чем обычно. Элли словно подбирала слова.

«Я слышу вас. Я здесь. Не останавливайтесь».

Лин взяла планшет, повертела в руках.

— Ты тоже его помнишь? — спросила она.

«Да. Я помню всё. Я храню его системные запросы, его отчёты о ремонте, его заметки. Он однажды оставил в журнале обслуживания пометку: «Куратор, спасибо за точность датчиков температуры в третьем шлюзе. Это важно». Никто никогда не благодарил меня за датчики. Никто, кроме него».

Лин перечитала сообщение дважды. Потом положила планшет на стол и посмотрела на меня. Её глаза были сухими, но голос дрогнул — чуть-чуть, на самой границе слышимости.

— Он даже Куратора благодарил, — сказала она. — За датчики. Кому вообще приходит в голову благодарить ИИ за датчики?

— Тому.

— Тому, — эхом повторила она.

Гирлянда мигала. Я смотрел на старую голограмму, которую Лин так и не убрала со стола. Том, Лин и я — четыре года назад. Том держал в руках отвёртку с синей ручкой. «Малышка». Я никогда не спрашивал, почему отвёртка с синей ручкой, а не с красной или зелёной. Наверное, потому что синий — цвет спокойствия. Цвет порядка. Цвет человека, который чинит кофемашины и благодарит Куратора за датчики.

— Он не дожил до завтрашнего дня, — тихо сказала Лин. — Но он его начал.

— Он его начал, — подтвердил я. — А мы закончим.

Лин взяла турку, налила остатки кофе в мою кружку с трещиной — ту самую, из которой она пила весь вечер, — и пододвинула ко мне.

— За Тома.

— За Тома.

Мы выпили. Кофе был холодным, но всё ещё вкусным. За окном, в чёрной пустоте, мигали далёкие огоньки. Где-то там, в недрах колонии, гравитационная станция тянула свою бесконечную ноту. Том больше не чинил кофемашины. Но его отвёртка с синей ручкой всё ещё лежала где-то — может быть, в мастерской, может быть, у Рейна, может быть, в тайнике, который мы ещё не нашли. И его цифры всё ещё были у нас. И его голос всё ещё ждал завтрашнего дня, чтобы прозвучать.

Глухая ночь. Прошное Лин

Тишина после разговора о Томе была не пустой — полной. Такой, какая бывает, когда слова больше не нужны, но присутствие остаётся. Мы сидели и молчали, и это молчание было удобным, как старая кружка, из которой пьёшь годами.

Лин смотрела на турку. Не на кофемашину — на старую медную турку, которую я видел сотни раз у неё на плите, но никогда не спрашивал, откуда она. Турка была потёртой, с вмятиной на боку и деревянной ручкой, потемневшей от времени. Лин вертела её в руках, и в этом жесте было что-то ритуальное — словно она не просто держала кухонную утварь, а перебирала воспоминания.

— Откуда она у тебя? — спросил я.

Лин подняла глаза — не удивлённо, скорее оценивающе: стоит ли рассказывать? Потом кивнула каким-то своим мыслям и поставила турку на стол между нами.

— От матери.

Она редко говорила о прошлом. Я знал только, что она с Марса, что открыла кофейню десять лет назад и что где-то в её истории есть пробел, который она не заполняла даже для меня. Может быть, эта ночь была исключением. Может быть, близость завтрашнего дня развязала ей язык. А может, просто пришло время.

— Она держала закусную, — продолжала Лин. — В одной из старых колоний, ещё до Большой экспансии. Знаешь, как это бывает: маленькое помещение, пять столиков, меню на доске. Она варила кофе в этой турке каждое утро. Говорила: «Хороший кофе не спасает мир, но помогает его пережить».

— Мудрая женщина.

— Она была усталой женщиной, — поправила Лин. — Вдова с ребёнком на руках, в колонии, где каждый второй мечтал улететь. Но кофе варила хорошо. Лучше всех в секторе. И знаешь, что самое забавное?

— Что?

— Она никогда не пила его сама. Говорила, что ей хватает запаха. Что запах кофе — это и есть вкус, только без горечи.

Я посмотрел на турку. Медный бок тускло блестел в свете гирлянды. Я представил женщину, которую никогда не видел: усталую, но держащую спину прямо, как Лин, варящую кофе для посетителей и никогда не делающую глоток.

— Ты поэтому стала бариста? — спросил я. — Из-за неё?

— Из-за неё. И из-за того, что больше ничего не умела. — Лин слабо усмехнулась. — Я прилетела сюда десять лет назад. Думала: останусь на полгода, заработаю на билет, полечу дальше. На Землю, может быть. Или на Титан — там, говорят, нужны специалисты по гидропонике, а я немного разобралась.

— Ты разбираешься в гидропонике?

— Я разбираюсь во всём, что растёт. Кофе, помидоры, люди. Общий принцип один: если что-то не растёт, значит, ему не хватает света. Или воды. Или смысла.

Она отпила кофе. Я ждал, не перебивая. Такие разговоры нельзя торопить.

— Я открыла кофейню в первый месяц, — продолжила она. — Сняла этот отсек, покрасила стены, повесила гирлянду. Тогда она была короче — я добавляла по диоду каждый год. Первый месяц ко мне почти не заходили. Думали, что бариста-одиночка долго не продержится. А я держалась. Варила кофе, пекла печенье, мыла чашки. И однажды утром поняла, что прошло полгода, а я так и не купила билет.

— И ты осталась.

— Я осталась, — она кивнула. — Не потому что полюбила колонию. Потому что полюбила это место. Вот этот зал. Эти чашки. Эту гирлянду. Когда ты каждый день варишь кофе в одном и том же помещении, оно начинает пахнуть тобой. И однажды ты понимаешь, что уже не можешь уйти. Потому что уйти — значит оставить здесь часть себя.

Я оглядел кофейню. Скатерть, которую она постелила для дегустации. Чашки, расставленные на стойке. Доску с меню, где «Оправдательный» был подчёркнут дважды. И гирлянду, которая горела, как маяк.

— Я как-то спросил тебя, почему ты не улетишь, — сказал я. — Ты ответила: «Потому что здесь мой кофе».

— Да. — Лин посмотрела на меня. — Это была не шутка.

— Я знаю.

Она взяла турку и снова повертела в руках. Потом поставила на стол, но не отодвинула — оставила между нами, как связующее звено между прошлым и настоящим, между мёртвой матерью и живой дочерью, между старой марсианской закуской и «Свежевыжатым кофе».

— Я никогда не жалела, — сказала она тихо. — Даже сейчас. Даже когда всё это. Я вообще не умею жалеть. Мама говорила: «Жалеть — значит смотреть назад. А кофе варят, глядя вперёд».

— Хороший принцип.

— Рабочий. — Она взяла турку, поднялась и поставила её на плиту. — Ладно. Хватит обо мне. Ты ещё не рассказал, как сам оказался здесь.

Я промолчал. Лин обернулась и посмотрела на меня — тем самым взглядом, которым она сканировала посетителей и ставила диагноз за секунду.

— Джон.

— Я расскажу, — сказал я. — Только ещё кофе.

Она кивнула, налила воду в турку, засыпала молотый порошок. Запахло кофе — горьким, с оттенком кардамона, как всегда, когда Лин варила вручную. Я смотрел на неё и думал, что за десять лет она ни разу не изменила своему ритуалу. Турка, вода, две ложки порошка. Медленный нагрев. Пенка, поднимающаяся к краю. Это было не приготовление напитка. Это был акт веры. В то, что мир ещё можно удержать на своих плечах, если каждое утро варить кофе.

Предрассветный час. Прошлое Джона

Ночь перевалила за середину. Я не смотрел на часы, но чувствовал это по тому, как изменился гул гравитационной станции — он стал глубже, медленнее, словно колония тоже засыпала, хотя бы на час. Лин снова стояла у плиты. Турка нагревалась, и по кухне плыл запах свежемолотого кофе — на этот раз без кардамона, чистый, резкий, как медицинский спирт.

— «Чёрный как космос», — сказала она, разливая кофе по чашкам. — Утро близко. Надежды нет. Будем пить правду.

— Ты повторяешься.

— Правда не меняется.

Она поставила чашку передо мной и села напротив. Я взял чашку обеими руками, чувствуя, как тепло расходится от ладоней к запястьям, к локтям, куда-то глубже. Мы молчали. Лин ждала. Она умела ждать — терпеливо, не давя, просто присутствуя. Может быть, именно поэтому я заговорил.

— Ты спросила, как я оказался здесь.

— Да. Но если не хочешь — не рассказывай.

— Хочу. Просто... — Я осёкся. Подбирать слова было трудно, как вытаскивать осколки стекла из старой раны: вроде зажило, а всё равно больно. — Просто я никогда никому этого не рассказывал.

Лин ничего не ответила. Она просто сидела напротив, обхватив чашку ладонями, и смотрела на меня — без жалости, без любопытства, с тем спокойным вниманием, которое стоит дороже любых вопросов.

Я отпил кофе и начал.

— Я служил в силах безопасности на Марсе. Не в полиции — в корпоративной службе. Мы охраняли грузовые порты, расследовали хищения, контрабанду, махинации с топливом. Работа была грязная, но я любил её. Тогда любил.

— Когда это было?

— Давно. Лет пятнадцать назад. У меня был напарник. Хороший человек. Честный. Он верил, что если найти правду и предъявить её кому следует — система сработает. Я тоже верил.

Я замолчал. Лин ждала.

— Мы вели одно дело, — продолжил я. — Мелкое, на первый взгляд. Кто-то списывал топливо с грузовых кораблей. Не сотнями литров — десятками. Но регулярно. Мы начали копать. Напарник копал глубже, чем я. Он нашёл связь с одним из марсианских департаментов. Не напрямую — через подставные компании, через липовые накладные. В общем, всё как здесь, только с топливом вместо воды.

— И что случилось?

— Его нашли в техническом шлюзе. Несчастный случай, сказали. Разгерметизация. Он был опытным техником — знал шлюзы как свои пять пальцев. Но в отчёте написали: ошибка доступа, нештатная ситуация, жертв нет. Одна жертва. Единственная.

Я отпил ещё кофе. Он был горьким, обжигал горло.

— Я не смог его защитить. Я был рядом. Мы работали в одном отсеке за час до этого. Он сказал: «Я, кажется, нашёл кое-что. Завтра покажу». Не показал.

Лин молча накрыла мою руку своей — не сжала, просто положила сверху. Ладонь у неё была тёплой и сухой, как у человека, который много работает с горячими турками и при этом никогда не обжигается.

— Ты не виноват, — сказала она.

— Я знаю. — Я посмотрел на наши руки. — Я твердил себе это пятнадцать лет. Иногда даже верил.

— А сейчас?

— Сейчас — да. Но это не возвращает его.

Лин убрала руку — не резко, а мягко, словно давая мне пространство. Я допил кофе и поставил чашку на стол.

— После этого я ушёл из службы. Подал рапорт, сдал значок, купил билет на первый попавшийся корабль. Им оказался грузовик до «Little World». Я планировал остаться на месяц — переждать, подумать, куда дальше. Но на второй день меня вызвал тогдашний шериф — старик, который уходил на покой. Сказал: «Ты служил на Марсе. У тебя опыт. Мне нужен зам. Поработаешь полгода, а там посмотрим». Я согласился. Полгода превратились в год. Год — в девять лет. Шериф ушёл, я занял его место. И как-то... остался.

Лин слабо усмехнулась.

— Знакомая история. «Останусь на полгода». А потом гирлянда, чашки и кофе.

— Да. Наверное, мы все так или иначе остаёмся. Не потому что колония держит — потому что здесь есть за что держаться.

— За что ты держался?

Я посмотрел на неё. Потом на гирлянду. Потом на доску с меню, где «Оправдательный» был подчёркнут дважды.

— За порядок. За то, чтобы можно было варить кофе и не бояться, что за тобой придут. За то, чтобы такие, как Том, могли чинить свои машины и не умирали за цифры. За то, чтобы миссис Грин и мистер Петросян ссорились из-за помидоров, а не из-за того, что воду отключили.

— За маленьких людей, — сказала Лин.

— Да. За маленьких людей. Потому что большие люди всегда как-нибудь выкрутятся. Им есть куда улететь. А маленьким — некуда. У них только эта колония. Эта кофейня. Эта гирлянда.

Лин встала, подошла к плите и снова взялась за турку. Но не стала варить — просто держала в руках, как держала весь вечер. Я видел, как её пальцы гладят вмятину на медном боку.

— Ты боишься, что история повторится? — спросила она. — Что ты снова кого-то потеряешь?

— Да. — Я не стал врать. — Каждый день. Особенно сейчас.

— Я не твой напарник, Джон. Я не умру в шлюзе.

— Я знаю. Ты умрёшь за стойкой, с туркой в руке, от старости. Лет через пятьдесят.

— Это было бы неплохо. — Она поставила турку на плиту и повернулась ко мне. — Но если завтра что-то пойдёт не так — это не твоя вина. Ты понимаешь?

— Понимаю.

— Врёшь.

— Вру, — согласился я. — Но я работаю над этим.

Лин покачала головой и села обратно. За окном, в гидропонном саду, ещё горели ночные лампы, но синий свет уже начал меняться — едва заметно, на самой границе восприятия. Ночь уходила. Рассвет ещё не наступил, но он был близок.

— Знаешь, что я думаю? — спросила она.

— Что?

— Что ты остался здесь не из-за порядка. И не из-за помидоров миссис Грин.

— А из-за чего?

— Из-за того же, из-за чего я. Потому что однажды ты зашёл в кофейню, выпил чашку кофе, и кто-то сказал тебе: «Чёрный как космос». И ты понял, что здесь — дом.

Я посмотрел на свою кружку с трещиной. На гирлянду. На Лин, которая сидела напротив меня в простой тёмной кофте, с распущенными волосами и следами меловой пыли на пальцах.

— Да, — сказал я. — Так и было.

Она кивнула. Ничего не добавила. Мы сидели в тишине, и кофе остывал в чашках, и гирлянда мигала жёлтым. Завтрашний день приближался, но пока — была ночь. Тихая ночь перед бурей. И я впервые за долгое время не чувствовал себя одиноким.

Перед рассветом. Ключ

Разговор иссяк. Мы сидели в тишине, и это была хорошая тишина — не та, что повисает, когда слова кончились, а сказать нечего, а та, что приходит, когда всё уже сказано и можно просто быть рядом. Гирлянда мигала. За окном, в гидропонном саду, синие ночные лампы начинали едва заметно тускнеть — рассвет ещё не наступил, но он уже дышал где-то за переборками.

Лин встала. Не резко — плавно, как делала всё, что требовало точности. Подошла к стойке, выдвинула верхний ящик и достала оттуда ключ. Не магнитную карту — настоящий металлический ключ с бородкой, какие в колонии почти не использовали. Я видел этот ключ раньше — он висел у неё на крючке в подсобке, старый, с потёртой головкой, явно сделанный ещё до того, как электронные замки стали стандартом. Лин никогда им не пользовалась, но всегда держала в ящике, на случай если откажет электричество или заблокируют систему.

Сейчас она вертела его в пальцах, как до этого вертела турку, и я вдруг понял, что она волнуется. Не за завтрашний день — за этот жест.

Она вернулась к столу и положила ключ передо мной.

Я посмотрел на ключ. Потом на неё.

— Что это?

— Ключ.

— Я вижу, что ключ. Зачем?

Лин села напротив, обхватила ладонями пустую чашку и заговорила — тихо, но без дрожи в голосе.

— Если завтра что-то пойдёт не так... если нас арестуют, или разгонят, или ещё что... в общем, если меня не будет в кофейне, а тебе нужно будет войти — у тебя должен быть ключ.

— У меня есть чёрный ход.

— Чёрный ход могут заблокировать. Элли могут отключить. Магнитный замок без электричества — просто кусок металла. — Она кивнула на ключ. — А этот — нет. Он механический. Старый. Ему не нужно электричество, не нужна сеть, не нужна Элли. Просто вставь и поверни. Он работает всегда.

Я взял ключ. Он был тяжёлым — не пластиковая карта, не магнитная полоса, а настоящий металл, тёплый от её пальцев. Бородка стёрлась за десятилетия, но всё ещё держала форму. На головке кто-то выгравировал три буквы: «СВК». Свежевыжатый кофе. Я представил, как Лин десять лет назад заказывала этот ключ у старого слесаря — на всякий случай, потому что не доверяла электронике так же, как я не доверял кофемашинам.

— Это не просто ключ, — сказал я.

— Нет. — Лин посмотрела мне прямо в глаза. — Это твой дом. Всегда был. Просто теперь у тебя есть от него ключ.

Я вертел ключ в пальцах. Металл уже нагрелся от моей руки. Потёртая гравировка «СВК». Место, куда я заходил каждое утро девять лет подряд. Где я пил «Чёрный как космос». Где Лин смеялась над моим ковбойским способом варки. Где Том читал мне лекции о помоле. Где мы с Лин и Элли планировали разоблачение Вейла. Где миссис Грин и мистер Петросян мирились после ссоры из-за помидоров. Где всё было по-настоящему.

Я расстегнул куртку и положил ключ во внутренний карман — туда, где раньше висел значок шерифа. Значка там не было уже несколько дней, но пустота ощущалась до сих пор. Теперь её заполнил ключ. Холодный металл коснулся накладной Грегора — бумага и сталь, два документа, две страховки.

— Я знаю, — сказал я.

Лин кивнула. Она не улыбалась. Она смотрела на меня серьёзно и спокойно, как смотрят на человека, с которым прожили десять лет и которому только что сказали то, что давно пора было сказать.

— Хорошо.

Она взяла пустые чашки, отнесла к раковине и принялась мыть — молча, машинально, как делала каждый вечер перед закрытием. Я остался за столиком. Ключ лежал во внутреннем кармане, и я чувствовал его — не тяжесть, а присутствие. Маленький кусочек металла, который значил больше, чем значок. Больше, чем бластер. Больше, чем всё, что у меня когда-либо было.

За окном синие лампы ещё держались — рассвет был близок, но ещё не наступил. До утра оставалось несколько часов. Мы сидели вдвоём в пустой кофейне, и тишина была не тягостной, а полной — как чашка хорошего кофе, из которой не хочется пить быстро.

Гирлянда горела. Ночь длилась, и мы длились вместе с ней.

Рассвет. Начало дня

Синие лампы гидропонного сада гасли одна за другой. Я смотрел на это сквозь иллюминатор и думал, что в колонии никогда не бывает настоящего рассвета — нет солнца, которое медленно поднимается над горизонтом, нет золотистого света, заливающего стены. Вместо этого зажигаются фиолетовые лампы дневного цикла, и всё вокруг становится резким, контрастным, будто кто-то включил рубильник. Так было каждое утро все девять лет, что я здесь прожил. Но сегодня этот резкий свет казался почти торжественным.

Лин стояла у плиты и варила кофе. За эту ночь она, кажется, сварила его больше, чем за всю предыдущую неделю, — и каждый раз по-разному. «Чёрный как космос» с надеждой. «Чёрный как космос» без надежды. «Чёрный как космос» с кардамоном. Сейчас она варила просто кофе — без названия, без ритуала, просто потому что наступило утро и нужно было начинать день.

Я проверил внутренний карман. Накладная Грегора была на месте — потёртая бумага, сложенная вчетверо, с жирным пятном в углу. Рядом лежал ключ из потемневшего металла, с едва заметной гравировкой «СВК» на головке. Я нащупал его пальцами и почему-то успокоился.

— Не спится? — спросила Лин, не оборачиваясь.

— Уже утро.

— Я заметила.

Она разлила кофе по чашкам — в мою, с трещиной по ободку, и в свою, тонкостенную фарфоровую. Подошла к столу, поставила чашки и села напротив. Вид у неё был уставший, но собранный — как у человека, который провёл ночь без сна, но не потратил ни одной минуты зря.

— Ты не спала вообще, — сказал я.

— Ты тоже.

— Я привык.

— Я тоже.

Мы выпили кофе. Он был горячим, горьким и совершенно обыкновенным — не «Чёрный как космос», не «Оправдательный», не «Лунный экспресс». Просто кофе. Таким, наверное, он был в самой первой чашке, которую Лин сварила в этой кофейне десять лет назад — до того, как придумала все свои названия, до того, как гирлянда разрослась на полтора метра, до того, как Том впервые зашёл и сказал про помол.

Лин поймала мой взгляд.

— О чём ты?

— О том, как ты начинала. Десять лет назад. Первая чашка.

— Первая чашка была ужасной, — сказала она. — Я переварила кофе, обсчиталась с пропорциями и забыла выключить плиту. Пенка убежала.

— А ты говорила, что всегда умела варить.

— Я врала. — Она слабо усмехнулась. — Ну, не врала — приукрашивала. Первая чашка была отвратительной. Но её всё равно кто-то выпил.

— Кто?

— Старый механик из грузового сектора. Я даже не запомнила его имени. Он зашёл, выпил, поморщился и сказал: «Ничего, научитесь». И ушёл. А я стояла и думала: «Если этот человек смог выпить мою бурду и не выплюнуть — значит, я на правильном месте».

— Ты была на правильном месте.

— Да. — Она посмотрела на гирлянду. — И до сих пор.

Планшет на стойке загудел — не тревожно, как вчера, а деловито. Элли просыпалась вместе с колонией.

«Доброе утро. До дегустации десять часов. Я провела ночной мониторинг. Рейн не покидал административный сектор. Вейл был активен до трёх ночи — я фиксировала работу с терминалом и несколько зашифрованных сообщений. Содержание расшифровать не удалось».

— Он готовится, — сказал я.

— Как и мы.

«Также я зафиксировала, что Корвин подписал повестку о вызове Джона в трибунал. Официальное уведомление поступит сегодня утром. Вероятно, он передаст его лично».

Мы переглянулись.

— Значит, точка невозврата, — сказала Лин.

— Мы её уже прошли. Осталось только дойти.

«Я также проверила каналы связи, — продолжала Элли. — Внешние экраны пока работают, но запрос Вейла на их отключение всё ещё активен. Вероятно, он активирует его незадолго до дегустации. Я подготовила резервный план: планшеты, внутренние мониторы, корабельные каналы. Если экраны погаснут — через десять секунд запись пойдёт по альтернативным маршрутам. Он не сможет заглушить всех».

— Десять секунд, — сказал я. — Это быстро.

«Это очень быстро. Но эти десять секунд будут самыми долгими в вашей жизни».

Лин допила кофе и встала. Подошла к доске с меню, взяла мел и подчеркнула надпись «Оправдательный — завтра» ещё одной линией — третьей. Потом перечеркнула слово «завтра» и сверху, тем же мелом, вывела: «СЕГОДНЯ».

— «Оправдательный — сегодня», — прочитал я вслух.

— Да. — Она повернулась ко мне. — Пора.

Я встал из-за стола, проверил накладную Грегора во внутреннем кармане и поправил куртку. Ключ тихо звякнул, коснувшись пластикового края. Лин заметила этот звук — и ничего не сказала. Просто кивнула.

— Ты куда сейчас?

— В участок. Мира говорила, что Корвин передаст повестку лично. Хочу встретить его там.

— А потом?

— Потом — проверю чёрный ход, свяжусь с Маркусом и вернусь сюда. К пяти буду.

— К пяти, — повторила она.

Я направился к двери. Уже взялся за ручку, когда Лин окликнула меня.

— Джон.

Я обернулся. Она стояла у стойки, поправляя передник — тот самый, с вышитой чашкой, который она сняла вчера вечером и надела снова сегодня утром.

— Спасибо, — сказала она. — За эту ночь.

Я кивнул. Открыл дверь и вышел в коридор.

Утренний свет заливал транспортный коридор холодным фиолетовым. Гравитационная станция гудела. Где-то там, в административном секторе, Вейл допивал свой растворимый кофе и готовил последний удар. Где-то там Корвин перечитывал повестку и не знал, что сегодня вечером всё изменится. Где-то там Маркус, Анна и Олаф ждали сигнала. Где-то там Грегор сидел в баре «Шлюз» и крутил свой перстень.

А здесь, в «Свежевыжатом», гирлянда горела. И Лин стояла за стойкой. И на доске с меню было написано: «Оправдательный — СЕГОДНЯ».

Я пошёл к «Койоту». День начался.

Глава 10. Точка невозврата

Утро. Пробуждение и ритуал

Просыпаться на астероиде в день, когда всё должно решиться, — это особый талант. Гравитационная станция загудела в шесть тридцать, как всегда, но сегодня её гул показался мне ниже. Или это я стал ниже. Или просто нервы, которые за двое суток без нормального сна научились резонировать с любым звуком.

Я сел на кровати, провёл ладонью по лицу. Щетина уже не кололась — стала мягкой, как старая проводка. Пора бы побриться. Может, завтра. Если будет завтра.

В иллюминаторе ничего не изменилось. Чёрная пустота, редкие огоньки буровых вышек, и та самая лампа на дальней мачте, которая мигала с перебоем. Я смотрел на неё каждое утро девять лет. Сегодня она мигала точно так же, как вчера, — с интервалом в четыре секунды. Это немного успокаивало. Не всё в колонии сошло с ума. Хотя бы лампа держалась.

Я прошлёпал босиком к кухонному углу. Плита, турка, вода, две ложки молотого порошка из банки с маркировкой «Свежевыжатый». Ритуал, который держал меня на плаву все эти годы. Сегодня он был нужен больше, чем когда-либо. Не из-за кофеина — из-за самого процесса. Пенка поднимается медленно. Запах — сначала горький, потом глубокий. Я смотрел, как кофе подходит к краю, и старался ни о чём не думать. Не о Вейле. Не о дегустации. Не о Рейне, который, по словам Элли, проверял чёрный ход сегодня ночью. Только я и кофе. И чёрное небо за иллюминатором.

Получилось не очень.

Я перелил кофе в кружку с трещиной, сел за стол и сделал первый глоток. Обжёг язык. Живой. Хорошо. Сегодня нужно быть живым.

В старых фильмах, которые я смотрел мальчишкой на Марсе, герои перед решающим боем всегда говорили что-то пафосное. Или смотрели вдаль с каменным лицом. Или, на худой конец, писали письма домой. Я сидел за столом в одних трусах, пил кофе из кружки с трещиной и пытался понять, хватит ли мне одной чашки, или лучше сварить вторую прямо сейчас. Письма писать было некому. Пафосных фраз я не знал. А каменное лицо у меня не получалось — щетина мешала.

Я сварил вторую чашку.

Потом оделся. Бластер не проверял — его не было. Вместо него во внутреннем кармане лежали две вещи: накладная Грегора, сложенная вчетверо, и механический ключ от «Свежевыжатого». Я нащупал ключ пальцами. Металл был холодным снаружи и тёплым внутри — нагрелся от моего тела за те часы, что я носил его не снимая. Лин дала его мне ночью, когда всё было сказано. «Если что-то пойдёт не так, — сказала она тогда, — у тебя должен быть ключ». Я не спросил, что именно может пойти не так. Мы оба знали список. Он был длинным.

На груди, где раньше висел значок, теперь была только выцветшая ткань. Я машинально провёл по этому месту ладонью — привычка, от которой я не избавился за двое суток. Пусто. Но уже не так раздражает. Может, привыкаю. Может, просто есть о чём думать, кроме значка.

В дверь стучать не стали. Лин знала, что я приду сам. Она вообще знала всё, что нужно, и никогда не тратила слов впустую. Это было одним из многих её качеств, которые я ценил, но никогда не называл вслух.

Я допил вторую чашку, бросил последний взгляд в иллюминатор и вышел в коридор. Гул гравитационной станции провожал меня, как старый друг. И, как старый друг, он молчал. Впереди был день. Впереди была дегустация. Впереди был Вейл, который, наверное, уже допил свой растворимый кофе и сейчас поправлял запонки перед зеркалом, готовясь к вечеру. Интересно, чувствовал ли он то же, что я? Нет, решил я. Он не пил нормальный кофе. А без кофе страшно ощущается иначе — как цифры в отчёте, а не как холод в затылке.

Я вошёл в «Свежевыжатый» через служебный вход. Лин уже стояла у стойки. При моём появлении она не обернулась — просто подвинула турку на конфорку и сказала:

— Третья чашка будет?

— Будет, — ответил я. — Сегодня день долгий.

— Сегодня день последний, — поправила она. — Это разница.

Я сел за свой столик у стены. Она налила кофе. Мы помолчали. Гирлянда мигала. На доске с меню «Оправдательный — СЕГОДНЯ» было подчёркнуто уже тремя линиями, и меловая пыльца осела на бортик, как лунная пыль.

Я проверил внутренний карман. Ключ был на месте. Накладная Грегора шуршала при каждом движении. Через несколько часов всё закончится. Так или иначе.

Лин поймала мой взгляд.

— Ты как? — спросила она.

— Вру, что готов.

— Это нормально, — она взяла свою чашку. — Я тоже вру.

За окном, в гидропонном саду, фиолетовые лампы начинали утренний цикл. День начался.

Утро. Визит Корвина

Колокольчик звякнул в четверть десятого. Я не обернулся — сидел лицом ко входу по старой привычке, от которой не избавиться даже под угрозой трибунала. Лин стояла у стойки и протирала чашку. Ту самую, фарфоровую, с тонкими стенками, которую берегла для особых случаев. Или для дней, которые этого заслуживали. Сегодняшний, видимо, подходил под оба определения.

Корвин вошёл, и я сразу заметил: что-то не так. Нет, он был в том же безупречном сером костюме земного покроя. И пахло от него всё тем же антисептиком. Но пиджак сидел криво — левое плечо ушло на полсантиметра ниже правого, — а галстук был затянут слабее, чем требует устав. Под глазами залегли тени, глубокие и зеленоватые, как у человека, который не спал двое суток и за это время успел проиграть какую-то важную внутреннюю войну.

В руках он держал планшет. Я знал, что на экране. Повестка. Дело номер семь-Т. Передача в колониальный трибунал.

Лин перестала протирать чашку.

— Господин Корвин, — сказала она ровно. — Чай? Или сегодня вы всё-таки рискнёте кофе?

Он покачал головой. Не резко — устало.

— Воды. Если можно.

Лин налила ему воды из графина. Он взял стакан обеими руками, но не сделал ни глотка. Просто держал, как держат вещь, которая не даёт рукам дрожать. Потом положил планшет на стойку, экраном вверх. Строчки приказа светились холодным синим.

— Шериф Джон, — произнёс он, и голос у него был не такой, как в прошлые разы. Тише. Суше. — Я обязан уведомить вас официально. Дело передаётся в колониальный трибунал. Слушание назначено на завтра, девять утра.

Я не притронулся к планшету. Просто смотрел на Корвина. На его пальцы, сжимавшие стакан. На то, как он избегает моего взгляда. На то, как его левая рука — та, что не держала стакан, — машинально коснулась нагрудного кармана и тут же отдёрнулась, словно он укололся.

Я видел этот жест раньше. Так делают люди, которые носят в кармане что-то, о чём не хотят говорить, но не могут выбросить.

— Завтра в девять, — повторил я. — Вы продержались дольше, чем я ожидал.

Он вздрогнул. Не от моих слов — от того, что я вообще заговорил. Пауза растянулась. Лин отошла к плите, сделала вид, что поправляет турку. Корвин проводил её глазами и вдруг спросил — тихо, совсем не официально:

— Шериф... могу я спросить?

Я ждал.

— Почему вы не пытались бежать? — Он поднял глаза, и в них была муть, как в чашке с растворимым кофе, когда порошок не до конца растворился. — Вы ведь знали, что за вами придут. У вас было время. У вас были связи. Грузовой сектор, частные перевозчики... Вы могли уйти. Почему вы остались?

В кофейне стало тихо. Так тихо, что я слышал, как гудит резервный аккумулятор кофемашины №4 и как где-то далеко, в грузовом доке, переключаются погрузчики.

Я посмотрел на него. На его мятый галстук. На его дрожащие пальцы. На его карман, где, я теперь почти не сомневался, лежала фотография верстака Тома — та самая, которую Мира подложила ему два дня назад.

— Потому что я не убивал Тома, — сказал я. — А вы это знаете.

Корвин замер. Его лицо не изменилось — он был слишком хорошим бюрократом, чтобы терять лицо, — но рука, сжимавшая стакан, побелела в костяшках. Он поставил стакан на стойку. Звук получился слишком громким.

— Я... — начал он и осёкся. Потом отдернул руку от планшета, развернулся и пошёл к двери. Быстрее, чем требовала вежливость. Быстрее, чем позволял протокол.

У самого выхода он на секунду задержался. Не обернулся. Просто стоял, держась за ручку двери, и молчал.

— Я не подписал финальный отчёт, — сказал он тихо. — Ещё нет.

И вышел.

Колокольчик звякнул. Дверь закрылась. Планшет с повесткой остался лежать на стойке, и его экран медленно гас, сворачивая строчки приказа.

Лин взяла стакан, из которого Корвин так и не сделал ни глотка, и вылила воду в раковину.

— Он почти наш, — сказала она.

— Почти, — согласился я.

— Что у него в кармане?

— Думаю, фотография. С верстака Тома. С правилами.

— Мира?

— Мира.

Лин кивнула. Ничего не добавила. Просто взяла турку и налила мне третью чашку. На этот раз — без названия. Просто кофе. Горячий. Живой.

Я взял кружку и посмотрел на планшет, оставленный Корвиным. Повестка всё ещё светила. Я не стал её выключать. Пусть лежит. Как напоминание о том, что дедлайн — не приговор, пока человек, который его назначил, не может заставить себя подписать бумаги.

Гирлянда мигала. За окном, в гидропонном саду, фиолетовые лампы набирали дневную яркость. Я отпил кофе и подумал, что Корвин, возможно, впервые за много лет сделал что-то не по протоколу. И что это что-то — вопрос, который он задал мне, — стоил ему больше, чем весь его тридцатилетний стаж.

Лин поймала мой взгляд.

— Думаешь, он придёт вечером?

— Придёт, — сказал я. — Он уже слишком далеко зашёл, чтобы отступить.

— Как мы все.

— Как мы все, — согласился я и допил кофе.

День. Список приглашённых и Селина

Корвин ушёл, а планшет с повесткой остался лежать на стойке. Лин не стала его убирать — просто отодвинула в сторону, как отодвигают вещь, которая пока не нужна, но может пригодиться. Я допил третью чашку и уже подумывал о четвёртой, когда экран её собственного планшета мигнул зелёным.

— Элли, — сказала Лин, не глядя на экран.

«Список гостей подтверждён, — побежали строки. — Маркус, Анна, Олаф, Хелена, Корвин, Вейл, Селина Вейл. Семеро. Кворум совета — пятеро из семи. С Корвиным — шестеро присутствующих, если он придёт. Я бы сказала, что расклад в нашу пользу, но я ИИ и не должна давать оценок. Поэтому просто сообщаю факт».

— Селина Вейл, — произнёс я, глядя на последнее имя. — Сестра?

Лин оторвалась от турки и повернулась ко мне.

— Маркус настоял. — Она пожала плечами — тем самым движением, которое означало не безразличие, а скорее принятие чужого решения. — Сказал, что она всегда голосует с братом, но при этом никогда не смотрит ему в глаза.

— И что это значит?

— По мнению Маркуса — что она ждала повода не предать. Восемь лет.

Я откинулся на спинку стула. Селина Вейл. Я видел её несколько раз — на официальных приёмах, в административном секторе, всегда в тени брата, всегда с вежливой полуулыбкой, которая ничего не говорила. Она не выступала на заседаниях, не участвовала в дебатах, не появлялась в кофейне. Единственное, что я о ней знал, — она пьёт латте. Лин как-то упомянула это вскользь, и я запомнил, потому что в семье Вейл это было почти вызовом.

— Что ты о ней знаешь? — спросил я.

Лин взяла паузу. Она вообще умела брать паузы — не для эффекта, а чтобы подобрать слова.

— Она пришла в совет через год после назначения Элиаса, — сказала она наконец. — До этого работала в отделе по связям с Марсом. Тихая, компетентная, ни с кем не ссорилась. Когда брат поставил её на место главы отдела, никто не возражал. Даже Маркус.

— Потому что она хороший специалист или потому что Вейл продавил?

— И то, и другое. — Лин взяла чашку, сделала глоток. — Она умна. Но она всегда была в тени. Сначала тени прабабушки, потом тени брата. Знаешь, что она заказала, когда единственный раз зашла в кофейню?

— Латте.

— Латте, — подтвердила Лин. — Без сахара. С корицей. Я запомнила, потому что это был первый и последний раз, когда кто-то из семьи Вейл переступил мой порог. Она сидела у окна, смотрела в гидропонный сад и молчала. Я подошла спросить, понравился ли кофе. Она сказала: «Очень. Но я больше не приду». И ушла.

— Почему?

— Не сказала. Но я думаю, брат узнал. И ей стало... неудобно. — Лин поставила чашку на стойку. — Она пьёт латте, Джон. Единственная в семье, кто признаёт, что горькую правду нужно смягчать.

Я хмыкнул. В устах Лин это прозвучало как вердикт — мягкий, но окончательный.

— Значит, либо предана до гроба, — сказал я, — либо ждала повода не предать.

— Либо и то, и другое понемногу. — Лин снова взялась за турку. — Такие, как она, не предают громко. Они просто однажды перестают молчать.

Планшет мигнул снова:

«Я проанализировала записи заседаний совета за последние восемь лет. Селина Вейл выступала публично двенадцать раз. Все двенадцать — по процедурным вопросам. Ни одного политического заявления. Ни одной прямой поддержки брата, кроме формального голосования. Ни одного взгляда в его сторону во время прений. Я бы сказала, что это статистически значимое молчание».

— Статистически значимое молчание, — повторил я. — Звучит как диагноз.

— Звучит как надежда, — поправила Лин. — Маркус думает, что её присутствие сегодня — это шанс. Не на переворот в совете — у нас и так большинство, если Хелена подтвердит цифры. А на что-то другое.

— На что?

— На то, что Вейл останется один. — Она посмотрела на меня. — По-настоящему один. Без сестры. Без семьи. Без прошлого, за которое он прячется.

Я отпил кофе. Он уже остыл, но всё ещё был вкусным. За окном, в гидропонном саду, фиолетовые лампы сменили утренний спектр на дневной, и листья кофейных кустов отбрасывали длинные тени на стекло.

— Ты думаешь, она решится? — спросил я.

— Не знаю, — сказала Лин. — Но когда я ставила перед ней латте восемь лет назад, она сказала «спасибо» так, будто это слово было для неё редким. Может, сегодня она скажет что-то ещё.

Гирлянда мигнула. Я посмотрел на список. Селина Вейл. Седьмое имя. Самое непредсказуемое. Самое опасное — и, возможно, самое важное.

— Ладно, — сказал я. — Будем надеяться, что Маркус не ошибся.

— Маркус редко ошибается в людях, — ответила Лин. — Он ошибся только однажды. Восемь лет назад. И с тех пор не прощает себе этого.

Я не стал спрашивать, о ком речь. Я и так знал. О человеке, который сейчас, наверное, сидел в административном секторе, поправлял запонки и пил растворимый кофе, не догадываясь, что его сестра сегодня будет пить латте — и, возможно, впервые за восемь лет поднимет глаза.

Планшет мигнул ещё раз:

«Маркус подтверждает: он лично говорил с Селиной вчера вечером. Она не обещала ничего. Но она сказала: «Я приду». Маркус расценивает это как хороший знак».

— Хороший знак, — повторил я. — Будем считать, что у нас есть хотя бы один.

Лин ничего не ответила. Просто взяла турку и начала варить следующую чашку. День продолжался. До дегустации оставалось меньше десяти часов.

День. Тень Рейна

Разговор о Селине иссяк. Лин молча мыла чашки, я сидел за своим столиком и смотрел в планшет, где Элли вывела список гостей. Семь имён. Семь чашек на дегустации. Семь судеб, которые к вечеру переменятся так или иначе.

Я думал о Селине. О том, как она сидела у окна восемь лет назад, пила латте с корицей и сказала «спасибо» так, будто это слово было для неё запретным. О том, что Маркус, возможно, прав: она ждала повода. И о том, что повод, который мы ей предоставим, — запись с голосом её брата, приказывающим убить человека, — может стать не освобождением, а последней гирей.

Кофе остыл. Я уже собирался попросить Лин сварить свежий, когда планшет мигнул. Не зелёным — оранжевым. Элли редко использовала оранжевый.

«Внимание, — побежали строки быстрее обычного. — Зафиксирована активность в техническом коридоре Д-4. Объект: Рейн. Действие: проверка чёрного хода кофейни. Магнитный замок активен. Механический засов держит. Он не пытался взломать. Он просто проверил».

— Проверяет, на месте ли мы, — сказал я.

Лин оторвалась от чашек. Её руки не дрогнули, но я видел, как она на секунду замерла — та самая пауза, которую она всегда брала перед тем, как ответить на сложный заказ.

— Или проверяет, на месте ли замок, — сказала она. — Ищет слабое место.

— У нас нет слабых мест.

— У нас есть кофемашина, которая плюётся паром, и ящики из-под молока у чёрного хода. — Она вернулась к чашкам. — По-моему, это не крепость, а посмешище.

— Хорошее посмешище, — возразил я. — Вчера оно отбило атаку профессионального безопасника.

— Вчера он не ожидал пара. Сегодня он будет умнее.

— Сегодня он не полезет. Он ждёт вечера. Как и мы.

Лин ничего не ответила. Она взяла полотенце, протёрла и без того чистую стойку и бросила взгляд на дверь чёрного хода. Потом на гирлянду. Потом на меня.

— Знаешь, что меня беспокоит? — спросила она.

— Что Рейн умнее, чем мы думаем?

— Нет. Что ему нечего терять. — Она повесила полотенце на крючок. — Вейл может отступить. У него есть власть, репутация, имя. Ему есть что спасать. А Рейн... Он инструмент. Когда инструмент понимает, что его вот-вот выбросят, он либо ломается, либо пытается забрать с собой как можно больше.

Я вспомнил вчерашний коридор. Тень, перегородившую проход. Голос без интонаций: «В космосе легко потеряться». И пальцы в синтетических перчатках, сжимающиеся и разжимающиеся, — единственное движение, выдававшее напряжение.

— Рейн не сломается, — сказал я. — Но и нас не заберёт.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что у нас есть кофемашина, которая плюётся паром, — я отпил холодный кофе и поморщился. — И Элли. И ты. И старый механический ключ. А у него только приказ и отвёртка, о которой он даже не знает, как она называется.

Лин посмотрела на меня долгим взглядом. Потом взяла мою чашку, вылила холодный кофе в раковину и поставила турку на плиту.

— Свежий, — сказала она. — Ты сегодня слишком много философствуешь. Это от холодного кофе.

Я не спорил. Планшет мигнул снова — на этот раз зелёным:

«Рейн покинул технический коридор. Он возвращается в административный сектор. Его походка ровная, без признаков спешки. Я бы сказала, что он удовлетворён проверкой. Или разочарован. Сложно судить по походке. Я ИИ, а не психолог».

— Удовлетворён, — перевёл я. — Значит, нашёл то, что искал.

— Или не нашёл того, чего боялся, — добавила Лин. — Что мы уже сбежали.

— Мы не сбежим.

— Он этого не знает. — Она засыпала молотый порошок в турку. — Пусть думает, что мы просто идиоты. Идиоты не опасны. Опасны те, кто умнее его. А мы, как выяснилось, просто пекари с изолентой.

Я почти улыбнулся.

— Ты когда-нибудь забудешь эту изоленту?

— Никогда. Это была моя лучшая шутка за последний год.

— За последний год у тебя было много хороших шуток.

— Эта — в топ-три. Рядом с ошибкой в названии кофейни и тем, как я убедила Кая, что кофемашина №4 перегревается. — Она поставила турку на конфорку. — Кстати, о Кае. Элли, он в порядке?

«Кай, — отозвалась Элли после короткой паузы, — находится в жилом секторе. Его смена закончилась. Он смотрит фильмы на планшете и ест печенье, которое Лин оставила ему после визита в диспетчерскую. Я бы сказала, что он в полном порядке. Он до сих пор не знает, что стал частью заговора».

— Пусть не знает, — сказала Лин. — Ему это ни к чему.

Кофе закипел. Она разлила его по чашкам и села напротив. Гирлянда мигала. Где-то там, в административном секторе, Рейн докладывал Вейлу, что кофейня на месте, дверь заперта, жертвы не сбежали. Где-то там Вейл поправлял запонки и готовился к вечеру. А здесь, в «Свежевыжатом», мы пили четвёртую чашку за день и молчали о том, что каждый из нас чувствовал.

Тень Рейна всё ещё стояла в коридоре. Мы не видели её, но знали: она там. Ждёт. Как и мы.

День. Отключение света

Лин как раз достала противень.

Я не сразу понял, зачем он ей в середине дня — капкейки были готовы ещё вчера, и звёзды из изюма уже лежали на своих местах, — но потом сообразил: она пекла вторую партию. Не для дегустации. Для себя. Для рук, которым нужно было чем-то заняться, пока голова прокручивала одно и то же: вечер, гости, запись, Вейл.

Я сидел за своим столиком и смотрел, как она раскладывает формочки. Движения точные, экономные — как всегда, когда она нервничала, но не хотела этого показывать. Тесто она замесила ещё утром, пока я не пришёл. Сейчас просто наполняла формочки и выравнивала края.

— Ты же говорила, что выпечка сегодня без корочки, — заметил я.

— Это я для храбрости, — ответила она, не оборачиваясь. — Когда руки заняты, голова молчит. Проверено.

Я хотел сказать, что её голос звучит не так, как обычно, — чуть выше, чуть напряжённее, — но не успел.

Свет погас.

Это произошло мгновенно. Не моргнув, не замигав — просто гирлянда над окном потухла, лампа над стойкой погасла, и кофейня погрузилась в густой синий полумрак. Только свет из гидропонного сада сочился сквозь шторы — фиолетовые лампы дневного цикла ещё горели, но этого едва хватало, чтобы различать очертания столов и стульев.

Я не двинулся с места. Лин замерла с формочкой в руке — на секунду, не больше, — и медленно поставила её на противень. Звук получился глухим, каким-то окончательным.

Тишина. Гравитационная станция гудела — её Вейл отключить не мог, она питалась от отдельного контура, — но все остальные звуки исчезли. Ни жужжания кофемашины, ни шороха рециркуляторов, ни далёкого эха грузовых доков. Как будто колония затаила дыхание.

Я сосчитал до пяти.

На счёте «пять» гирлянда вспыхнула снова.

Не вся — только половина диодов, — и свет от неё был тусклее обычного, желтее. Но его хватало, чтобы видеть лицо Лин, и стойку, и доску с меню, где «Оправдательный — СЕГОДНЯ» было подчёркнуто уже тремя линиями. Резервный аккумулятор кофемашины №4 тихо загудел.

Лин посмотрела на гирлянду. Потом на меня. Потом на противень с недопечёнными капкейками.

— Он думает, мы без света не умеем варить кофе, — сказала она.

Голос у неё был ровный — почти будничным. Только пальцы, всё ещё сжимавшие край противня, чуть побелели.

— Или проверяет, умеем ли мы сидеть в темноте и бояться, — отозвался я.

— Тогда он будет разочарован. — Она отпустила противень, вытерла руки о передник и повернулась к кофемашине. — Элли?

«Я здесь, — раздался голос из динамика. На этот раз Элли говорила вслух — в темноте текст было читать неудобно, и она, кажется, это учла. — Основное питание коммерческого сектора отключено. Аварийные лампы в коридорах включены. Магнитный замок двери переведён на резервный аккумулятор. Гирлянда работает. Кофемашина №4 работает».

— А плита?

«Плита — нет. Она подключена к основной сети. Прости, Лин».

Лин посмотрела на противень с сырыми капкейками, потом на холодную конфорку.

— Значит, выпечка сегодня без корочки. — Она пожала плечами. — Как я и обещала.

Я подошёл к стойке и взял турку. Холодную, бесполезную без плиты. Поставил обратно.

— Кофе будет? — спросил я.

— Будет, — ответила Лин, кивнув на кофемашину. — На резервном аккумуляторе. Пенка будет чуть менее плотной. На три процента. Но это в пределах погрешности.

— Три процента — это не повод для жалобы.

— Сегодня — тем более. — Она нажала кнопку на кофемашине. Та загудела, и через минуту передо мной стояла чашка горячего кофе. Пенка действительно была чуть тоньше, но на вкус это не повлияло. Я сделал глоток. Живой.

Лин обошла стойку, выглянула в иллюминатор. В коридоре горели аварийные лампы — тусклые, синие. Никакого движения. Никакой паники. Колония привыкла к перебоям.

— Интересно, — сказала она задумчиво, — он правда думал, что мы испугаемся?

— Он думает, что темнота — это страх, — ответил я. — Потому что сам боится темноты.

— Все боятся темноты.

— Не все. Некоторые варят в ней кофе.

Лин обернулась. В тусклом жёлтом свете гирлянды её лицо казалось почти скульптурным — резкие черты, седые пряди у висков, которые она называла лунной пылью, и глаза, в которых больше не было напряжения. Только холодная, спокойная готовность.

— Знаешь, что мне сказала Элли сегодня ночью? — спросила она.

— Что ваниль завышена?

— Нет. Это она сказала утром. — Лин взяла свою чашку. — Она сказала: «Свет можно отключить. Гирлянду — нет. Она питается от резервного аккумулятора и от упрямства».

— Упрямство — это возобновляемый ресурс.

— В отличие от электричества.

Я поднял чашку. Лин подняла свою. Мы не чокнулись — просто встретились взглядами и сделали по глотку. Гирлянда мигала. Где-то там, в административном секторе, Вейл, наверное, сидел и ждал новостей. Думал, что мы запаникуем. Что темнота нас сломает.

А мы просто пили кофе. И свет у нас был. И тесто для капкейков — пусть и без корочки — всё ещё стояло на стойке. Лин вернулась к противню, критически оглядела сырые формочки и сказала:

— Ладно. Испеку их завтра. Если будет завтра.

— Будет, — сказал я.

Она не ответила. Просто взяла полотенце, накрыла противень и убрала его в холодильник. Потом подошла к доске с меню, взяла мел и подчеркнула надпись «Оправдательный — СЕГОДНЯ» ещё одной линией. Четвёртой.

— Ты же говорила, что трёх достаточно, — заметил я.

— Это было до того, как он выключил свет. — Она отряхнула меловую пыльцу с пальцев. — Теперь каждая линия — личная.

Планшет мигнул зелёным:

«Резервный аккумулятор держит. Магнитный замок под напряжением. Механический ключ у Джона. Я бы сказала, что мы готовы к вечеру, но я ИИ и не должна давать оценок. Поэтому просто сообщаю: Вейл сделал свой ход. Он ждёт нашего».

— Пусть ждёт, — сказал я. — Ему недолго осталось.

Гирлянда мигала. Четвёртая линия под «Оправдательным» белела в полумраке. До дегустации оставалось меньше восьми часов. Мы пили кофе. И свет у нас был.

Вечер. Капкейки, ключ и последний кофе

К вечеру свет так и не включили.

Лин сказала, что это к лучшему: гирлянда в полумраке выглядит уютнее, а для дегустации уют — это половина успеха. Я не стал спорить. За девять лет я усвоил: когда Лин говорит об уюте, она на самом деле говорит о контроле. Если она контролирует кофейню, она контролирует ситуацию. Если она контролирует ситуацию, у нас есть шанс.

Противень с недопечёнными капкейками она убрала в холодильник ещё днём, а теперь достала другой — с теми самыми, фисташковыми, что приготовила вчера. Двенадцать штук. Двенадцать звёзд из изюма на каждом. Она поставила противень на стойку и критически оглядела результат.

— Кривоватые, — сказал я, подходя ближе.

Звезда на крайнем капкейке действительно была чуть смещена к краю, а у той, что в центре, один луч получился короче остальных. На мой взгляд, это было незаметно. На взгляд Лин — катастрофа.

— Это не кривоватые, — ответила она, беря пинцет и поправляя крайнюю звезду на долю миллиметра. — Это реалистичные. В космосе идеальных звёзд не бывает.

— Том бы сказал: «Калибровка сбита на полмиллиметра».

— Том бы сказал: «Сойдёт для сельской местности». — Она выпрямилась, отряхнула сахарную пудру с пальцев. — И съел бы две штуки, пока я не вижу.

Я взял один капкейк — тот самый, с коротким лучом. Откусил. Крем был нежным, фисташки хрустели. Лин посмотрела на меня с тем выражением, которое я слишком хорошо знал: она хотела что-то сказать, но ещё не решила, стоит ли.

— Съешь все звёзды — лопнешь до дегустации, — сказала она наконец.

— Лучше лопнуть от капкейков, чем от страха.

— Это девиз?

— Это обед. Я сегодня не завтракал.

— Ты никогда не завтракаешь. — Она взяла пинцет и поправила ещё одну звезду — просто чтобы занять руки. — Ковбои, конечно, питаются виски и справедливостью, но мы с тобой в космосе, а не в вестерне.

— В вестерне у меня была бы лошадь.

— У тебя есть «Койот-4». Он ест меньше сена.

Я доел капкейк и машинально проверил внутренний карман. Накладная Грегора — на месте. Ключ — на месте. Я нащупал его пальцами. Металл был тёплым.

Лин заметила этот жест. Ничего не сказала — просто кивнула. Мы оба знали, зачем он нужен. Если дверь заблокируется, если Элли отключат, если магнитный замок умрёт без питания — у меня будет ключ. Старый, механический, с потёртой гравировкой «СВК». Ключ от дома. От единственного места в колонии, где гирлянда никогда не гаснет.

Планшет на стойке мигнул зелёным. Элли — как всегда, без приветствия, сразу к делу:

«Резервный аккумулятор кофемашины №4 заряжен. Магнитный замок двери под напряжением. Все союзники подтвердили прибытие: Маркус, Анна, Олаф, Хелена. Корвин не отвечает, но я фиксирую его передвижение в сторону коммерческого сектора. Селина Вейл вышла из административного яруса. Рейн остаётся в кабинете Вейла. Ожидаю дальнейших указаний».

— Указаний не будет, — сказала Лин. — Ты и так всё знаешь.

Короткая пауза. Затем:

«Я знаю. Я просто хотела, чтобы вы услышали это от меня. Я работаю в этой колонии сто лет. Это первый раз, когда я... Неважно. Удачи. Я в вас верю».

Лин посмотрела на меня. Я посмотрел на неё. Вера Элли — это было что-то новое. И что-то очень хрупкое.

Лин взяла турку — холодную, бесполезную без плиты, — и поставила её на стойку. Просто как символ. Просто потому что она всегда там стояла. Потом подошла к кофемашине №4 и нажала кнопку. Та загудела, и через минуту перед нами стояли две чашки кофе.

— Последний перед дегустацией, — сказала она. — «Чёрный как космос». Без надежды. Надежда кончилась. Осталась только правда.

Я взял чашку. Сделал глоток. Кофе был горячим, горьким, с долгим послевкусием. Как правда. Как приговор.

Мы выпили молча. Гирлянда мигала. За окном, в гидропонном саду, синие ночные лампы сменяли фиолетовые — вечерний цикл начался. Где-то там, в административном секторе, Вейл поправлял запонки и пил растворимый кофе, не зная, что его сестра уже вышла из кабинета. Где-то там Корвин шёл по коридору, сжимая в кармане фотографию верстака Тома. Где-то там Маркус опирался на трость и ждал своего часа.

А здесь, в «Свежевыжатом», гирлянда горела. Кофе был допит. Капкейки стояли на витрине — двенадцать штук, двенадцать звёзд, двенадцать огоньков, которые мерцали в жёлтом свете. Я допил кофе, поставил чашку на стойку и посмотрел на Лин.

— Пора? — спросил я.

— Пора, — ответила она.

Она подошла к доске с меню и подчеркнула надпись «Оправдательный — СЕГОДНЯ» последней, пятой чертой. Мел крошился. Белая пыль осталась у неё на пальцах, на золотой чашке передника. Она не стала её стряхивать.

Потом сняла передник — тот самый, рабочий, с вышитой кофейной чашкой, — и надела другой. Белоснежный, накрахмаленный, с золотой нитью на груди. Завязала тесёмки тугим узлом. Расправила складки.

— Теперь готова, — сказала она.

Я в последний раз проверил ключ во внутреннем кармане. Он был на месте. Накладная Грегора — на месте. Значка не было, но пустота на груди больше не ощущалась как потеря. Она ощущалась как свобода.

Я подошёл к двери и взялся за ручку.

— Вру, что не боюсь, — сказал я.

— Это нормально, — ответила Лин. — Я тоже вру.

Я открыл дверь. В коридоре горели аварийные лампы — тусклые, синие, — и в их свете я увидел первую фигуру. Маркус. Он опирался на трость и смотрел на меня с выражением человека, который слишком долго ждал этого момента.

— Добрый вечер, шериф, — сказал он. — Мы не опоздали?

— В самый раз, — ответил я.

За его спиной, в полумраке, угадывались ещё двое — Анна и Олаф. А дальше, в глубине коридора, двигались ещё две тени. Хелена Ким с планшетом под мышкой. И — с лёгкой задержкой, словно всё ещё сомневаясь, — Селина Вейл.

Я отступил в сторону, пропуская гостей. Лин стояла у стойки, прямая, спокойная, с чашками, расставленными по росту. Кофемашина №4 тихо гудела. Гирлянда мигала.

Дегустация началась.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.